

T

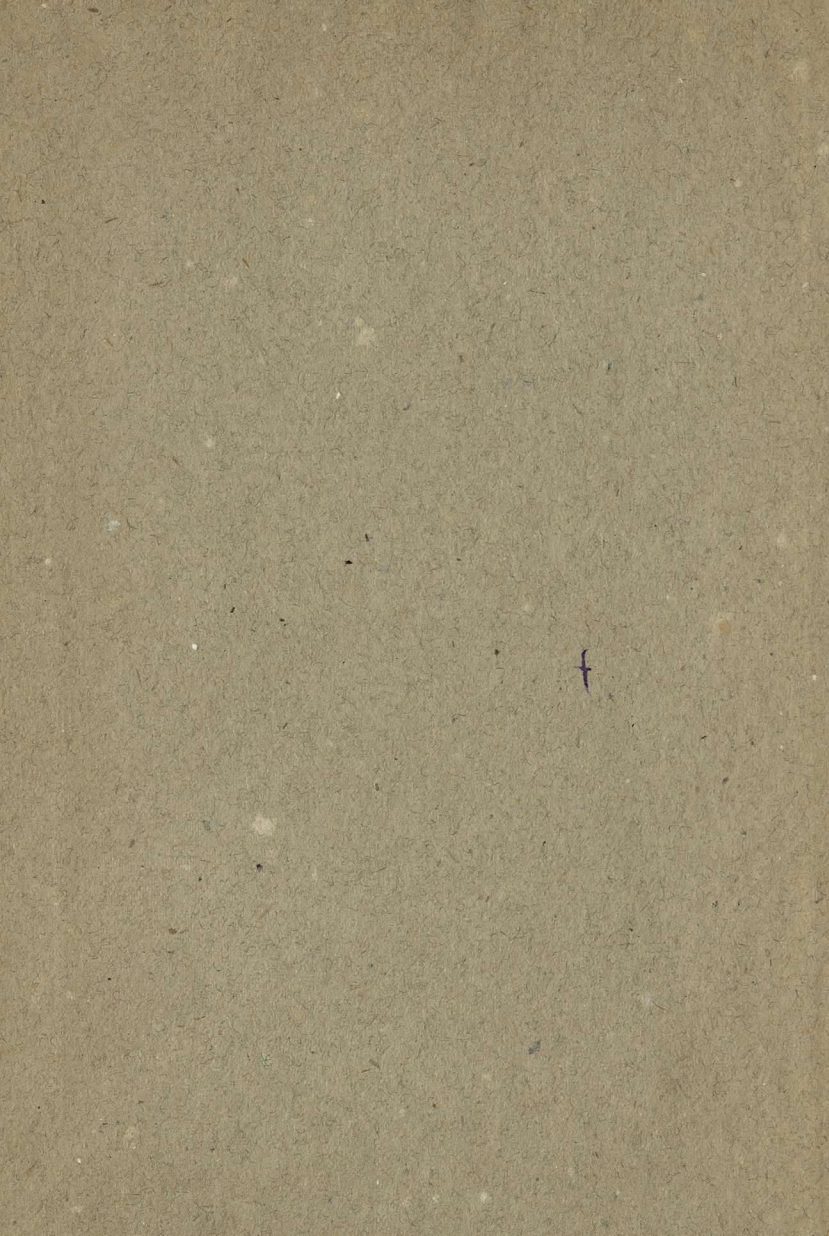
27

329

T 27
329

MM

27
329

КАРТИНКИ КАВКАЗА.

Пятигорскъ и его окрестности. — Военно-грузинская дорога. —
Тифлисъ. — Ріонская долина.

ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢТКИ

О КАВКАЗСКОЙ ПРИРОДѢ

Павла Залѣсова.

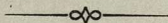
МОСКВА.

Типографія Э. Лиссертъ и Ю. Романъ
Арбатъ, домъ Карикской.
1882.

КАРТИНКИ КАВКАЗА.

Пятигорскъ и его окрестности. — Военно-грузинская
дорога. — Тифлисъ. — Ріонская долина.

ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢТКИ О КАВКАЗСКОЙ ПРИРОДѢ

Павла Залтсова.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ.
Арбатъ, домъ Каринской.
1883.

Дозволено цензурою. Москва, 15-го октября 1882 года.

2020027058

КАРТИНКИ КАВКАЗА.

(Путевыя воспоминанія и замѣтки).

I.

Харьковская губернія. — Столица Украйны. — Южныя степи. — Таганрогъ. — Плаванье по Азовскому морю и Дону. — Ростовъ. — Ростово-Владикавказская желѣзная дорога.

Посѣтить Кавказъ было давно моею любимой и неотвязной мечтой. Я былъ очень радъ, что наконецъ мнѣ удалось привести ее въ исполненіе нынѣшнимъ лѣтомъ.

Оставивъ Бѣлополье, маленькій, скромный, но гостепріимный уголокъ Харьковской губерніи, гдѣ я обыкновенно провожу лѣтніе мѣсяцы, я весело покатишь на югъ, въ желанную страну, которая мнѣ иначе не представлялась, какъ въ самыхъ поэтическихъ краскахъ.

Дорога до Харькова идетъ частыми перелѣсками и рошицами, у которыхъ ютятся чистенькіе малороссійскіе хутора. Мѣстность всюду выглядитъ веселой, оживленной, густо населенной. Тутъ раскинулась огромная, занявшая обѣ стороны дороги, слобода; тамъ, въ зелени тополей и вербы, потонулъ какой-то заводъ, котораго видна только дымящая труба.

Признаюсь, прежде о Харьковской губерніи я имѣлъ совершенно превратное понятіе: я представлялъ ее себѣ степной, ровной, безлѣсной. Оказывается совсѣмъ напротивъ. Она гораздо болѣе испещрена возвышенностями, чѣмъ, напримѣръ, многія подмосковныя губерніи. Лощины, овраги, холмы попадаются въ ней то и дѣло. Хутора, сверкающіе своими бѣлыми мазанками, крытыми соломой, всѣ окружены растительностью. Встрѣчаются не только рощи, но цѣлые лѣса, простирающіеся на значительное пространство. Въ одномъ только недостатокъ — воды мало. Многіе поселки стоятъ, не имѣя около себя ни рѣкъ, ни рѣчекъ, ни даже плохенькаго пруда. На всемъ протяженіи отъ Бѣлополя до Харькова (около 240 верстъ) встрѣчаются только двѣ большихъ рѣки: Псіоль и Ворскла; и то онѣ большими могутъ быть названы только относительно, потому что шириною онѣ не болѣе шести или восьми сажень.

Но вотъ и Харьковъ — столица Украины. Я видѣлъ его мелькомъ, потому сказать о немъ могу немного. Нашелъ его городомъ очень большимъ, живымъ, повидимому, богатымъ, но мало устроеннымъ, насколько это можно судить по бросающейся въ глаза внѣшности. Мостовыя его плохи и слишкомъ пыльны; при малѣйшемъ вѣтрѣ цѣлыя тучи песку несутся по улицамъ, застилая все, какъ туманомъ, и дома, и людей. На нѣкоторыхъ улицахъ колеса экипажа просто тонутъ въ пыли.

Вотъ эта-то неопрятность, неряшливость, сквозящія всюду, вонь и грязь, присущія базарамъ и торговымъ рядамъ, дѣлаютъ Харьковъ очень похожимъ на нашу родимую Москву.

Да и во многомъ Харьковъ напоминаетъ нашу древнюю столицу. Гуляя по его улицамъ, даже лучшимъ, каковы: Екатеринославская, Московская и Сумская, забываешь, что находишься въ незнакомомъ городѣ; ну такъ и кажется, что попалъ на какую-нибудь Знаменку или Плющиху.

Харьковъ — городъ торговый, ведетъ многомилліонные обороты, но онъ денежки свои прячетъ, не любитъ ихъ расходовать. Онъ не завелъ себѣ ни порядочнаго театра (театральное зданіе на Сумской улицѣ и мало, и грязно до-нельзя, какъ извѣтъ, такъ особенно внутри), ни порядочныхъ мостовыхъ. Мосты, перекинутые черезъ рѣчки: Харьковъ и Лопань, деревянные; набережныя камнемъ не выложены; домовъ изящной постройки нѣтъ; на всѣхъ зданьяхъ лежитъ какой-то казенный отпечатокъ. Университетъ стѣсненъ въ какой-то узенькой улицѣ и далеко уступаетъ по наружному виду университетамъ другихъ городовъ. Словомъ, Харьковъ — богатый купецъ, который еще не снялъ своего длиннополага кафтана и который, поглаживая русую бороду, съ самодовольствомъ произноситъ: «намъ эфтова, заграничнаго-то, не надоть! и такъ проживемъ помаленьку, молитвами нашихъ родителей».

Я пробылъ въ Харьковѣ всего одни сутки и за день успѣлъ исходить его вдоль и поперекъ; вечеромъ посѣтилъ единственно-порядочный, наиболѣе излюбленный здѣшней публикой, увеселительный садъ «Тиволи», но онъ мнѣ не понравился. На другой день я выѣхалъ.

За Харьковымъ вскорѣ начинаются степи, которыя широко гладью раскинулись до самыхъ Кавказскихъ горъ и Чернаго моря. Просторъ необъятный — словно морская рав-

нина, распростерлись онѣ въ безконечность, сливаясь на дальнемъ горизонтѣ съ синевою небесной полусферы. Ни холма, ни пригорка, и только одни могильные курганы — свидѣтели сѣдой древности — выступаютъ надъ пространной плоскостью легкими, волнообразными буграми.

Много писано о степяхъ; поэты опоэтизировали ихъ до невозможности; человѣкъ, никогда не видавшій ихъ, будетъ мечтать о нихъ, какъ о какомъ-то эдемѣ. Но, вѣрно, нужно пожить въ степяхъ или сродниться съ ними, чтобы понять вполне всю ихъ прославленную прелесть. Проѣзжему, тѣмъ болѣе наблюдающему ихъ изъ окна вагона, онѣ покажутся унылой, безпріютной пустыней. Ни одна жилка жизни не бьется въ нихъ — все мертво и пустынно. Ни городовъ, ни деревень, никакого признака человѣческаго жилья не видно на цѣлые десятки верстъ. Кое-гдѣ мелькнетъ обработанный участокъ земли, кое-гдѣ покажется погруженный не то въ дрему, не то въ тяжелую, неотвязную думу загорѣлый хохолъ на своей классической парѣ воловъ. И снова все безжизненно.

Среди этой поразительной мертвенности какимъ-то страннымъ диссонансомъ кажется грохотъ мчащагося поѣзда и его пронзительный свистокъ, раздающійся громко въ мертвомъ воздухѣ. Страшное однообразіе — вотъ характеристическая черта степей; оно наводитъ уныніе, скуку, навѣваетъ сонъ; но проснитесь черезъ два — три часа — поѣздъ умчалъ васъ далеко, но вамъ кажется, что вы все на томъ же мѣстѣ: та же безпредѣльная гладь кругомъ васъ, та же безжизненная пустыня — точно ангелъ смерти пролетѣлъ надъ этимъ

обширнымъ краемъ, который однако-жь, говорятъ, бываетъ весною чуденъ и прекрасенъ. Вотъ какъ описываетъ его одинъ наблюдатель:

«Много приволья и простора жизни среди южно-русскихъ степей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака какъ-то беспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣсней. Рѣки, въ разливѣ своемъ, охватили луга, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ логамъ и оврагамъ. Новая, свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны. Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался на Божій міръ, и радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланные его трудомъ и богатыя будущею жатвой».

«Я видѣлъ степь въ маѣ. Солнце одиноко и знойно сіяло въ лазури неба. Воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханье, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина — отрадная, невыразимая... Вѣрно, въ это время поэтъ слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ травой и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы».

«Я былъ въ степяхъ, и теперь онѣ будто предо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребра рѣкъ-великановъ, и пустыню неба съ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву звѣзднаго свода среди ночи, ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и мятелей».

«Какъ часто среди тишины неожиданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи, то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль, бѣжитъ, растеть, вздымается къ облакамъ и вдругъ, будто выбившись изъ силъ, роняетъ все, что захватилъ на пути, и добыча безобразно сыплется на землю».

«Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженные широкимъ разливомъ рѣки; точно озеро и на немъ острова, покрытые деревьями; тамъ бродятъ какія-то громадныя животныя - чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны.... Приближаетесь — и все, какъ очарованное, удаляется отъ васъ; идете тихо — и зданія, и воды отодвигаются медленно; скачете — и все бѣжитъ и измѣняется... а предъ вами та же пустыня неба и безводной степи и тѣ же могильные курганы. Не грядущую ли жизнь и благо степей преобразуютъ эти видѣнья?»

Вотъ каковы степи весною! Можетъ быть, тогда дѣйствительно онѣ полны жизни и поэзіи. Солнце ласково лелѣетъ ихъ своимъ сіяніемъ; свѣжая, сочная трава покрываетъ ихъ роскошнымъ яркимъ ковромъ; благоуханье растеній разносится

въ воздухѣ; птицѣй гамъ стоитъ повсюду — и въ небѣ, и въ чащѣ травяной. Но настало лѣто. Ни капли дождя не упадетъ на жаждущую землю; солнце, какъ страшный призракъ, ходитъ надъ опаленной пустыней; увядающія травы желтѣютъ; серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ засыхающей зелени. Птицы не рѣютъ въ воздухѣ. Все замерло и замолкло. Въ такую-то пору мнѣ пришлось видѣть эти наши саванны и преріи.

Я ѣхалъ этими степями безостановочно вплоть до Азовскаго моря. Здѣсь, на берегу его, въ городѣ Таганрогѣ, я оставилъ желѣзную дорогу съ тѣмъ, чтобы моремъ проѣхать въ Ростовъ.

Таганрогъ — портовый, но скучный и безжизненный городъ. Даже на пристани его не замѣтно особенной дѣятельности. Впрочемъ мнѣ пришлось видѣть его только днемъ, а днемъ южные города вообще не представляютъ оживленія: знойное солнце гонитъ всѣхъ съ горячихъ, закованныхъ въ камень, улицъ. Дома кажутся какими-то тюрьмами: всѣ окна въ нихъ имѣютъ рѣшетчатые ставни или жалюзи, предохраняющіе комнаты отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Осмотръ города не даетъ ничего интереснаго. Главная улица — Петровская. На ней единственно-красивое зданіе — Окружнаго Суда. На Іерусалимской улицѣ — домъ градоначальника и монументъ изъ темной бронзы на мраморномъ пьедесталѣ темносѣраго цвѣта. На немъ надпись: «Александрѣ I. 1830». Монументъ пред-

ставляетъ статую императора со сверткомъ въ рукахъ. Въ ногахъ изображенъ орелъ.

На Греческой улицѣ, какъ историческая достопамятность, сохраняется домъ, въ которомъ скончался императоръ Александръ I. Домъ этотъ, выстроенный въ одинъ этажъ, весьма простъ и по внутренней, и по внѣшней отдѣлкѣ. Это — скорѣе старинный барскій домъ незатѣйливой постройки, чѣмъ жилище императора. Мебель въ комнатахъ старинная, красного дерева; вообще вся обстановка осталась та же самая, что была и въ то время, когда въ этомъ домѣ останавливался покойный государь.

Первая комната при входѣ залъ; находящіеся здѣсь старинные часы въ длинномъ ящикѣ и большой барометръ не дѣйствуютъ. Направо входъ въ походную церковь, устроенную въ той комнатѣ, которая служила государю спальней и гдѣ онъ скончался. Подъ ней, въ подвальномъ этажѣ, каменный четырехугольникъ, на одной сторонѣ котораго вдѣлано чугунное изображеніе кончины императора. Изъ залы налево — гостиная; въ ней гипсовый бюстъ государя. Потомъ — спальня покойной супруги Александра I, императрицы Елизаветы Алексѣевны. Здѣсь на столѣ положенъ покровъ съ вышитой золотомъ надписью: «То мѣсто свято, гдѣ Ты молилась. 1826». Далѣе идетъ комната, гдѣ стоитъ кровать императора, на которой онъ умеръ. Потомъ чайная, уборная, дежурная, комнаты для прислуги, библіотечная, гдѣ стоятъ теперь пустые шкафы; тутъ же на столѣ лежитъ опись всѣмъ вещамъ, находящимся въ домѣ, и планъ дома, въ которомъ двѣнадцать комнатъ, не считая предназначенныхъ для прислуги.

Въ два часа дня на пароходѣ «Генераль Гурко» я выѣхалъ въ Ростовъ. Погода стояла тихая, ясная и жаркая. Море рябило, но не волновалось. Тѣмъ не менѣе нашъ пароходикъ, маленькій и грязненькій, ухитрился перекачиваться съ боку на бокъ. Такъ переваливаясь то на правый, то на лѣвый бокъ, онъ шелъ всю дорогу до Ростова, на разстояніи 60—70 верстъ, издавая по временамъ непріятное шуршанье дномъ своимъ. Капитанъ парохода объяснялъ, что это отъ мелей.

— Что-же мы, сядемъ? спросилъ я.

— «Нѣтъ, теперь не сядемъ», отвѣчалъ онъ; «черезъ мѣсяць сядемъ».

Я благодарилъ судьбу, что я-то ужъ во всякомъ случаѣ черезъ мѣсяць не сяду на мель, потому что мнѣ не придется здѣсь ѣхать вторично.

Азовское море въ этомъ районѣ, въ сѣверо-восточномъ своемъ углу, чрезвычайно мелко, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ходятъ пароходы, оно имѣетъ не болѣе шести — семи футовъ, а на перекатахъ и того менѣе. Къ югу, съ правой стороны отъ нашего пути, оно простиралось безконечной гладью, на которой тамъ и сямъ обрисовывались контуры кораблей и судовъ съ натянутыми парусами, а слѣва оно узкимъ заливомъ вдавалось въ материкъ, берегъ котораго постоянно оставался у насъ въ виду. Впереди зеленѣла какая-то низменная полоса, чуть не вровень съ поверхностью моря. Впослѣдствіи оказалось, что это плавни, простирающіеся по обѣ стороны Дона, въ устьѣ котораго мы скоро вошли.

Донъ тихо катитъ свои воды межъ плоскихъ береговъ, поросшихъ густымъ камышомъ. Вначалѣ онъ безлюденъ и пустыненъ,

а потомъ, когда правый берегъ его нѣсколько возвысился, довольно часто стали попадаться станицы, по большей части весьма обширныя. Иногда какая-нибудь станица вытягивалась по берегу версты на три, на четыре и болѣе. Жители ихъ, казаки, почти всѣ рыболовы. Рыбачьи лодки сновали тамъ и сямъ по рѣкѣ, забирались въ камыши противоположнаго лѣваго берега или замирали на одной точкѣ, гдѣ-нибудь на срединѣ рѣки. Рыболовныя сѣти сушились на солнцѣ, вытянутыя по берегу на кольяхъ. Большіе табуны лошадей паслись на привольныхъ лугахъ, иногда подходя къ самой рѣкѣ. Станичные жители, завидя парходъ, высыпали на берегъ и съ любопытствомъ на насъ смотрѣли. Но вотъ и вся жизнь, которая видна на Дону. Что-же касается движенія судовъ, то оно ничтожно. За все время нашего плаванія намъ встрѣтился только одинъ парходъ и ни одного судна.

Былъ уже вечеръ, когда мы стали подѣзжать къ Ростову. Видъ на него съ Дона прелестный. Церковные куполы, груды большихъ каменныхъ строеній столпились на возвышенномъ берегу, какъ бы надъ самою рѣкой. Рѣка покрыта множествомъ судовъ, а надъ нею протянулся изящный, высокій мостъ, по которому, въ виду насъ, красиво двигался желѣзнодорожный поѣздъ.

Ростовъ издали кажется лучше, чѣмъ въблизи. Впрочемъ это участь очень многихъ городовъ. Лучшая улица въ немъ — Большая Садовая. Это центръ города. Здѣсь лучшія гостиницы (наприм. Щелокова), лучшіе магазины; здѣсь же сосредоточены всѣ увеселительныя садики: Шато-де-флёръ, Каскадъ и другіе. Затѣмъ есть еще одна хорошая улица — Таганрогскій проспектъ, а всѣ остальные ниже посредственности.

Когда на другой день по приѣздѣ въ Ростовъ я отправился въ вокзалъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать далѣе на югъ, я былъ удивленъ тою массою народа, которая кишѣла въ вокзалѣ. Куда же все это помѣстится? невольно спрашивалъ я себя. Но вотъ первый звонокъ. Разомъ хлынула вся эта толпа, спѣша поскорѣе занять мѣста. Въ вагонахъ происходили чуть-чуть не кулачныя побоища. Выбрасывались чужія вещи, выталкивали другъ друга. Особенно горячилась одна женщина. Она никакъ не хотѣла разстаться съ горою подушекъ и другихъ вещей, которыя она разложила кругомъ себя на лавкѣ. Съ ней рьяно вошелъ въ состязаніе какой-то купецъ, сѣдой, какъ лунь, и красный, какъ печеный ракъ. Онъ злобно скидывалъ съ лавки ея вещи и нагружалъ свои, но женщина не уступала; она схватывала вещи купца и въ свою очередь сбрасывала ихъ на полъ. Все это пересыпалось крикомъ и грубостями съ обѣихъ сторонъ. Но поѣздъ тронулся, гнѣвъ ссорившихся значительно спалъ; они уже вошли въ дипломатическіе переговоры, размежевали свои владѣнія и, вытирая потъ съ своихъ лицъ, скоро стали разговаривать въ миролюбивомъ тонѣ. Женщина призналась, что она очень горяча и сердита, «но я вдова, оттого я такая и злая» добавила она, чѣмъ доставила немалое удовольствіе всему вагону — всѣ расхохотались этому оригинальному объясненію.

Ростово-Владикавказская желѣзная дорога давно уже прославилась своими безпорядками. Что на ней, при отправленіи каждаго поѣзда, происходитъ въ вагонахъ чуть не драка — этому уже никто не удивляется: билетовъ продаютъ болѣе, чѣмъ сколько имѣется мѣстъ; вслѣдствіе этого въ вагонахъ

негдѣ повернуться — сидять не только на лавкахъ, но даже въ проходахъ между лавками, прямо на полу, или стоятъ на платформахъ между вагонами. Безпорядки эти дѣлаются особенно безобразными, когда съ полевыхъ работъ возвращаются въ Россію косари; съ ними не церемонятся; загоняють ихъ въ вагонъ цѣлымъ стадомъ, не обращая никакого вниманія, хватить ли тамъ мѣстъ для сидѣнья или нѣтъ. А то такъ еще лучше: продадутъ имъ билеты, а когда окажется, что на пришедшемъ къ какой-нибудь станціи поѣздѣ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста, то несчастнымъ рабочимъ грубо объявляютъ, что они должны остаться до слѣдующаго поѣзда, т. е. до слѣдующаго дня, потому что въ сутки только одинъ поѣздъ. На слѣдующій день та же исторія, такъ что многіе, прождавъ такимъ образомъ нѣсколько сутокъ, отправляются пѣшкомъ. Чѣмъ объясняются подобные безпорядки? Не тѣмъ ли, что на этой дорогѣ недостаточный контроль? А что контролю здѣсь дѣйствительно мало, доказывается тѣмъ, что очень многіе проѣзжаютъ безъ билетовъ. Много является молодцевъ, которые входятъ въ стачку съ кондукторами, платятъ имъ половинную, даже четвертную цѣну стоимости билета, и затѣмъ чувствуютъ себя въ вагонѣ, какъ дома.

Но кондуктора иногда позволяютъ себѣ надъ такими измываться. Разъ была такая сцена: въ вагонъ входитъ кондукторъ и во всеуслышаніе объявляетъ — кто безъ билета, тотъ маршъ скорѣе подъ лавку: контролеръ сейчасъ придетъ. Разомъ сорвалось съ лавокъ человекъ восемь и поспѣшно стали прятаться подъ лавку. Въ одно мгновенье все успокоилось.

— «Готово?» спросилъ кондукторъ.

— Готово! кто-то отвѣтилъ.

— «Ну, вылѣзай назадъ!» сказала тогда кондукторъ, самодовольно осклабяясь; «никакого контролера нѣтъ; это я такъ — репетицію только сдѣлала!» И снова, какъ тараканы изъ-за печки, начали выползать изъ-подъ лавокъ рабочіе, пробирающіеся безъ билетовъ.

Прислуга на Владикавказской дорогѣ не отличается вѣжливостью. Станціи дороги построены въ глухой степи и на многихъ изъ нихъ буквально нечего ѣсть, такъ что пассажиры должны запастись заблаговременно собственной провизіей. А въ какомъ положеніи находятся шпалы этой дороги, это доказываютъ ежегодныя несчастія, случающіяся на этой дорогѣ. Особенно было сильно то, которое произошло нынѣшнимъ лѣтомъ, 26 іюня.

Я не говорю ужъ о той грязи, о томъ сквернѣйшемъ содержаніи вагоновъ, которыя трудно гдѣ-либо встрѣтить. Вообще все доказываетъ, что Управленіе этой злосчастной дороги убѣждено, что не оно существуетъ для публики, а, напротивъ, публика для него.

Проведя мучительную, безсонную ночь въ вонючемъ и переполненномъ рабочимъ людомъ вагонѣ, я былъ радъ, что настало наконецъ утро.

Вотъ переѣхали Кубань, быструю и широкую рѣку, мутныя воды которой елокачатъ, словно кипятокъ. Вдали показались неясныя очертанія предгорій Кавказа. Словно высокіе курганы, или какъ-бы пирамиды, синѣли горныя вершины,

отдѣльно поднимавшіяся съ возвышенной плоскости. Рѣзче вѣхъ выдавался Бештау, а возлѣ него вздымались какія-то другія куполообразныя возвышенія. Особенно оригинальна была одна вершина. Точно нарочно выстроенная стѣна, подымалась она на небольшомъ бугрѣ, представляя издали какъ-бы лезвіе кинжала. Потому она и называется «Кинжалъ-гора» (по кабардински: Ошаты-Кумъ).

Вся мѣстность отъ самаго Ростова до станціи «Минеральныя воды», гдѣ я оставилъ желѣзную дорогу, чтобы посѣтить Пятигорскъ и окружающія его мѣстечки съ цѣлебными источниками, идетъ необозримой степью, въ которой еще недавно сравнительно разыгрывались кровавыя сцены. Не прошло и четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ этой, пересѣченной оврагами и легкими возвышеніями, мѣстности, густо заросшей камышомъ и высокими травами, наши кубанскіе молодцы — черноморскіе казаки и пластуны — схватывались съ дикими хищниками — черкесами. Близъ станціи Армавиръ и теперь еще видны укрѣпленія «Прочный Окопъ», которыя долгое время служили опорнымъ пунктомъ для русскихъ войскъ противъ хищныхъ горцевъ.

II.

Желѣзноводскъ. — Его паркъ и минеральныя воды. — Восхождение на Бештау. — Пятигорскъ и его достопримѣчательности. — Проваль. — Легенда о Бештау. — Лермонтовскій праздникъ. — Памятники древности. — Кисловодскъ.

тѣ станціи «Минеральныя воды» устроено прекрасное шоссе по направленію къ Пятигорску, до котораго считается 20 верстъ. Сообщеніе производится посредствомъ почтовыхъ экипажей, и также въ парныхъ извозничьихъ фаэтонахъ.

Дорога отъ станціи ведетъ прямо къ подножію Бештау; здѣсь, у нѣмецкой колоніи Каррасъ, она раздѣляется на двѣ вѣтви: одна направляется въ Пятигорскъ, а другая въ Желѣзноводскъ. Мѣстность между станціей и Желѣзноводскомъ слегка взволнована, представляя обширную равнину, на которой, вправо отъ дороги, безъ всякихъ предгорій, круто вздымается тупымъ, скругленнымъ конусомъ Змѣиная гора, вся испещренная сверху до низу сѣрыми полосами, образовавшимися отъ стока дождевой воды. Остальное пространство, лежащее между полосами, поросло лѣсомъ. Далѣе виднѣется «Развалъ-гора», напоминающая фигуру колоссальнаго спящаго льва, потомъ Желѣзная, у подножія которой раскинулся Же-

лѣзноводскѣ съ своимъ великолѣпнымъ паркомъ, а еще далѣе — прямо противъ дороги — грандіозною массою поднялся трехглавый Бештау. Хотя Бештау и означаетъ пять горъ, но онѣ разомъ никогда не бываютъ видны; съ какой стороны ни смотрите, Бештау отовсюду представляется только съ тремя вершинами. Влѣво отъ дороги поднялась надъ равниной продолговатая масса Лысой горы, а за нею, точно мохнатая шапка, стоитъ Машука, вся поросшая лѣсомъ и на широко раскинувшихся своихъ склонахъ, и на тупо закругленной вершинѣ. Всѣ эти горы почти не связаны между собою возвышеніями, но выступаютъ изъ равнины, точно одинокіе острова среди моря.

Отъ Карраса шоссе входитъ въ густой лѣсъ, который тянется до самаго Желѣзноводска; оно слегка, почти непримѣтно для глаза, поднимается все выше и выше, бѣлою лентой извиваясь между холмами волнообразнаго подножія Бештау, и наконецъ, черезъ какихъ-нибудь полчаса, приводитъ къ Желѣзноводскому поселенію, расположенному къ сѣверу отъ Пятигорска, на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Желѣзноводскіе источники, вѣроятно, извѣстны были давно, но впервые были изслѣдованы и описаны только въ 1810 году докторомъ Гаазомъ. Особенное стараніе къ нимъ прилагалъ генералъ Ермоловъ, по приказанію котораго выстроено было первое зданіе для помѣщенія больныхъ. Этимъ было положено основаніе Желѣзноводску. Съ тѣхъ поръ это поселеніе увеличивалось постепенно, но только лѣтъ шесть или семь, какъ оно стало замѣтно улучшаться. Въ настоящее время Желѣзноводскъ имѣетъ видъ небольшого, скорѣе иностраннаго,

чѣмъ русскаго, городка и представляетъ цѣлый рядъ довольно хорошихъ построекъ, вытянувшихся по обѣ стороны шоссе и жмущихся къ самому парку, гдѣ сгруппированы минеральные ключи. Большая часть ихъ на зиму пустѣетъ и только лѣтомъ, когда продолжается лѣчебный сезонъ, Желѣзноводское поселеніе оживляется и дѣлается многолюднымъ.

Центръ жизни Желѣзноводска составляетъ вокзалъ въ которомъ помѣщается довольно хорошій ресторанъ; обширная зала ресторана служить для танцевъ; въ гостиной имѣется рояль, готовая къ услугамъ желающихъ играть на ней. Передъ вокзаломъ, на полукруглой площадкѣ, съ которой открывается прелестный видъ на колоссальную массу Бештау, по вечерамъ и утрамъ обыкновенно собирается вся пріѣзжая публика. Тутъ же по близости играетъ оркестръ музыки, утромъ отъ 6 ¹/₂ до 8 часовъ, а вечеромъ отъ 5 до 7 ¹/₂. Вокзалъ помѣщенъ почти въ началѣ парка, который тянется далеко въ глубь, огибая Желѣзную гору съ восточной стороны. Выше, у самаго подножія горы, онъ сливается съ лѣсомъ, окутавшимъ всю гору до самой вершины, поднимающейся не болѣе, какъ сажень на сто съ небольшимъ надъ скромнымъ городкомъ. Пріѣзжіе проводятъ обыкновенно цѣлый день въ паркѣ, въ которомъ сосредоточены почти всѣ источники, ванны и разныя постройки, какъ-то: галлерея, гдѣ продаются минеральныя воды другихъ группъ, навильонъ для питья кумыса, вокзалъ, тиръ, гимнастика, кегли и проч. Съ ранняго утра больные наполняютъ этотъ обширный и тѣнистый паркъ; одни идутъ пить воды, другіе принимать ванны, третьи углубляются въ самыя уединенныя мѣста для бесѣды и чтенія или

просто для отдыха отъ палящаго зноя, который дѣлается нечувствительнымъ въ тѣни раскидистыхъ чинаровъ или густорастущихъ кустарниковъ, перевитыхъ вѣтвями дикаго винограда. Вечеромъ, послѣ заката солнца, въ паркѣ дѣлается довольно прохладно; поэтому публика изъ него расходится по домамъ часовъ съ девяти обыкновенно. Но многіе, вѣроятно особенно любящіе прохладу, не смущаются ни увеличивающеюся все болѣе и болѣе свѣжестью, ни наступившимъ мракомъ, и въ сладкой бесѣдѣ *tête-à-tête* совершаютъ уединенныя и запоздалыя прогулки. Пройдитесь въ это время по парку. Густой мракъ едва позволяетъ вамъ находить дорогу и вы только слышите, какъ тутъ или тамъ раздается сдержанный шепотъ, умоляющій о чемъ-то, или признающійся пока въ любви, раздается прерванный поцѣлуй или незвонкій смѣхъ. Порою вамъ встрѣтится безмолвная парочка, какъ бы смущенная вашимъ появленіемъ и спѣшащая поскорѣе отъ васъ удалиться. Вы начинаете понимать тогда, что здѣсь разыгрываются какія-нибудь перипетіи романа. И не удивительно! Этотъ паркъ такъ густъ, такъ тѣнистъ и вмѣстѣ такъ поэтиченъ, что невольно располагаетъ къ романическимъ мечтамъ и чувствамъ. Если вы не поддались имъ, то значитъ вы очень черствый человѣкъ. Поговорите объ этомъ паркѣ съ любой молодой особой — вы наслышитесь о немъ самыхъ восторженныхъ похвалъ: «Ахъ, этотъ паркъ!», «ахъ, какой дивный паркъ!», «ахъ, ахъ!» и такъ далѣе.

Желѣзноводскіе минеральные источники имѣютъ различную температуру — отъ 12 до 40 градусовъ по Реом. — и раз-

личный химическій составъ съ главнымъ содержаніемъ желѣза. Ими пользуются, какъ для наружнаго, такъ и для внутренняго употребленія. Изъ ваннъ для купанья чаще всего рекомендуются: Калмыцкія, Муравьевскія и Барятинскія. Первыя стоятъ на площадкѣ близъ парка, имѣютъ видъ восьмиугольнаго павильона и названы такъ оттого, что вначалѣ онѣ были построены въ формѣ калмыцкой кибитки. Отъ нихъ — прелестный и оригинальный видъ на долину, изъ которой поднимаются вдали Медовая и Быкъ-гора.

Для внутренняго употребленія служатъ источники: Маринскій, Грязнушка и Великаго Князя Михаила. Грязнушка — самый теплый — въ 37 град., и вмѣстѣ самый высокій: онъ лежитъ на высотѣ 2100 футовъ надъ поверхностью моря. Названіе свое онъ получилъ оттого, что прежде, когда онъ не былъ обдѣланъ, вода его очень скоро мутилась отъ малѣйшаго волненія. Михайловскій источникъ помѣщенъ въ каменномъ красивомъ гротѣ; вода его очень пріятна на вкусъ; она имѣетъ 16 градусовъ.

Для развлеченія публики въ Желѣзноводскѣ устраиваются танцевальныя вечера, даются концерты или какія-нибудь другія представленія; предпринимаются по окрестностямъ прогулки или поѣздки, изъ которыхъ поѣздка верхомъ на Бештау считается какъ-бы обязательной для каждаго. Я также заплатилъ дань этому обычаю, но, конечно, не изъ угожденія ему, а изъ собственнаго любопытства.

Насъ отправилась цѣлая компанія: четверо мужчинъ и двѣ дамы, и не верхами, какъ это здѣсь принято, но пѣшкомъ.

Кромѣ одного нашего спутника, оказавшаго намъ любезность быть нашимъ вожатымъ и взбравшагося чуть не въ третій разъ на вершину этой наиболѣе здѣсь высокой горы, никто изъ насъ и понятія не имѣлъ о тѣхъ немалыхъ трудностяхъ, которыя намъ пришлось преодолѣть во время восхожденія. Хотя каждый изъ насъ предполагалъ, что насъ ждетъ сильное утомленіе, однако всѣ мы, отправляясь въ путь, запаслись большою дозою храбрости и энергіи и рѣшили, во что бы то ни стало, достигнуть цѣли своего желанія.

Съ утра погода намъ не особенно благопріятствовала. Надъ вершинами Бештау стали скопляться облака, постепенно спускавшіяся все ниже и ниже. Наша прогулка, о которой мы мечтали нѣсколько дней, готовилась уже разстроиться; но судьба, вѣрно, жалилась надъ нами: къ одиннадцати часамъ дня небо стало разъясняться, и мы двинулись въ путь.

Дорога сначала шла глубокой лощиной, густо поросшей лѣсомъ, потомъ постепенно поднималась къ подножію Бештау. Черезъ часъ или полтора мы пришли къ такъ-называемой каравулѣ — гигантская горная масса стояла передъ нами во всемъ своемъ величавомъ видѣ. Сѣверозападный склонъ ея отсюда представляется весьма оригинальнымъ: на этомъ склонѣ, покрытомъ лѣсами, есть два значительной вышины выступа, совершенно обнаженные; одинъ изъ нихъ напоминаетъ своими очертаніями рельефъ Новой Голландіи, а другой изображаетъ исполинскую статую женщины, съ круглой шляпой на головѣ и одѣтую въ пальто съ широкими рукавами, изъ-подъ котораго выступаетъ длинный шлейфъ.

Далѣе дорога шла лугами съ легкимъ подъѣмомъ въ гору.

Потомъ опять начинался лѣсъ, неподалеку отъ котораго на огромномъ камнѣ сдѣлана крупная надпись: 3135 футовъ надъ уровнемъ моря. Лѣсомъ дорога круто поднималась въ вышину; ноги уже отказывались служить; приходилось дѣлать частые привалы. Но достаточно было кому-нибудь первому вскочить на ноги, какъ вся компанія разомъ поднималась и отправлялась въ дальнѣйшее шествіе. Но вотъ мы поднялись уже на значительную высоту; лѣсъ кончился; цѣль была уже въ виду и мы, усталые до чрезвычайности, медленно подходили къ ней по узенькой тропинкѣ, извивавшейся зигзагами по луговому откосу горы. Солнце пекло немилосердно; потъ градомъ съ насъ струился, но еще два — три отдыха, еще нѣсколько усилій и мы были на самой высшей точкѣ главной вершины, на которую первая взобра-лась моя жена. Дружное, радостное «ура!» огласило воздухъ. И было чему радоваться!

Кругомъ раскинулся обширный горизонтъ, гдѣ-то далеко сливавшійся съ небомъ. Окрестныя горы и селенія были какъ бы на ладони. Къ сѣверу отдѣльныя вершины: Быкъ-гора, Медовая, Желѣзная, Развалъ, Змѣиная и другія, рисовались уединенными выступами на зеленой равнинѣ. Желѣзноводскъ весело глядѣлъ въ глубинѣ своими бѣленькими, словно карточными, домиками, сжавшимися въ тѣсную группу. Сзади небольшимъ, широкимъ конусомъ поднялась Машука съ распростершимся у подножія ея Пятигорскомъ, а далѣе, на краю горизонта, прямо къ югу отъ насъ, подъ ослѣпительными солнечными лучами, сверкала вѣчными снѣгами гигантская цѣпь Кавказскихъ горъ съ своимъ великаномъ — двухгла-

вымъ Эльбрусомъ. Поразителенъ былъ видъ этого могучаго титана! Словно царь, одѣтый въ пышную порфиру, тканую изъ серебра и блеска, стоялъ онъ величаво на своемъ великолѣпномъ тронѣ и обозрѣвалъ свое обширное заоблачное царство. Преисполненный гордымъ сознаніемъ своей колоссальности, онъ мощно вознесся къ небесамъ и оттуда, съ высоты лазурнаго престола, блисталъ, какъ чудное, неподражаемое видѣніе. Гряды облаковъ ходили по его склонамъ, не дерзая, приблизиться къ его ледяному вѣнцу, и, медленно отрываясь отъ его массивнаго тѣла, граціозною цѣпью уносились въ пространство. Меньшіе братья его, другіе гиганты Кавказа, почтительно склонялись передъ его царственнымъ величіемъ — не смѣя спорить съ нимъ въ высотѣ, и заканчивались на дальнемъ востокѣ неясными контурами другаго великана — Казбека.

Этимъ видомъ нельзя было налюбоваться: глаза пожирали его и не могли оторваться отъ созерцанія, словно прикованные волшебною силой.

Но какъ ни прелестна была эта картина, все же я отдавалъ предпочтеніе той, которую мнѣ привелось видѣть въ Крыму съ вершины Ай-Петри, гигантскаго утеса, поднявшагося отвѣсной стѣной надъ роскошною Алушкой. Тамъ взоры не чаруютъ снѣжные хребты, тамъ нѣтъ исполиновъ, уносящихся въ недоступныя пространства эфира; за то величественная панорама безпредѣльнаго моря, испещреннаго бѣлыми гребнями, въ сочетаніи съ горными склонами, круто къ нему спускающимися, производитъ впечатлѣніе, гораздо сильнѣйшее, лежащееся рѣзкими, неизгладимыми чертами на душу. Подойдите къ краю утеса — чувство невольнаго смущенія и даже страха

охватить васъ: пропасть пала подъ вами на ужасную глубину; острые вершины каменными иглами торчатъ изъ нея, какъ бы говоря, что не будетъ пощады тому, кто вздумаетъ упасть на нихъ. Еще ниже — зеленые своды лѣсовъ окутали нижніе скаты горъ и спустились къ самому морю; изъ кущи ихъ тамъ и сямъ выступаютъ роскошныя дачи и селенія. Игрушка-городокъ, красивая Ялта, бѣлѣетъ маленькимъ пятнышкомъ сквозь синеву воздуха, прислонившись къ горной стѣнѣ; а еще далѣе, въ неясныхъ очертаніяхъ, темнѣютъ выемки и выступы горъ, прихотливыми формами сбѣгающіе къ берегу. Всюду безконечный и разнообразный переливъ свѣта и красокъ, отъ самыхъ темныхъ до самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и при этомъ — чудное море, освѣщенное золотыми снопами солнечныхъ лучей, съ нависшей надъ нимъ небесной лазурью — все это дѣйствуетъ магическимъ, возбуждающимъ образомъ.

Невольно вспоминая эту по-истинѣ волшебную картину и отдавая ей полное преимущество, я все же любовался и тѣмъ своеобразнымъ видомъ, который открывался на снѣжную цѣпь Кавказа съ вершины Бештау. Но всему есть конецъ; пора было и намъ прекратить свое наслажденіе. Притомъ же насъ начиналъ мучить голодъ, и мы, сказавъ послѣднее «прости» поэтическимъ мѣстамъ, тронулись въ обратный путь.

Сходить съ горы было не такъ легко, какъ намъ казалось; ноги тряслись въ колѣнахъ и порой совсѣмъ подкашивались. Но паденіе того или другого изъ насъ возбуждало веселый смѣхъ остальной компаніи, еще болѣе прибавлявшій намъ бодрости. Послѣ частыхъ такихъ приключеній мы добра-

лись наконецъ до караулки и, какъ голодные волки, набросились на все, что можно было достать съѣдобнаго. Я, кажется, никогда въ жизни не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ тогда. Еще бы! мы не ѣли съ самаго утра, а когда подошли къ караулкѣ, было уже семь часовъ вечера. При томъ, наработавшись вѣдаль ногами и пробывъ все время на открытомъ воздухѣ, мы именно испытывали волчій аппетитъ. Эта трапеза, какъ ни прозаична сама по себѣ ея процедура, все же окрашивалась поэзіей, потому что она происходила на необычномъ мѣстѣ, на горномъ склонѣ, въ виду пятиглаваго колосса, котораго мы считали уже своимъ хорошимъ знакомымъ. Однако онъ далъ намъ знать себя на другой день. Когда мы проснулись послѣ богатырскаго сна, мы, что называется, не чувствовали ногъ у себя, или, лучше сказать, очень ужъ чувствовали: онѣ точно были у насъ отбиты; боль и ломота въ нихъ стояла нѣсколько дней.

Восхожденіемъ на Бештау я закончилъ свое пребываніе въ Желѣзноводскѣ. Приѣхавъ туда не для лѣченія, я не видѣлъ болѣе ничего для себя интереснаго въ этомъ хорошенькомъ и поэтическомъ уголкѣ. Все, что можно было въ немъ осмотрѣть, все, чѣмъ можно было насладиться — и чуднымъ воздухомъ, и роскошнымъ паркомъ, и прогулками по окрестностямъ — все это было осмотрѣно и испытано мною менѣе, чѣмъ въ одну недѣлю. Меня тянуло ѣхать далѣе, къ настоящей цѣли моего путешествія — въ центральный Кавказъ; поэтому я спѣшилъ поскорѣе выѣхать изъ Желѣзноводска; но, вмѣсто того, чтобы отправиться прямо къ своей цѣли, я считалъ преступнымъ для себя быть вблизи и не заѣхать

въ тотъ прелестный уголокъ, который называютъ кавказскимъ раемъ, т. е. въ Кисловодскъ.

Сборы мои были недолги. Въ какой-нибудь часъ или полтора мои вещи были уложены, билетъ для проѣзда въ почтовомъ дилижансѣ взять; оставалось только ждать, скоро ли почталіонъ заиграетъ на своемъ рожкѣ обычную руладу, которую онъ тянетъ всякій разъ передъ отправленіемъ поѣзда. Но вотъ наконецъ увертюра сыграна, лошади помчались и я простился, можетъ быть навсегда, съ хорошенькимъ мѣстечкомъ, гдѣ мнѣ удалось провести нѣсколько пріятныхъ дней.

Дорога въ Кисловодскъ лежитъ черезъ Пятигорскъ и Ессентуки. Миновать Пятигорскъ мнѣ не хотѣлось. Этотъ городъ слишкомъ прославленъ, чтобы можно было имъ пренебрегать. Поэтому я рѣшилъ въ немъ провести день или два.

Пятигорскъ лежитъ на югозападномъ склонѣ горы Машуки, въ ущельи между этой вершиной, поднимающейся на 3250 футовъ надъ моремъ, и горой Горячей, дающей начало всѣмъ главнымъ минеральнымъ источникамъ, составляющимъ славу этого городка. На днѣ этого ущелья, во всю длину его, вытянулся бульваръ, приводящій къ тому мѣсту, гдѣ Горячая гора соединяется съ Машукой и гдѣ, на возвышенности, красуется обширная каменная галлерей съ кислосѣрнымъ Елизаветинскимъ источникомъ. Послѣ Желѣзноводскаго парка бульваръ этотъ покажется совсѣмъ плохенькимъ. Довольно узкій, пролегающій вдоль улицы, съ которой безпрепятственно несется пыль, онъ собираетъ въ собѣ всю мѣстную публику,

заставляя ее дышать не воздухомъ, а какой-то смѣсью изъ пыли, пота и сѣрныхъ паровъ. Особенно въ тѣ часы, когда играетъ музыка, нѣтъ никакого удовольствія оставаться на этомъ бульварѣ — тѣснота и толкотня бываютъ порядочныя. Напротѣивъ, верхняя часть этого бульвара, или цвѣтникъ, примыкающій къ террасѣ, на которой стоитъ Елизаветинская галерея, бываетъ большею частью безлюдна, не смотря на то, что въ ней болѣе зелени, простора и чистаго воздуха.

Самая интересная прогулка въ Пятигорскѣ — это, конечно, къ провалу. Такъ называютъ огромную воронкообразную яму на горѣ Машукѣ, имѣющую болѣе двѣнадцати саженъ глубины. Форма ея цилиндрическая, постепенно суживающаяся къверху. Ширина — отъ шести до восьми саженъ. Дно провала, къ которому проведенъ туннель со стороны дороги, представляется раздѣленнымъ на двѣ части: одна — сухая, имѣетъ видъ площадки и расположена какъ разъ подъ верхнимъ отверстіемъ, а другая нѣсколько вдавлена вбокъ и занята водою прелестнаго бирюзоваго цвѣта, содержащею обильное количество сѣроводорода; температура воды 28 град. по Р. Первое, что поражаетъ при входѣ въ туннель и особенно въ самый провалъ, это сильный сѣроводородный запахъ, похожій на запахъ тухлаго яйца. Туннель идетъ на протяженіи двадцати саженъ и замыкается снаружи желѣзной рѣшеткой, ключъ отъ которой хранится у сторожа. Вода голубаго озера имѣетъ различную глубину — отъ одной до пяти саженъ; впрочемъ указываютъ на озерѣ одно мѣсто, гдѣ дно совсѣмъ не отыскано. Если бросить въ воду камень, то она начинаетъ шипѣть, волноваться и покрывается бѣлою пѣной.

Это очевидно происходитъ отъ сильнаго отдѣленія газа, заключающагося въ водѣ. Стѣнки провала состоятъ изъ известковаго камня, довольно рыхлы и, подвергаясь размыванію отъ дождя, легко осыпаются. Отъ сильныхъ и частыхъ дождей вода въ озерѣ поднимается, заливаєтъ всю площадку и даже, говорятъ, лѣтъ черезъ туннель цѣлой рѣкой.

Возлѣ входа въ туннель помѣщается кафѣ, носящее названіе: «Кафѣ-Проваль». Отсюда съ балкона открывается дивный видъ: внизу бѣлѣетъ узкая лента Подкумка, змѣеобразно извивающагося по зеленой равнинѣ, на которой широко и красиво раскинулась Горячеводская станица; впереди легкими куполами поднялись: Юца, Джуца и Золотой Курганъ, а еще далѣе горделиво вытянулась зубчатая цѣпь Кавказскихъ гигантовъ въ снѣжномъ одѣяніи.

Здравствуйте еще разъ, мощные стражи Кавказа! Я уже знакомъ съ вами, я любовался вашей, прельщающей взоры, панорамой, я видѣлъ васъ съ вершины вашего дальняго собрата, владыки здѣшнихъ высотъ, грандіознаго пятиглаваго конуса Бештау. Пигмей онъ передъ вами, но гордостью не уступить вамъ! Вотъ что говорить легенда про него:

Влюбился разъ Бештау въ свою сосѣдку, красавицу-Машуку. «Ты моя!» сказалъ онъ въ порывѣ огненной страсти и затрепеталъ своимъ массивнымъ тѣломъ. Отъ трепета его задрожала вся равнина, а Желѣзная гора отъ испуга загремѣла желѣзистыми ключами, потекшими изъ ея скважинъ. Но царь Кавказа, могучій Эльбрусъ, не стерпѣлъ такого своеволія своего вассала. «Она моя!» загрохоталъ онъ грозно. Но Бештау не уступалъ Машуки и даже ополчился на Эльбрусъ; онъ

сблизилъ рать свою: Разваль, Змѣиную, Желѣзную, Медовую и другія горы и такъ сильно ударилъ царя великана, что тотъ раздвоился на двѣ главы. За то и отомстилъ же ему Эльбрусъ: онъ раскроилъ Бештау на пять вершинъ. Но Машука все же осталась за Бештау; только жаль ей было его и заплакала она горькими, сѣрыми слезами.

Такъ объясняетъ легенда происхожденіе текущихъ здѣсь минеральныхъ источниковъ, очевидно указывая на бушевавшія здѣсь когда-то «страсти» — вулканическія силы, дѣйствовавшія, можетъ быть, не въ особенно отдаленномъ прошломъ. По крайней мѣрѣ извѣстный Палласъ, посѣтившій Кавказскія минеральныя воды въ концѣ прошлаго столѣтія, увѣряетъ, что онъ слышалъ отъ туземцевъ, будто главная трещина, разсѣкающая теперь Горячую гору и дающая начало теплымъ источникамъ, образовалась не далѣе, какъ лѣтъ за 20 до его посѣщенія.

Дорога отъ провала спускается въ Пятигорскъ среди густаго кустарника, состоящаго изъ кизила, терна, бузины, клена и другихъ древесныхъ породъ, потомъ мимо Эммануэлевскаго парка, Елизаветинской галлерей и бульвара. Вправо отъ нея, на высотѣ, виднѣется бесѣдка, называемая Золовой арфой, а нѣсколько ниже, противъ галлерей, гротъ Лермонтова. Гротъ этотъ, въ который, говорятъ, поэтъ любилъ уединяться и гдѣ онъ писалъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, расположенъ на одномъ изъ тѣхъ поэтическихъ мѣстъ, которыми такъ изобилуетъ Пятигорскъ. Входъ въ него запертъ желѣзной рѣшеткой. Внутри, съ правой стороны, помещается на полу какой-то древній камень съ сохранивши-

мися еще на немъ барельефами, изображающими страшной формы звѣрей — не то буйвола, не то лошадь, обращенныхъ головами другъ къ другу. Прямо противъ входа вбита въ стѣну мѣдная доска, на которой написаны какіе-то стихи. Внутри грота стоитъ бюстъ Лермонтова и вокругъ него большіе вѣнки, обвитые шелковыми лентами и оставшіеся отъ недавняго торжества, которое происходило 15 іюля въ память сорокалѣтней годовщины смерти поэта.

Мнѣ не удалось быть на этомъ торжествѣ и потому я описываю его со словъ одной особы, принимавшей въ немъ участіе и сообщившей мнѣ о немъ нижеслѣдующія свѣдѣнія:

«На 15-е іюля назначено было чествованіе дня печальной кончины безвременно погибшаго нашего великаго поэта Лермонтова. Для устройства этого дѣла, еще задолго до его начала, были избраны распорядители, которые горячо принялись за свои роли, ѣздили по группамъ минеральныхъ водъ, приглашали дамъ къ участію въ базарѣ въ пользу фонда на памятникъ поэту, составляли программу торжества и т. п. Наканунѣ избраннаго дня было много толковъ о томъ, что мѣстное духовенство не соглашалось служить панихиду по покойномъ, потому что онъ былъ «самоубійца». Но наконецъ дѣло уладилось, панихида была разрѣшена и назначена на другой день, т. е. 15 іюля, въ 11 часовъ, въ соборѣ. Ровно въ этотъ часъ я отправилась съ своими знакомыми къ собору, но туда невозможно было войти по причинѣ множества собравшагося тамъ народа: въ храмѣ находились всѣ депутаціи, принимавшія участіе въ торжествѣ, и многочисленная публика, забравшаяся въ соборъ еще съ девяти часовъ утра.

Тогда мы отправились на бульваръ, мимо котораго должна была пройти торжественная процессія. Однако-жь мы ждали тамъ напрасно: процессія прошла не тѣмъ путемъ, какъ сказано было въ объявленіи, а другимъ. Мы направились къ Елизаветинской галлерей. Тамъ духота была страшная; публики собралась масса; притомъ же день былъ очень жаркій. Процессія въ галлерей мы еще не застали: она отъ собора прошла къ домику Лермонтова, гдѣ была прибита доска съ обозначеніемъ дня рожденія и смерти поэта. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, показались депутаціи. Впереди всѣхъ несли вѣнокъ отъ гражданъ города Пятигорска, потомъ отъ администраціи водъ, отъ желѣзноводскихъ дамъ, отъ армянъ, отъ разныхъ училищъ, отъ студентовъ, отъ ученицъ Московской консерваторіи, отъ лицейстовъ, гвардейскихъ офицеровъ и проч. Всего было 29 депутацій. Всѣ онѣ заняли мѣста вокругъ бюста Лермонтова, поставленнаго на высокомъ пьедесталѣ, къ подножію котораго депутаціи складывали свои вѣнки. Всѣхъ лучше были вѣнки отъ гвардейцевъ и петербургскихъ лицейстовъ. Послѣдній вѣнокъ положила къ подножію бюста прелестная малютка, убранная лентами подъ цвѣтъ тѣмъ, которыя были у вѣнка. Послѣ того вице-губернаторъ края сказалъ нѣсколько словъ о значеніи торжества. Затѣмъ многіе еще говорили рѣчи, но ихъ нельзя было разобрать; только иногда слышалось шумное «браво». Въ это время фотографическіе аппараты, поставленные на Машукѣ и на Горячей горѣ, сдѣлали нѣсколько снимковъ».

«По окончаніи рѣчей и прочтенія сочувственныхъ телеграммъ, присланныхъ съ разныхъ концовъ Россіи, депутаціи

разобрали вновь свои вѣнки и отнесли ихъ въ гротъ Лермонтова. А въ галереѣ тѣмъ временемъ открылся базаръ. Первая продажа состояла въ бутылкѣ зельтерской воды, купленной для одной дамы, съ которой отъ духоты и тѣсноты сдѣлалось дурно. «Ну, ужъ я началъ приводить къ жизни!» раздался около меня голосъ какого-то рыцаря, суетившагося долго возлѣ слабой дамы».

«Въ пять часовъ, въ гостинницѣ «Минеральныя воды», состоялся обѣдъ по подпискѣ, удивившій многихъ странными названіями кушаній, напимѣръ: водка и закуски à la Демонъ, пирожки à la Печоринъ, мороженое à la Тамара и т. п. За обѣдомъ, конечно, не обошлось безъ рѣчей. Говорилось много и по большей части безтолково; оно и неудивительно послѣ того огромнаго количества тостовъ, которое было предложено. Особенно поразила своимъ лаконизмомъ, чтобы не сказать хуже, рѣчь московскаго пѣвца, г. Хохлова, которая вся состояла только изъ трехъ словъ: «Лермонтовъ, Лермонтовъ, Лермонтовъ». Смыслъ этого удивительнаго экспромта остался, разумѣется, понятенъ только одному г. Хохлову».

«Вечеромъ, когда стемнѣло, зажжена была иллюминація у Эоловой арфы, у грота Лермонтова и по всей дорогѣ отъ Елизаветинской до Николаевской галереи. Въ разныхъ мѣстахъ разставлены были два оркестра музыки и хоръ пѣсенниковъ; въ залѣ же Николаевской галереи устроенъ былъ концертъ, въ которомъ приняли участіе гг. Хохловъ, Усатовъ, Щуровскій и какая-то безголосая пѣвица. Концертъ состоялъ изъ произведеній Лермонтова, положенныхъ на музыку. Этимъ закончился актъ чествованія памяти поэта, на-

чавшійся печальной панихидой и закончившійся веселымъ праздникомъ».

Говорятъ, мѣстная интеллигенція отнеслась не только не сочувственно, но даже враждебно къ этому торжеству, которое своимъ починомъ и исполненіемъ обязано было исключительно прїѣзжей публикѣ. Много по этому поводу передавали рассказовъ и возмутительнаго, и смѣшнаго содержанія, при-
нимавшихъ иногда какой-то анекдотическій характеръ.

Я посѣтилъ Пятигорскъ вскорѣ послѣ этого знаменательнаго дня; толки о немъ еще не успѣли прекратиться и даже вѣнки еще не успѣли завясть. Цѣлою грудой лежали они въ гротѣ Лермонтова, напоминая своею свѣжестью о недавнемъ событіи, о которомъ долго, конечно, будутъ рассказывать въ маленькомъ городѣ.

Близъ грота, въ цвѣтникѣ, расположенномъ предъ Елизаветинской галлереей, находится одна изъ самыхъ интересныхъ достопримѣчательностей Пятигорска, это — памятники древности, найденные большею частью Фирковичемъ, извѣстнымъ ученымъ караимомъ. Одни изъ нихъ относятся къ христіанскому, а другіе еще къ языческому періоду. Три истукана имѣютъ форму столбовъ, верхняя часть которыхъ представляетъ человѣческое туловище съ головой, покрытой шапочкой, и руками, сложенными у пояса. Остальные памятники — нѣчто въ родѣ пороговъ отъ дверей, а также крестовъ неправильной формы. Памятники покрыты барельефами и греческими надписями.

Самый видный памятникъ, это — каменный идолъ, чуть не въ сажень ростомъ. Онъ весь изукрашенъ разными фигурами. На головѣ его какая-то ермолка, а на верхней части тѣла какъ-бы кофта или вообще одежда, оканчивающаяся у пояса. На груди и съ краю кругомъ она изсѣчена полосками, изображающими какъ-бы шнуры или обшивку. Такія же полоски идутъ и кругомъ шеи и вдоль рукъ, пальцы которыхъ раздвинуты. Ниже пояса — выпуклые рисунки, изображающіе разныя сцены. Пovyше представленъ большой кувшинъ, изъ котораго однѣ человѣческія фигуры черпаютъ, а другія протянули къ нему кубки. Пониже — два всадника состязаются на копьяхъ. На задней сторонѣ истукана представленъ всадникъ, который, поднявъ копьё, преслѣдуетъ какихъ-то двухъ звѣрей. Внизу опять изображеніе поединка: два конныхъ витязя цѣляютъ другъ въ друга изъ луковъ стрѣлами. На лѣвой боковой сторонѣ памятника — два круга, а подъ ними — человѣческая фигура съ длиннымъ копьемъ; на правой сторонѣ человѣкъ держитъ на привязи огромнаго змѣя съ пятью головами, замахнувшись на него мечомъ.

Изъ другихъ памятниковъ обращаетъ на себя вниманіе огромный камень, имѣющій видъ неправильнаго креста въ $3\frac{1}{2}$ аршина вышиною, около аршина шириною и въ поларшина толщиною. На лицевой сторонѣ этого камня изображенъ всадникъ въ полномъ вооруженіи; на головѣ его шлемъ, на тѣлѣ панцырь, въ рукѣ поднятый кверху мечъ, а за спиной виситъ лукъ. Подъ этимъ барельефомъ изображено еще два всадника меньшихъ размѣровъ одинъ подъ другимъ; а еще ниже — толпа людей съ кубками въ рукахъ тѣснится около кувшина.

На задней сторонѣ представленъ крестъ; подъ нимъ лошадь, пронзенная копьемъ, а подъ нею — всадникъ на конѣ и трехголовый змѣй, свернувшійся спиралью. На одной изъ боковыхъ сторонъ барельефное же изображеніе человѣка со сложенными на груди руками; надъ головою кругъ, какъ рисуютъ на иконахъ, а на одеждѣ и по сторонамъ головы — выпуклые кресты.

Другіе памятники также покрыты барельефами и греческими надписями. Надписи эти трудно разобрать, потому что большая часть ихъ стерта, а по нѣкоторымъ сохранившимся буквамъ невозможно добраться до смысла.

Для жизни Пятигорскъ представляетъ мало удобствъ. Первое, что ожидаетъ прїѣзжаго, это — недостатокъ и дороговизна квартиръ, а во вторыхъ — тѣ замѣчательные порядки, съ которыми сталкиваешься на первыхъ же порахъ.

Когда я подъѣзжалъ къ Пятигорску, пошелъ сильный дождь. Подъ этимъ чисто южнымъ ливнемъ я въѣхалъ въ городъ. Дилижансъ нашъ остановился у гостинницы «Минеральныя воды». Очень естественно, всѣ кинулись туда, но тамъ не оказалось ни одного свободного номера. Куда же дѣваться? На первое время надо же хоть защититься отъ дождя. Вхожу въ гостинницу, въ общую комнату, но тамъ было такъ накурено, что сквозь висѣвшій въ воздухѣ дымъ едва можно было разобрать человѣческія фигуры, сидѣвшія за карточными столами, которыми заставлена была вся комната. Въ такомъ чадѣ непріятно было и одну минуту оста-

ваться. Нечего дѣлать, выхожу снова на крыльцо и здѣсь дѣлаюсь свидѣтелемъ выгрузки пассажирскихъ вещей прямо на землю. Узлы, сакъ-вояжи, картонки — все это валится прямо въ грязь и оставляется на дождѣ. Хозяевамъ этихъ вещей предоставляется самимъ ужъ позаботиться о томъ, куда бы ихъ пристроить. Повидимому, Управленію водъ нѣтъ ни-какого дѣла до удобствъ публики. Мнѣ, какъ остававшемуся на минеральныхъ группахъ вообще короткое время, не особенно часто приходилось испытывать разные непріятности. Зато слышать о неудобствахъ и неурядицахъ на водахъ доводилось очень много. Да и въ печати не разъ приходилось читать объ этомъ: каждый годъ въ той или другой газетѣ раздаются жалобы посѣтителей водъ, но водяная администрація, повидимому, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на это.

Въ сухую погоду въ Пятигорскѣ некуда дѣваться отъ пыли — остается одно: построить себѣ гдѣ-нибудь на окружающихъ высотахъ шалашъ и оттуда смотрѣть, какъ зады-хаются въ пыли и разныхъ міазмахъ несчастные больные, пріѣхавшіе въ Пятигорскъ искать себѣ исцѣленія. Въ ясное время городокъ этотъ невыносимъ. Расположенный на южномъ и юго-западномъ склонахъ Машуки, онъ весь стоитъ на солнечномъ припекѣ, отъ котораго, конечно, тощій бульваръ не спасетъ никого.

И такъ вонъ, вонъ скорѣе изъ этого города, въ которомъ непріятно оставаться уже потому, что онъ наполненъ большей частью жертвами «прекраснѣйшей» богини. Боязнь какъ-нибудь войти съ ними въ соприкосновеніе сидитъ у васъ постоянно на умѣ. Въ общественныхъ мѣстахъ, напр. въ гостин-

ницахъ, взятыя страшно за какую-нибудь вещь — стаканъ, салфетку и проч. — такъ и кажется, что къ нимъ прикасалась какая-нибудь нечистая рука.

Осмотрѣвъ въ короткое время всѣ достопримѣчательности и интересные уголки Пятигорска, я отправился въ Кисловодскъ, издавна прославленное мѣсто и по своей чудной природѣ, и по своему богатырскому источнику Нарзану.

Кисловодскъ — предметъ мечтаній для всѣхъ пользующихся въ этомъ краѣ минеральными водами; въ немъ заканчиваютъ больные свое лѣчение; туда ѣдутъ и совсѣмъ здоровые, не нуждающіеся ни въ какихъ цѣлебныхъ источникахъ. Словомъ, Кисловодскъ — возжелѣнное мѣсто для всѣхъ, желающихъ насладиться природой и пріятно провести время въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы.

Дорога въ Кисловодскъ идетъ изъ Пятигорска черезъ Ессентуки, глухую станицу, расположенную въ самой однообразной, невеселой, степной мѣстности. Только за Ессентуками равнина начинаетъ принимать холмистый характеръ, скоро превращающійся въ горный. Слѣдуя лѣвымъ берегомъ Подкумка, разбросавшагося серебристыми струями по долинѣ, то соединяющимися, то снова расходящимися другъ отъ друга, дорога жметъ къ мѣловымъ скаламъ, красиво бѣлѣющимъ среди густой и яркой зелени, мѣстами покрывающей ихъ широкими полосами. Форма скалъ этихъ чрезвычайно живописна; онѣ поднимаются надъ дорогой то мощными, скругленными курганами, то цѣлымъ рядомъ террасъ, vzdымающихся одна надъ другой на подобіе какихъ-то крѣпостныхъ стѣнъ или бастіоновъ. Дорога вьется кое-гдѣ зигзагами и все взбирается выше

и выше, пока наконецъ достигаетъ высоты 2700 футовъ, на которой стоитъ Кисловодскъ.

При самомъ въѣздѣ въ него стоитъ почтовая станція, откуда шоссе круто поворачиваетъ влѣво мимо великолѣпнѣйшей аллеи изъ пирамидальныхъ тополей, гордо и стройно поднявшихся въ высь. Станьте при концѣ этой аллеи, прямой, какъ стрѣла, и протягивающейся болѣе чѣмъ на полверсты, вы вдали, на другомъ концѣ ея, увидите дверь — это входъ въ прекрасную каменную галерею, имѣющую 40 сажень длины и заключающую въ себѣ бассейнъ знаменитаго Нарзана. Галлерей эта съ востока имѣетъ глухую стѣну, а къ западу открыта. Здѣсь крыша ея поддерживается массивными колоннами. По общему виду галлерей напоминаетъ средневѣковое аббатство. Ключъ Нарзанъ помѣщается въ южномъ концѣ ея. Онъ представляетъ бассейнъ, обдѣланный въ видѣ правильнаго восьмиугольника и окруженный желѣзной рѣшеткой. Глубина его сажень пять, ширина одна сажень.

Уже издали, подходя къ бассейну, вы слышите глухой шумъ, какъ бы шипѣнье. Это kloкочутъ могучія струи Нарзана, которыя съ страшною силою бьютъ снизу, разсыпаясь бѣлою пѣной, состоящей изъ мельчайшихъ пузырьковъ. Сила воды такова, что въ минуту она даетъ 88 ведеръ. Отъ бассейна вѣетъ прохладою, но я не ощущалъ ни головной боли, ни головокруженія, которыя, говорятъ, бывають обыкновенно, если оставаться около воды долгое время.

Дѣйствительно, это — ключъ богатырскій! Какъ молнія, вылетаютъ снизу каждое мгновеніе огромные снопы свѣтло-изумрудной воды и быстро куда-то исчезаютъ, уступая мѣсто

новымъ, столь же могучимъ и прекраснымъ. Они не бьютъ постояннымъ, равномернымъ фонтаномъ на одной точкѣ, но выскакиваютъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ бассейна, то разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Вода Нарзана весьма пріятна на вкусъ. Обыкновенно ее сравниваютъ съ смѣсью изъ шампанскаго и сельтерской воды. Правда, она очень шипуча, какъ шампанское, заключая въ себѣ массу углекислаго газа, но вкусомъ она болѣе похожа на сельтерскую воду, съ примѣсью не шампанскаго, а чего-то иного, столь же пріятнаго и остраго — она щиплетъ языкъ и ударяетъ въ носъ.

Въ галлерей устроены также ванны и общій бассейнъ для купанья. Но въ чистомъ, неподогрѣтомъ Нарзанѣ охотниковъ купаться находится немного, потому что вода его имѣетъ всего 11 град.

Галлерей служитъ обыкновеннымъ мѣстомъ прогулки въ ненастную погоду. Южный конецъ ея обращенъ къ парку, который тянется версты на полторы вдоль ущелья, по теченію рѣчки Ольховки. Паркъ этотъ еще лучше желѣзноводскаго. Онъ гуще и красивѣе его. Сочная и мягкая зелень его издаетъ чудный ароматъ, наполняя благоуханіемъ каждый уголокъ. Шумъ горнаго ручья, струящагося въ каменистомъ ложѣ, переброшенные черезъ ручей мостики, уединенныя бесѣдки дѣлаютъ его поэтичнымъ и живописнымъ. Въ самые жаркіе дни въ паркѣ царствуетъ пріятная прохлада, съ которой не хочется разстаться. И дѣйствительно, всѣ посѣтители Кисловодска съ ранняго утра до поздняго вечера проводятъ время въ паркѣ. Музыка сзываетъ ихъ часовъ съ семи утра, и

тогда многолюдная публика разсыпается по аллеямъ парка, которыя дѣлаются пустынными только при наступающей ночи. Въ тѣни деревь разставляются зеленые столы, за которыми цѣлый день раздаются то отрывистыя фразы, въ родѣ: два пики! четыре трефы! шлемъ! то поднимается продолжительный споръ изъ-за какой-нибудь взятки или неправильно сдѣланнаго хода.

«У меня одна черва; отчего вы не ходили въ туза и маленькую?» настойчиво пристаётъ какой-то генераль къ своему партнеру. «А вотъ теперь безъ трехъ!»

— Зачѣмъ вы подводите короля? Здѣсь назначали бубны, а вы ходите! король всегда дѣлалъ! раздается на другомъ столѣ.

«Вы понятія не имѣете въ игръ! вѣдь я вамъ все показалъ — почему же вы не назначили на премію?» горячатся на третьемъ столѣ.

Но пройдемте эту аллею винтистовъ, пропитанныхъ бубнами и червами, не спящихъ часто ночи изъ-за какого-нибудь короля бланкъ или дамы сама-третей, и углубимтесь въ самый дальній конецъ парка, состоящаго главнымъ образомъ изъ липъ, каштановъ, акацій и тополей — тамъ мы найдемъ семиградусный источникъ, возлѣ котораго есть много поэтическихъ мѣстъ. Здѣсь мы увидимъ небольшой прудъ, вода котораго такъ чиста, что замѣтна каждая песчинка на его днѣ, на коемъ тамъ и сямъ прикрѣплены букеты искусственныхъ цвѣтовъ. Вода пруда стекаетъ въ нарочно устроенный для того гротъ, и здѣсь невольно любуешься, какъ широкая водяная струя съ оглушающимъ шумомъ падаетъ внизъ, пред-

ставляя изъ себя какъ-бы неподвижную стѣну изъ хрустали — до такой степени прозрачна вода и такъ равномерно она льется. За струей поставленъ огромный букетъ цвѣтовъ, отчего картина выходитъ необыкновенно эффектна. Вправо отъ пруда есть такъ называемая Великокняжеская скамья весьма красивой работы, расположенная кругомъ одного массивнаго тѣнистаго дерева.

Общая панорама парка съ окружающихъ его высотъ представляется чрезвычайно живописной. Передъ вами овальная котловина, сплошь залитая моремъ зелени; по бокамъ ея, изъ купы деревъ и кустарниковъ, выглядываютъ красивые домики, расположенные на возвышенностяхъ. Впереди, точно волшебный занавѣсъ, стоятъ амфитеатромъ горныя террасы, ярко зеленѣющія при солнечномъ освѣщеніи. Картина эта достойна кисти художника.

Окрестности Кисловодска, говорятъ, очень живописны. Къ сожалѣнію, по случаю дурной погоды, я не могъ посѣтить ихъ. Особенно восхваляютъ поѣздку на Бермаутскую скалу, откуда созерцаютъ во всемъ величіи панораму Эльбруса, ледяная масса котораго при восхожденіи солнца, горя алмазнымъ блескомъ, производитъ необычайное впечатлѣніе. Дождаться лучшей погоды я не имѣлъ времени; я и такъ слишкомъ долго зажилъ на минеральныхъ водахъ, прельстившись ихъ поэтическими уголками. Меня тянуло впередъ и я, распростившись съ ними, скоро уѣхалъ оттуда, направляя свой путь къ Владикавказу.

Сѣвъ въ вагонъ на станціи «Минеральныя воды», я весь наполнился ожиданіемъ и нетерпѣніемъ — меня невыразимо

манила къ себѣ та чудная страна, съ ея грандіозною природой и ея сѣдыми великанами, уходящими въ облака, о которой я много слышался раньше и съ которой былъ знакомъ еще съ дѣтства по произведеніямъ нашихъ великихъ поэтовъ. Видѣть во-очію эти убѣленные снѣгами горныя громады, изумляться ихъ гигантскимъ размѣрамъ, слышать собственными ушами шумъ и плескъ серебристыхъ каскадовъ, несущихся съ бѣшеной быстротой съ чрезвычайной высоты, взбираться на горныя хребты, превыше странствующихъ облаковъ, висѣть гдѣ-нибудь надъ зіяющими пропастями, въ глубинѣ которыхъ роятся звонкіе потоки — да развѣ это не такія ощущенія, которыхъ бы стоило испытывать?

Я поминутно выглядывалъ изъ окна вагона, устремляя свой взглядъ впередъ, по движенію поѣзда, на то мѣсто, гдѣ, мнѣ казалось, должны были появиться первые вѣстники Кавказскаго хребта — остроконечные передовые шпигицы. Но тамъ было все пустынно и неясно: густыя тучи закрывали весь передній планъ. По сторонамъ разстилалась необъятная равнина, та раздольная и привольная равнина, которая широкой полосой охватила весь югъ Россіи. А позади долго виднѣлся трехглавый Бештау, сначала окруженный своими меньшими вассалами — Машукой и Желѣзной горой, а потомъ одинъ, постепенно исчезая въ неясной дали. Только за двѣ или за три станціи отъ Владикавказа, когда солнце уже близилось къ закату и горизонтъ сталъ очищаться отъ облаковъ, только тогда почти вдругъ выросъ передо мною Алагирскій хребетъ, которымъ нельзя было не залюбоваться. Острые и далеко уходящіе въ небо зубцы его испещрены были снѣжными поло-

сами, которыя, точно серебряныя ленты, украшали его самымъ причудливымъ образомъ: то онѣ змѣйками сползали внизъ по лощинамъ, то звѣздой расходились по верхушкамъ горъ, то составляли формы вѣнковъ или колець. Надъ ними заревомъ горѣла въ небѣ яркая радуга, а запоздалыя облака густымъ сѣрымъ дымомъ спѣшили опускаться къ подножію хребта, точно боясь, что ночь застанетъ ихъ на вершинахъ.

Ночной мракъ еще не успѣлъ окутать землю, какъ изъ-за тучи показался мѣсяцъ, при слабомъ сіяніи котораго я въѣхалъ во Владикавказъ.

•
•
•
•
•

III.

Владикавказъ. — Панорама Кавказскихъ горъ. — Дарьяльское ущелье и Терекъ. — Девдоракскій ледникъ. — Казбекъ. — Военно-Грузинская дорога. — Въ заоблачномъ царствѣ. — Знаменитый спускъ къ Млетамъ. — Арагва и Гудъ-гора. — Контрастъ сѣвернаго и южнаго склоновъ Кавказскаго гребня. — Грузія.

Въ другой день я всталъ рано и когда увидалъ въ окно синее небо, я поспѣшилъ выйти на улицу и направился къ старому бульвару, расположенному на самомъ берегу Терека. Здѣсь мнѣ представилась дивная панорама!

Величественный хребетъ Кавказскій вздымался предо мною на огромное разстояніе грозною стѣной. Я смотрѣлъ на него въ нѣмомъ благоговѣніи, смотрѣлъ цѣлые часы и не могъ налюбоваться!

Вообразите себѣ цѣлый амфитеатръ горъ, рядами поднимающихся одна выше другой, залитыхъ солнцемъ, ослѣпляющихъ своими ярко-бѣлыми вершинами, и самыхъ разнообразныхъ формъ, очертаній и оттѣнковъ. Прямо высоко поднялась могучею массой Столовая гора съ своею плоскою вершиной, отливая золотистымъ цвѣтомъ. Она давила своимъ величіемъ и, какъ пышная красавица, невольно приковывала

къ себѣ взглядъ. Сосѣднія гряды, ее окружающія, не умаляли, но еще болѣе придавали ей прелести своими чудными красками зеленаго, синяго, голубаго и лиловаго цвѣтовъ. Все сливалось въ дивной гармоніи, ни одна вершина не портила фона и надъ всѣми ими царственно взгромоздилась Столовая гора, величаво смотрѣвшая съ своей высоты. Но взгляните вправо: тамъ цари Кавказа въ своихъ серебряныхъ порфирахъ! Вотъ цѣлое плато Джемерай-гоха, покрытое бѣлой пеленой, а вотъ и величественный Казбекъ, не знающій здѣсь себѣ соперниковъ. Его блестящая снѣговая шапка горѣла алмазами на солнцѣ; она вѣнчала вершину, горделиво высматривавшую изъ-за сосѣднихъ великановъ, — точно онъ, этотъ титанъ Кавказа, хотѣлъ взглянуть съ своего далекаго и недоступнаго трона, что дѣлается тамъ, на мрачномъ сѣверѣ, на безконечной глади русскихъ степеней. Далѣе на западъ хребетъ постепенно исчезалъ въ синей мглѣ, кое-гдѣ сіяя бѣлоснѣжными верхушками. Придайте сюда лазурный сводъ небесный, на которомъ не было ни одного облачка, и плескъ шумливыхъ волнъ Терека, несущихся у самыхъ ногъ, тогда, можетъ быть, вы поймете, какое чарующее впечатлѣніе произвела на меня эта чисто волшебная декорація!

Владикавказъ — небольшой городъ, общающій быть современемъ довольно красивымъ. Центръ жизни его — Александровскій проспектъ, во всю длину котораго по срединѣ вытянулся бульваръ, служащій по вечерамъ мѣстомъ гулянія здѣшней публики. Населеніе Владикавказа — полуевропейское,

полуазиатское. Представители Востока здѣсь — кабардинцы, грузины и осетины. Въ концѣ города, сливаясь съ нимъ, расположенъ осетинскій аулъ, примыкающій къ небольшому холму, на которомъ стоитъ грузинская церковь съ кладбищемъ. Отсюда, съ высоты холма, можно видѣть весь Владикавказъ, какъ говорится, на ладони. Впрочемъ панорама не представляетъ ничего замѣчательнаго. Она слишкомъ однообразна: передъ вами только груда черепичныхъ крышъ краснаго цвѣта и только кое-гдѣ пирамидальные тополи разнообразятъ ее своей зеленью, тѣсно прижавшейся къ стройнымъ стволамъ. Проходя по улицамъ аула, невольно засматриваешься на типичныя лица туземныхъ обитателей, копошащихся на своихъ дворахъ, или прямо на улицѣ возсѣдающихъ на землѣ съ какой-нибудь домашней работой. Но не ищите красивыхъ женскихъ лицъ: осетинки большею частью безобразны.

Кромѣ Александровскаго проспекта во Владикавказѣ нѣтъ хорошихъ улицъ. Да и вообще онъ скорѣе напоминаетъ большой уѣздный русскій городъ, чѣмъ центръ управленія областью. Осматривать въ немъ нечего. Вотъ почему я спѣшилъ скорѣе изъ него выбраться и вступить въ то царство красоты, которой недаромъ гордится Кавказъ.

Отъ Владикавказа прямо начинается Военно-Грузинская дорога. Вначалѣ, верстъ пять, она идетъ плоской равниной. Горные великаны, съ каждымъ поворотомъ колеса, какъ бы лѣзутъ на васъ, грозя задавить своей массой. Черезъ какихъ-нибудь полчаса вы въ ихъ сосѣдствѣ. Еще немного, и они обступили васъ съ двухъ сторонъ — вы вѣхали въ ущелье Терека. Вначалѣ это ущелье довольно широко, и первыя двѣ

станціи — Балта и Ларсь — оно не имѣетъ своего угрюмаго характера. Напротивъ, скаты горъ поросли лѣсами; ложе ущелья также покрыто густою растительностью, среди которой серебрятся многочисленные рукава Терека. Мѣстность всюду имѣетъ веселый, живописный характеръ. Такъ продолжается все время, пока дорога разсѣкаетъ Черныя горы. Но вотъ начинается главный хребетъ, и тогда почти разомъ все измѣняется. Ущелье суживается, дорога жметъ къ горной стѣнѣ, растительность дѣлается скуднѣе, Терекъ шумливѣе, шиферныя голыя скалы попадаются все чаще и массивнѣе. Съ каждымъ шагомъ онѣ становятся все выше и выше; многія изъ нихъ взлетаютъ до самыхъ облаковъ и при восходѣ солнца первыя его привѣтствуютъ своими ледяными вѣнцами, которые тогда горятъ и блещутъ. Тамъ, въ нѣдрахъ ихъ, на недостигаемой высотѣ, рождаются потоки; тамъ вѣчные снѣга плетутъ свои дивныя кружева, вѣнками и лентами устилаютъ склоны. Снизу они таютъ подъ солнечными лучами, таютъ на вашихъ глазахъ, и вы видите, какъ отъ нихъ поднимается струйка дыму, рождая облако, которое, будучи гонимо вѣтромъ, отрывается наконецъ отъ мѣста своей родины и несется по небесному пространству.

Но вотъ и прославленное своею дикостью Дарьяльское ущелье. Оно начинается сейчасъ же отъ станціи Ларсь. Дѣйствительно, я ничего не знаю грандіознѣе его! Здѣсь все величественно. Каждый шагъ говоритъ о страшномъ гнѣвѣ земли. Горныя громады, почти отвѣсно ниспадающія съ необычайной высоты, тѣснятъ ущелье со всѣхъ сторонъ. Повидимому, нигдѣ нѣтъ ни выхода, ни входа. Это какой-то

узкій, извилистый корридоръ, въ которомъ чувствуешь себя немощнымъ, безсильнымъ созданиемъ. Точно мало становится воздуху, когда вступаешь въ него; точно давить васъ что-то, и вы невольно, бессознательно ускоряете дыханье, изумленные и пораженные представившимся зрѣлищемъ.

Вѣковые гиганты, мрачные и угрюмые, стоятъ и дремлютъ въ незыблемомъ покоѣ. Обнаженная, гордая грудь ихъ тысячелѣтнѣя хранить тайну, которая сокрыта въ нихъ. Недушимо смотрятъ они съ своей царственной высоты, увѣнчанные снѣжными коронами, какъ-бы гордясь своимъ грознымъ величіемъ. Они не знаютъ себѣ соперниковъ, и только бури и снѣжныя мятели дерзаютъ вступать съ ними въ бесплодную борьбу. Но «сторожевые великаны» (по выраженію поэта) сбрасываютъ съ себя холодную бѣлую одежду и дарятъ ее глубокимъ пропастямъ и разсѣлинамъ, закутывая ихъ на цѣлые годы снѣговымъ покровомъ.

Здѣсь не видно признаковъ жизни; развѣ орелъ, «кружась въ лазурной высотѣ», какъ выразился Лермонтовъ, покажется на минуту, или быстроскрылая ласточка промчится куда-нибудь мимо. Это была бы гигантская могила, полная совершеннаго безмолвія, если бы клокочущій въ глубинѣ Терекъ не оглашалъ своимъ ревомъ тѣснины. Но и онъ гармонируетъ съ нею по своему дикому величію. Смотрите, какъ онъ яростно прыгаетъ со скалы на скалу, какъ онъ мечется, бурлитъ, стонетъ, пѣнится, рокочетъ, стремясь съ неистовою силой скорѣе вырваться изъ своего тѣснаго ложа. Его мутныя, пепельныя волны какъ-бы отражаютъ въ себѣ дикую природу скалъ. Въ нихъ не отвѣчиваетъ южное небо, узкимъ клоч-

комъ синѣющее сверху. Звѣзды не смѣютъ заглянуть въ нихъ и даже яркое солнце не играетъ въ нихъ ослѣпительнымъ лучемъ. Страшное грохотанье этой могучей рѣки, ворочающей, какъ жерновами, огромными камнями, наводитъ ужасъ и смущенье. Словно разъяренный левъ, кидается она изъ стороны въ сторону, насккиваетъ съ бѣшенствомъ на разсѣянные по ложу ея саженныя скалы, отпрыгиваетъ съ пѣной и рычаньемъ назадъ, вздымая горою косматую грудь, и потомъ съ удвоенною силой бросается на нихъ снова, взлетая на самыя верхушки, откуда бушующимъ каскадомъ свергается въ бездну, или, подхватываемая рѣзкимъ вѣтромъ, разсыпается алмазною пылью.

Таковъ Терекъ въ своей царственной красѣ!

Вспомните прелестное стихотвореніе Лермонтова: «Дары Терека», изъ котораго я привожу первыя строфы:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ;
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ,
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море!
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.

Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьяль
И валуновъ имъ на славу
Стадо цѣлое пригналъ».

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ Терекъ, покинувъ «родной Дарьяль», гуляетъ на просторѣ, разбѣгаясь по степи, онъ принялъ «лукавый», смирный видъ. И хотя по ложу его, на большомъ разстояніи, разсыпано цѣлое стадо валуновъ, но онъ не воетъ между ними, а «привѣтливо журчитъ». Но здѣсь, въ глубинѣ своихъ горныхъ палатъ, въ «жилищѣ змѣя», онъ «дикъ и злобенъ, бурѣ плачь его подобенъ».

Не смѣйте вспоминать при немъ величественную Волгу, ея веселые, оживленные берега, жизнь и движеніе, украшающія ее, — онъ не вынесетъ этого укора; онъ злобно кинется на встрѣчу вамъ и окатитъ васъ фонтаномъ брызгъ. Терекъ не знаетъ и не хочетъ сравненій; онъ гордъ своей особенной красотой, стараясь поразить своимъ грохотомъ, оглушить своимъ шумомъ, изумить своимъ яростнымъ теченіемъ. Гигантскіе камни — вотъ его ложе; хаосъ разрушенія — его берега; косматая, кипящая волны — его грудь. Своротить съ мѣста скалистыя глыбы, обглодать, испарапать вѣковые утесы, разрушить неустанную и дерзкую работу человѣка — вотъ его дѣло, демонское веселье. Тѣснины и скалы ему ни по чемъ; онъ лижетъ и точитъ ихъ основанія, рветъ и мечетъ направо и налѣво, и только снѣжныя лавины, милліонами пудовъ низвергающіяся въ него съ горъ, на время преграждаютъ ему путь. Тогда онъ, какъ-бы въ изумленіи, останавливается передъ незваннымъ гостемъ, бушуетъ и клокочетъ, грозно на-

морщивая свое чело, и наконецъ съ ужасающимъ бѣшенствомъ расчищаетъ себѣ путь.

Стремясь къ морю, онъ какъ-бы хочетъ доказать ему, что не одно оно можетъ терзать свои берега, какъ-бы они ни были тверды, не одно оно можетъ гордиться могучими валами и ихъ бѣлоснѣжными гребнями. Онъ хочетъ быть истиннымъ сыномъ моря и, бурный и грозный, какъ море, онъ столь же чуденъ и прекрасенъ, какъ оно! Той же наукѣ — быть грозными и необузданными сынами горъ — обучаются и малые его дѣтки — горные ключи, которые стремглавъ несутся съ невообразимой высоты въ объятья Терека, блестя новочеканнымъ серебромъ и гремя своей студеной влагой, чистой и свѣтлой, какъ кристаллъ.

Таковъ Терекъ въ своей величавой и истинно неподражаемой красотѣ!

Но есть у него врагъ, болѣе сильный, чѣмъ бури и ледяныя лавы. Это человѣкъ. Съ неустрашимостью этотъ пигмей является въ его святилище, бродить по его обрывистымъ берегамъ, взрывая ихъ всеразрушающимъ порохомъ, строить проѣзжія дороги, перебрасываетъ мосты черезъ него. Злобный Терекъ готовъ былъ бы проглотить и его, низвергнуть дѣло его рукъ, но онъ, могучій, чувствуетъ свою немощъ передъ этимъ царемъ природы и въ безсильномъ гнѣвѣ только прыгаетъ и рычитъ въ своей узкой клѣткѣ — межъ вѣковѣчныхъ тѣснищъ — да развѣ иногда, какъ-бы для потѣхи своей, размоетъ, испортитъ, исковеркаетъ пробитый неустаннымъ трудомъ человѣка путь, на время заставить его призадуматься, а потомъ негодуетъ и ропщетъ, когда тотъ же пигмей, безстраш-

ный передъ его гнѣвомъ и заколдованный отъ него своимъ многовѣковымъ знаньемъ, снова возводитъ болѣе прочныя сооруженія, которыя растерзать могучая и сердитая рѣка не въ состояніи!

Съ благоговѣніемъ и трепетомъ проѣзжаетъ путникъ Дарьяльское ущелье — это, по-истинѣ, жилище сатаны, и когда оно кончается, когда горные титаны нѣсколько отступаютъ другъ отъ друга, какъ-то вольнѣе дышется, точно пережилъ тяжелую эпоху, или переступилъ опасность, угрожавшую жизни. Но горныя дебри еще не кончились, лабиринтъ скалъ еще долго тянется въ какомъ-то ужасномъ хаосѣ; громадныя каменные глыбы еще висятъ надъ головой и пропасти зіяютъ у ногъ. Дорога все время имѣетъ мрачный колоритъ, пробирается дикими и пустынными мѣстами, наводящими уныніе, и то спускается къ самому подножью скалъ, къ свирѣпымъ волнамъ Терека, то взбирается зигзагами по взорваннымъ крутизнамъ, откуда даетъ путнику возможность видѣть страшную бездну, ниспадающую отъ самыхъ колесъ экипажа.

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья, гдѣ оно едва ли имѣетъ и сто футовъ ширины, съ Терекомъ сливается притокъ Девдораки, который издавна былъ страшенъ и доселѣ заставляетъ трепетать, но не силой своего паденія, а тѣмъ, что черезъ тѣснину, по которой онъ мчится вначалѣ съ быстротою стрѣлы, въ прежнее время свергались въ Терекъ огромныя ледяныя обвалы. Хотя они давно уже не повторялись, но опасность отъ ихъ паденія и теперь еще не миновала. Извѣстный ученый Абиxъ и особая комиссія, снаряженныя въ шестидеся-

тыхъ годахъ для изслѣдованія Девдорацкаго ущелья, пришли къ тому заключенію, что лощина Терека, а слѣдовательно и Военно-Грузинская дорога, по ней проходящая, нисколько не гарантированы на будущее время отъ ледяныхъ обваловъ — этого ужаснаго подарка Казбека, несущаго съ собою смерть и разрушеніе.

Одинъ изъ участниковъ этихъ экспедицій такъ описываетъ Девдорацкое ущелье и его ледникъ:

«Съ конуса горы Казбекъ, или, какъ ее называютъ мѣстные жители, Бешламъ-Кортъ, спускаются по разнымъ направленіямъ восемь отдѣльныхъ ледниковъ. Самый опасный изъ нихъ — ледникъ Девдорацкій, спускающійся внизъ съ крутыхъ утесовъ нѣсколькими рукавами на подобіе ледяныхъ каскадовъ. Нѣкоторые составляютъ самостоятельные ледники и не сообщаются между собою; другіе, напротивъ того, сливаются въ одинъ общій рукавъ, шириной въ 170 саженъ, который, на протяженіи почти двухъ верстъ, какъ-бы ледяной рѣкой спускается до высоты 7500 футовъ надъ морской поверхностью. Лѣвый бокъ ледниковаго ущелья, къ которому ледникъ плотно примыкаетъ, представляетъ изъ себя, почти на двѣ версты, сплошную осыпь, а правый изрѣзанъ глубокими оврагами, наполненными снѣгомъ, который смѣшивается съ ледяными глыбами ледника. На всемъ протяженіи ледникъ представляетъ неровную, изрытую трещинами, поверхность, около середины своей выдающуюся горбомъ и понижающуюся къ обоимъ берегамъ. Различной величины камни и обломки скалъ покрываютъ всю поверхность, оставляя бѣлую, снѣговую полосу только по срединѣ, гдѣ они скатываются съ про-

дольной выпуклости ледника, которая и остается чистою и бѣлою».

«Лѣвая стѣна ледниковаго ущелья до того сѣуживаетъ ущелье при оконечности ледника, что онъ кажется какъ-бы заключеннымъ въ котловинѣ. Лучше всего можно охарактеризовать эту замѣчательную по своему строенію мѣстность, если назвать часть ущелья, заключающую ледникъ, ледниковою котловиной, а узкое мѣсто при истокахъ Девдораки — горломъ ледниковою котловины. Обвалы происходятъ вслѣдствіе отторженія отъ ледника его оконечности. Горло ледниковою котловины находится въ разстояніи $4\frac{1}{2}$ верстъ отъ Терека».

«Рѣчка Девдораки сначала шумнымъ потокомъ низвергается по камнямъ, а потомъ, принявъ въ себя съ лѣвой стороны, въ двухъ верстахъ отъ своего истока, притокъ Цахтанъ, течетъ съ меньшей быстротою по нижней, болѣе широкой и пологой части Девдоракскаго ущелья до впаденія въ Терекъ».

«Трудно представить себѣ картину суровѣе и угрюмѣе Девдоракскаго ущелья. Массы обломковъ скалъ всевозможныхъ породъ и размѣровъ, разбросанныя въ страшномъ безпорядкѣ по дну и скатамъ ущелья, всюду каменные обвалы и слѣды снѣжныхъ заваловъ, оглушительный ревъ потока — все это способно навести на васъ ужасъ».

Существуетъ мнѣніе, что если обрубить края ледника, угрожающаго каждый годъ своимъ паденьемъ, и дать ему, такимъ образомъ, свободное движеніе по узкому горлу ущелья, то онъ будетъ постепенно, а не вдругъ, сползать внизъ и черезъ это сдѣлается безопаснымъ. Именно объясняютъ, что заваль про-

исходить вслѣдствіе того, что ледникъ, приблизившись къ горлу котловины, встрѣчаетъ въ немъ препятствіе для своего распространенія и тогда нагромождается огромной ледяной горой, которая, не выдерживая своей массивности и постоянно подтачиваемая какъ дождевой, такъ и тающей отъ снѣга водой, свергается наконецъ внизъ и несется съ необычайной быстротою по крутому ложу потока, обрывая его скаты, и, достигнувъ Терека, запруживается рѣку глыбами льда и камней. Обрубивъ же края ледника и не давъ такимъ образомъ ему скопиться у горла котловины, полагаютъ, можно избавиться отъ его обваловъ. Насколько это мнѣніе состоятельно и выполнимо, я не берусь судить.

Минуя Девдораки и многіе другіе потоки, которые, какъ молнія, несутся съ высоты бѣлыми, какъ первый снѣгъ, каскадами — подѣзжаешь къ концу Дарьяльскаго ущелья, гдѣ прямо со дна его вздымается высокая съ крутыми склонами и совершенно отдѣльная гора, имѣющая видъ усѣченного конуса. Наверху ея видны развалины какой-то стѣнки. Преданіе говоритъ, что здѣсь находился замокъ грузинской царицы Тамары. Вспомните Лермонтова:

Въ глубокой тѣсинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила;
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла.

Нынѣ отъ этого замка, гдѣ происходили шумныя ночныя оргіи, гдѣ Тамара, «въ парчу и жемчугъ убрана», принимала своихъ гостей, покоренныхъ ея всесильными чарами и шедшихъ въ бурѣ наслажденія топить свои страсти — нынѣ отъ него осталась одна безобразная и печальная груда камней. *Sic transit gloria mundi!*....

Дѣйствительно ли на этой мрачной скалѣ жила прославленная Тамара, теперь трудно PROVĖРИТЬ эту легенду. Вообще на Кавказѣ съ именемъ царицы связываютъ сотни мѣстъ, и если встрѣтятся гдѣ-либо развалины какого-нибудь замка, башни, храма или укрѣпленія, то все это приписывается властительной рукѣ Тамары, царствовавшей въ Грузіи въ концѣ XII вѣка.

Почти тотчасъ же за этой конусообразной скалой ущелье расширяется, и вскорѣ съ правой стороны показывается снѣжная вершина Казбека. Вы подѣзжаете къ станціи, носящей то же названіе. Здѣсь, у станціи, васъ непременно обступятъ мальчишки-осетины и будутъ вамъ предлагать купить у нихъ кусочки мѣдной и свинцовой руды, а также обломки горнаго хрусталя, которые они сами собираютъ по скатамъ окрестныхъ горъ. Въ самомъ зданіи станціи на столахъ выложены для продажи тѣ же образчики здѣшнихъ минеральныхъ богатствъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Такъ вы увидите тамъ цѣлыя глыбы камней, четверти въ двѣ или три длиною, къ которымъ приросли сотни крупныхъ и мелкихъ кристалловъ горнаго хрусталя. Такіе куски продаются рублей за десять, за пятнадцать. Отдѣльные кристаллы небольшой величины можно купить за пять или за десять копѣекъ. По

стѣнамъ развѣшаны туры рога. Это также мѣстное произведение. Ихъ доставляютъ здѣшніе охотники, живущіе по окрестнымъ ауламъ, особенно въ Гиргетахъ, расположенныхъ близъ станціи, у подножія горы Стефанъ-Цминда.

Охота на туровъ чрезвычайно трудна и сопряжена съ большими опасностями. Она не доставляетъ почти никакихъ выгодъ и можетъ быть объяснена только понятною для однихъ охотниковъ страстью. «Какъ бросить промыселъ (говоритъ одинъ писатель), который приводитъ бѣднаго горца во всегдашнее соприкосновеніе съ столь дорогими его сердцу горами и который наполняетъ его жизнь сильными ощущеніями? Вотъ мѣсто, гдѣ горный духъ, раздосадованный на охотника за постоянное похищеніе туровъ въ его владѣніяхъ, сбросилъ на него груду камней и снѣга, отъ которой онъ спасся какимъ-то чудомъ; здѣсь опрометчиво гонясь за раненымъ туромъ, онъ оборвался въ кручу и едва не лишился жизни. А вотъ тамъ возвышается изъ-подъ массы льда черная, неприступная скала. Нашъ охотникъ первый изъ смертныхъ взобрался на нее и въ доказательство своего подвига сложилъ на ней кучу изъ камней. Сколько энергіи и силы потрачено на эти подвиги и сколько при этомъ переиспытано! Какъ же не приковаться всей душой къ этимъ суровымъ горнымъ трущобамъ, къ этимъ скаламъ, которыя такъ безмолвно, но краснорѣчиво говорятъ о прошедшемъ, къ этимъ ледникамъ, которые представляютъ собой малый волшебный міръ, не лишенный поэзіи!»

На горѣ Стефанъ-Цминда, возвышающейся прямо передъ станціей, надъ ауломъ Гиргеты, построена церковь Богоро-

дицы — Цминда-Самеба. Говорятъ, оттуда, съ вершины горы, виденъ весь Казбекъ отъ самаго основанія. Но мнѣ не удалось тамъ быть, и я лишень былъ удовольствія насладиться величественной массой этого, окутаннаго снѣжною тогой, гиганта.

На Кавказѣ много ходитъ разныхъ легендъ, и каждое, болѣе или менѣ замѣчательное, мѣсто непремѣнно освящено какимъ-нибудь преданьемъ. Поэтому неудивительно, что существуетъ сказанье и про Казбекъ. Вотъ что сообщаютъ:

На высотѣ 12000 футовъ, въ области вѣчныхъ снѣговъ, водруженъ въ скалу крестъ изъ бѣлаго порфира, имѣющій до двухъ аршинъ вышины. Наподалеку отъ этого креста есть пещеры и какія-то развалины четвероугольныхъ строеній — повидимому, остатки прежнихъ жилищъ. Что они были обитаемы когда-то, это доказываютъ жернова и обломки ручныхъ мельницъ, сохранившіеся въ пещеркахъ. Но какъ могли жить люди на такой высотѣ, если сообразить, что мѣста эти отдѣлены отъ міра громаднымъ ледникомъ, имѣющимъ до полуторы версты въ ширину?

Легенда говоритъ:

«Тамъ жили семь святыхъ отцевъ, управлявшихъ всѣмъ міромъ. Пищу и все нужное они имѣли отъ Бога. Но любопытство одной дѣвушки, изъ аула Гиргетъ, погубило ихъ. Доступъ къ нимъ женщинамъ былъ строго воспрещенъ; она же, желая видѣть ихъ житѣе, переодѣлась въ мужское платье, нарядилась охотникомъ за турами и явилась къ нимъ уже поздно вечеромъ, прося пристанища для ночлега. Послѣ продолжительныхъ отказовъ со стороны святыхъ отцевъ и угрозъ

со стороны дѣвушки, что она оповѣститъ всему міру объ ихъ безчеловѣчьи, по настоянью младшаго изъ святыхъ, ей дозволено было переночевать, но только подальше отъ нихъ, у дверей. Но младшаго святаго, близь котораго ей пришлось лечь, вдругъ обдало ночью женскимъ духомъ.... Когда святые проснулись на другой день, то Богъ отъ нихъ все отнялъ. Даже солнечный лучъ, являвшійся къ нимъ прежде всѣхъ, на которомъ они просушивали свои платья, и тотъ не явился. На усиленные ихъ мольбы Богъ простилъ имъ, но взялъ ихъ всѣхъ на небо, и они съ тѣхъ поръ, въ видѣ семи звѣздъ Большой Медвѣдицы, изъ которыхъ самая маленькая принадлежитъ самому младшему, постоянно вращаются кругомъ горы Казбека».

Легенда прибавляетъ, что съ того времени никто не осмѣливался подняться до этихъ святыхъ жилищъ; они заустѣли, и та таинственность, которой они окружены, напрасно манитъ къ себѣ неосторожныхъ смѣльчаковъ. Всякимъ, кто отваживался на такой великій подвигъ, овладѣвалъ глубокой сонъ, во время котораго онъ, незамѣтно для себя, скатывался внизъ.

Однако увѣренность, что вершина Казбека недоступна для человѣческаго посѣщенія, нашла себѣ блестящее опроверженіе въ лицѣ трехъ англичанъ: Фрешвильда, Теккера и Мура, которые лѣтомъ 1868 года взбирались на самую верхнюю точку горы, поднимающуюся на 16553 фута надъ поверхностью моря.

На той высотѣ, гдѣ расположена станція Казбекъ, холодъ уже довольно ощутителенъ. Не смотря на совершенно ясный

день, когда я посѣтилъ эту станцію, солнечные лучи грѣли очень мало, и сказывалась потребность въ теплой одеждѣ, въ которую я наконецъ и облекся. Чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось все холоднѣе. Дорога имѣла пустынный, непривѣтливый характеръ. Ничто не радовало взоры. Скатн горъ, лишенные почти совсѣмъ растительности, приняли какой-то однообразно-сѣрый отпечатокъ. Въ иныхъ мѣстахъ они были совершенно голы и, спускаясь отвѣсными стѣнами, показывали свое сланцевое, слоистое строеніе; въ другихъ, гдѣ они имѣли наклонное положеніе, они были покрыты цѣлыми горами камней, которыя по ущельямъ, во множествѣ ниспадающимъ съ той или другой стороны къ ложу Терека, принимали характеръ какъ-бы каменныхъ рѣкъ, остановленныхъ въ своемъ движеніи. Въ этихъ печальныхъ, нагоняющихъ уныніе, мѣстахъ нигдѣ не видно жизни. Все мертво и пустынно. Изрѣдка завидишь гдѣ-нибудь на высотѣ, далеко въ сторонѣ отъ дороги, осетинскій аулъ, который, точно ласточкино гнѣздо, прилѣпился къ какому-нибудь утесу. Но и эта безпорядочная гора строеній, имѣющихъ видъ какихъ-то каменныхъ землянокъ, или пещерокъ, безъ всякихъ претензій на красоту или даже удобство, не веселитъ взгляда. На такое жилье смотришь не какъ на мѣсто, мирно и съ пользой культивирующее окрестности, а какъ на разбойничій притонъ, гдѣ можно безнаказанно хорониться отъ разныхъ ночныхъ походовъ. Чѣмъ живутъ обитатели ауловъ? Въ былое время ихъ кормила вѣроятно война, на что указываетъ и самая обстановка аула: онъ расположенъ обыкновенно на скалѣ, или на какомъ-нибудь выступѣ горы, и непременно имѣетъ у себя для защиты вы-

сокую каменную башню, такъ что все придаетъ ему видъ крѣпости. Теперь же, съ замиреніемъ края, когда воинственный пылъ жителей волей-неволей долженъ былъ успокоиться, нужда заставила ихъ обратиться къ иному источнику пропитанія. Земледѣліе здѣсь не мыслимо, и только развѣ кое-гдѣ растущая трава можетъ давать пищу немногочисленнымъ овечьимъ стадамъ. И дѣйствительно эти стада горныхъ овецъ падаются тамъ и сямъ на возвышенностяхъ.

Но вообще и эти признаки жизни по дорогѣ отъ Казбека до Куби встрѣчаются рѣдко. Не на чемъ остановить взора. Развѣ иногда только засмотришься, какъ съ какой-нибудь крутизны сыплется каменный дождь. Одинъ-два камня, Богъ вѣсть отчего, пришли въ движеніе и, катясь внизъ все съ бѣльшей и бѣльшей скоростью, зацѣпили собой другіе, такъ что образуется наконецъ цѣлый потокъ, который свергается на самое дно лощины, или останавливается гдѣ-нибудь на полпути, если встрѣчаетъ громадную выдавшуюся скалу, составляющую ему непреодолимое препятствіе. Такіе каменные обвалы здѣсь бываютъ нерѣдко; часто камни, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, скатываются на самую дорогу, и тогда горе путешественнику! Признаюсь, я со страхомъ проѣзжалъ такія мѣста. Цѣлое море камней виситъ на какомъ-нибудь крутомъ откосѣ, и даже непонятнымъ становится, какъ они могутъ держаться на такой крутизнѣ. И дорога ведетъ васъ къ нимъ, подъ самый откосъ.... Тронься одинъ изъ этихъ валуновъ — и нѣтъ спасенья!

Въ одномъ мѣстѣ мой экипажъ былъ остановленъ такимъ потокомъ. Не больше какъ за часъ до моего проѣзда, онъ

обрушился съ выси и засыпалъ дорогу. Рабочіе поспѣшно очищали ее, скатывая камни въ пропасть, примыкающую къ самой дорогѣ. Вотъ почему я не могу сказать, чтобы эта знаменитая по своей живописности и по своимъ доро́го-стоющимъ сооруже́ніямъ Военно-Грузинская дорога была совершенно безопасна. Если по ней свободно можно ѣздить, не опасаясь людей, которые, хотя и имѣютъ разбойничій видъ, но не нападаютъ теперь на проѣзжихъ съ цѣлью грабежа (по крайней мѣрѣ о такихъ случаяхъ не слышно), за то съ другой стороны вы ничѣмъ не обезпечены отъ каменныхъ обваловъ и не можете быть увѣрены, что какой-нибудь камень не сорвется со скалы, у которой вы проѣзжаете, и не раскроить вамъ голову.

Я нахожу еще одинъ недостатокъ, который легко можно было бы устранить и который также представляетъ большую опасность. Это — плохо устроенная стѣнка, отдѣляющая дорогу отъ пропасти. Отчего ее не сдѣлать бы выше, напримеръ, хоть въ два аршина? Теперь же она имѣетъ не болѣе двухъ четвертей въ вышину. Это такой барьеръ, который легко перепрыгнетъ всякая лошадь. Притомъ же во многихъ мѣстахъ она обвалилась, и слѣдовательно опасность еще возможна. Особенныхъ затратъ на такое поднятіе стѣнки не могло бы быть — матерьялъ, изъ котораго составлена стѣнка, подъ рукой; рабочіе же постоянно имѣются на дорогѣ. Въдѣ отпускаютъ же на ремонтъ этой дороги, какъ мнѣ говорили, каждый годъ полмилліона рублей. Неужели на такую сумму нельзя содержать въ полномъ порядкѣ это вообще прекрасное шоссе? Да наконецъ, если бы даже и пришлось истратить

нѣсколько лишнихъ тысячъ рублей, то неужели этого не стоило бы сдѣлать, хотя бы въ виду того, что это шоссе обошлось болѣе чѣмъ въ 20 милліоновъ рублей? Если не пожалѣли такой огромной суммы на постройку этой дороги, то надо же и умѣть поддержать это дорогое сооруженіе.

А что низкая и кое-гдѣ развалившаяся стѣнка представляетъ дѣйствительную, а не воображаемую опасность, это можно доказать тѣмъ, что, во первыхъ, дорога Военно-Грузинская довольно узка — только два экипажа, и то едва, могутъ разъѣхаться, такъ что колеса объѣзжающаго экипажа на какой-нибудь вершокъ или два слѣдуютъ отъ края пропасти. Кто-жъ поручится, что лошади не запрямятся и не станутъ бить васъ на этомъ мѣстѣ? Во вторыхъ, ѣзда здѣсь постоянная, и днемъ, и ночью. Что вы увидите въ мрачныя осеннія ночи? И не придется ли примѣнить и здѣсь русское «авось-да-небось», которое вѣдь не всегда вывозить? А сколько встрѣчается на дорогѣ извозчиковъ пьяныхъ или спящихъ на волахъ по своей безпечности! Конечно, остается только возложить надежду на Бога, да на добрыхъ коней, привыкающихъ ко всякимъ дорогамъ.

Примите во вниманіе также характеръ здѣшней ѣзды. Ямщикъ не можетъ видѣть равнодушно спусковъ дороги; онъ сейчасъ же разгоняетъ лошадей, такъ что тѣ несутся чуть не вскачь, и при поворотахъ, которые довольно круты, вашъ экипажъ нѣсколько приподнимается отъ земли однимъ бокомъ. Вы инстинктивно хватаетесь за что попало и съ трепещущимъ сердцемъ готовы уже выпрыгнуть изъ экипажа — но успокойтесь! опасное мѣсто миновало, и вы снова несетесь по ровной

глади убитого мелкимъ камнемъ шоссе, несетесь безъ тревогъ до перваго поворота. Но вонъ впереди показался обозъ — вотъ вамъ и точка преткновенія. Это — обозъ, составленный изъ нѣсколькихъ арбъ, тяжелыхъ и неуклюжихъ, запряженныхъ не менѣе неуклюжими, неповоротливыми, но сильными, низкорослыми буйволами. Обозъ занялъ всю дорогу; проѣзда нѣтъ; извозчикъ вашъ неистово кричить: «хабарда! хабарда!» (сторонись!), но не скоро вамъ дадутъ дорогу. Послѣ усиленныхъ криковъ съ той и другой стороны, послѣ ругани и брани, а иногда и послѣ того, какъ ямщикъ вашъ безцеремонно и съ озлобленіемъ проѣхался не одинъ разъ своимъ длиннымъ кнутомъ по спинамъ или даже фізіономіямъ вожаковъ обоза, только послѣ этой непріятной прелюдіи, повторяющейся почти каждый разъ при встрѣчахъ съ обозами, вы имѣете возможность кое-какъ пробраться стороною, рискуя зацѣпить колесомъ или за какою-нибудь выступъ скалы, или разворотить и безъ того еле-держашуюся стѣнку дороги.

Конечно, не вездѣ шоссе узко и далеко не вездѣ опасно. Я говорю преимущественно о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его пришлось вырубать въ скалахъ или проводить на самомъ обрывѣ какого-нибудь утеса. Здѣсь невѣрный шагъ лошади — и вы погибли. Такихъ несчастныхъ случаевъ повторяется не мало каждое лѣто. Мнѣ рассказывали объ одномъ казакѣ, который ѣхалъ у самаго барьера дороги, сторонясь отъ проходившаго мимо обоза. Лошадь его что-то заупрямилась; онъ стегнулъ ее нагайкой; она взвилась на дыбы, прыгнула черезъ низенькій барьеръ и полетѣла съ тысячефутовой высоты въ бездну, гдѣ отъ нея и отъ казака остались, разумѣется, одни только кусочки мяса....

Въ другой разъ ящикъ возвращался «обратный» на станцію порожнякомъ. Спускаясь по наклонной плоскости дороги, онъ пустилъ пристяжныхъ сзади телѣги. Одна изъ нихъ какъ-то оступилась и также упала въ пропасть, разбившись въ дребзги. Возможны ли были бы такіе случаи, если бы шоссе было огорожено болѣе высокой стѣнкой, чѣмъ теперь? На это слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ, кому это вѣдать надлежитъ.

Что касается устройства самого полотна дороги, то оно превосходно. Ъдешь точно по гладкому полу. Въ рессорномъ экипажѣ толчки совѣмъ не ощутительны. Мнѣ только кажется, что можно было бы избѣгнуть лишнихъ зигзаговъ. Я не говорю о кручахъ, которыя приходилось по возможности избѣгать, или объ отвѣсныхъ стѣнахъ, гдѣ надо было выбивать дорогу порохомъ и гдѣ при подъемѣ крутые и частые зигзаги были необходимы. Но въ мѣстахъ, слегка холмистыхъ, вовсе не было никакой надобности увеличивать путь излишними зигзагами. И дѣйствительно, вы видите, какъ рядомъ съ шоссированной дорогой идетъ другая, наѣзжая, избравшая себѣ другое, кратчайшее и вовсе не крутое направленіе. Но вѣроятно строители нашли такія препятствія, которыя не видны простому смертному, думалъ я, и, успокоившись на этой мысли, переставалъ объ этомъ думать и снова отдавался созерцанію окружавшей меня грандіозной природы.

А природа была дика и угрюма, особенно за станціей Коби. Тамъ были груды камней, разсѣянныхъ всюду, гдѣ только могли они держаться. Глубокія, узкія и пустынные ущелья чернѣли по сторонамъ. Громадные выступы горъ грозно выдавались впередъ и мрачныя скалы были разбросаны въ ка

комъ-то ужасномъ хаосѣ. Точно вѣдьмы и духи тьмы совершали здѣсь свой безумный и разгульный шабашъ. Нигдѣ легенда о происхожденіи Кавказскихъ горъ не примѣнима такъ кстати, какъ здѣсь. А легенда говорить слѣдующее:

«Дьяволъ постоянно приходилъ мучить одного любимаго Богомъ отшельника, жившаго на самой высокой горѣ Кавказа, въ ту эпоху, когда еще Кавказъ представлялъ рядъ горъ плодоносныхъ, покрытыхъ зеленью и доступныхъ. Отшельникъ испросилъ у Бога позволеніе заставить сатану, одинъ разъ навсегда, раскаяться за причиняемые имъ соблазны. Богъ разрѣшилъ ему, не спрашивая даже о средствахъ, какія будутъ имъ приняты для достиженія этой цѣли. Отшельникъ раскалилъ щипцы и когда дьяволъ, по своему обыкновенію просунулъ голову въ дверь, святой человѣкъ призвалъ имя Божіе и схватилъ сатану за носъ раскаленными щипцами. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерялся и началъ плясать на горѣ, ударяя своимъ хвостомъ по Кавказу. Отъ ударовъ хвоста сатаны образовались эти долины, ущелья, овраги, которые переименовываются такимъ многосложнымъ и безалабернымъ образомъ.

Станція Коби лежитъ на высотѣ 6400 футовъ надъ уровнемъ моря, а слѣдующая за ней, Гудауръ, на высотѣ 7500 футовъ. Разстояніе между двумя этими станціями и составляетъ перевалъ черезъ центральный Кавказскій хребетъ. Высшая точка перевала имѣетъ 8700 футовъ высоты. Она лежитъ на Крестовой горѣ и отмѣчена крестомъ, поставленнымъ Ермоловымъ въ 1824 году. Такимъ образомъ отъ станціи Коби, на протяженіи десяти верстъ, идетъ подъемъ въ гору болѣе

чѣмъ на двѣ тысячи футовъ высокою, что составляетъ на каждые 15 сажень одну сажень паденія. Дорога постоянно вьется зигзагами и все уноситъ васъ выше и выше. Наконецъ вы видите себя на одной высотѣ съ вершинами самыхъ высокихъ окружающихъ васъ кавказскихъ гигантовъ. Чувство неизъяснимо гордое и пріятное рвется вамъ въ душу. Это — высота орлинаго полета, откуда человѣческія жилища, гнѣздящіяся на днѣ ущелій, кажутся вамъ какими-то маленькими, жалкими пятнышками. Вы въ царствѣ облаковъ и сосѣдствѣ вѣчнаго снѣга; здѣсь у вашихъ ногъ рождаются источники; здѣсь вы на тронѣ Кавказа! Что передъ вами Чатырь-дагъ, Бештау, многія горы и даже цѣлые хребты Европы? Вы на высотѣ чуть не вдвое большей ихъ! Мимо васъ несутся клубы тумана и цѣлая гряда облаковъ, на которые житель равнины взираетъ съ благоговѣніемъ, дивясь ихъ чрезвычайной высотѣ. Гремучіе каскады несутся около васъ и, можетъ быть, даютъ начало рѣкамъ, благословляемымъ человѣчествомъ.

Но оглянитесь кругомъ себя. Вотъ страшная Маіорша, каждый годъ погребаящая подъ своей холодной одеждой десятки людей. Вотъ сѣдовласый Гудъ, блестящій серебромъ на солнцѣ, а вотъ и его сосѣди: «Семь братьевъ», «Чертово кресло»... Вы на хребтѣ горъ, и если бы вамъ не мѣшали ихъ зубцы и куполы, вамъ открылся бы горизонтъ необъятный...

Кругомъ васъ, по ущельямъ и скатамъ, бѣлѣютъ снѣга, а въ сосѣдствѣ съ ними ярко зеленѣетъ трава — сочетанье, непривычное для глаза и потому невольно обращающее на себя вниманіе. Хотя переваль черезъ Крестовую гору лежитъ ниже снѣговой линіи, проходящей по Кавказу на высотѣ

10000 футовъ, но здѣсь, между Коби и Гудауромъ, огромныя массы снѣга не успѣваютъ растаивать за лѣто и потому лежать постоянно. Конечно, не все сплошь покрыто бѣлой скатертью; напротивъ, большая часть высотъ свободна отъ снѣга, который наполняетъ овраги и только кое-гдѣ лежитъ по скатамъ. Эти снѣга обыкновенно составляютъ остатки весеннихъ обваловъ, случающихся ежегодно. На склонахъ, обращенныхъ къ солнцу, эти снѣжные поля скоро растаиваютъ подъ солнечными лучами, какъ они ни мало здѣсь грѣются. Но въ глубокихъ лощинахъ, которыя снѣгъ закрываетъ доверху и куда онъ сноситъ съ горъ массу каменьевъ, лучи солнца безсильны, и тамъ снѣга лежатъ постоянно неталыми грудами. Говорятъ, весною — въ апрѣлѣ и маѣ — здѣсь ѣздить очень страшно: то и дѣло свергаются цѣлые потоки, а иногда и цѣлыя горы снѣга! И тогда нѣтъ спасенья! Невольныя жертвы обваловъ случаются ежегодно. Такими жертвами по большей части бывають рабочіе, постоянно расчищающіе дорогу отъ снѣга, но рѣдко проѣзжающіе.

У склона одной горы выстроено длинное каменное зданіе, нѣчто въ родѣ туннеля. Оно предназначено для спасенья проѣзжающихъ отъ снѣжныхъ обваловъ, но достигаетъ ли оно своей цѣли, я позволяю себѣ въ этомъ сомнѣваться. Конечно, если снѣжная лавина несется съ высоты, а путникъ заблаговременно успѣлъ забраться подъ своды этого каменнаго строенія, то онъ можетъ быть спасенъ отъ налетающей грозы. Но вообразите его ѣдущимъ. Вѣдь обвалы случаются не тамъ только, гдѣ припасенъ туннель; да если бы даже и въ томъ мѣстѣ — чѣмъ туннель можетъ спасти приближающагося къ нему

путешественника? Сверху несется огромная лавина, въ нѣсколько десятковъ сажень шириною.... Вы — зерно, песчинка передъ нею. Вы не успѣли и десятка шаговъ сдѣлать, какъ она васъ зацѣпила, смяла и погребла подъ своею массой. Я понимаю, если бы туннель былъ длинный, напр. на нѣсколько сотъ сажень въ длину, а не на 20, какъ теперь, если бы онъ проходилъ по всему опасному мѣсту — тогда, разумѣется, польза его была бы несомнѣнна. При настоящемъ же его устройствѣ, онъ не удовлетворяетъ никакой цѣли. Вѣдь не садиться же въ него въ самомъ дѣлѣ заблаговременно и ожидать, когда пронесется надъ вами страшная смерть въ видѣ снѣжной лавины! А сколько тысячъ, вѣроятно, стоилъ этотъ туннель!

Разстояніе между Коби и Гудауромъ служитъ раздѣльной линіей для водъ, текущихъ на сѣверъ и на югъ. Къ сѣверу изливается Терекъ, оставляющій Военно-Грузинскую дорогу близъ станціи Коби, а къ югу спадаетъ Арагва, берущая начало въ ущельѣ Гудъ-горы.

По пути между двумя этими станціями встрѣчается много минеральныхъ источниковъ. Ложа ихъ покрыты краснымъ, бурымъ или желтымъ налетомъ. Прѣсные потоки въ изобиліи стекаютъ по горамъ и въ иныхъ мѣстахъ съ такой могучей силой пересекаютъ самую дорогу, что кажется, будто колеса экипажа, переѣзжающаго ихъ, подаются нѣсколько въ сторону теченія воды. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно дорога вымощена большими каменными плитами. Потоки несутся по этимъ плитамъ и тутъ же свергаются шумными каскадами въ бездну.

Подъѣзжая къ одному изъ такихъ, прислоненныхъ однимъ бокомъ къ скату горы, мостовъ, я заинтересовался слѣдующимъ зрѣлищемъ: съ большой высоты крутаго горнаго склона, на которомъ паслось овечье стадо, быстро, съ отчаяннымъ крикомъ, спускались два мальчика-пастуха. Они не шли, но бѣжали, прыгая, какъ дикія козы, съ камня на камень, такъ что каждое мгновеніе можно было за нихъ опасаться, что они расшибутся въ дребезги. Нельзя было не удивляться быстротѣ ихъ ногъ. Эти истинные сыны горъ, вѣроятно, такъ же привыкли къ своимъ крутизнамъ, какъ мы къ равнинамъ. Сначала я не могъ понять, что заставило ихъ, чуть не молніей, летѣть по обрывамъ, а потомъ оказалось, что они, завидѣвъ экипажъ, бѣжали выпросить себѣ милостыни. Бѣдность ли, или щедрость проѣзжающихъ приучили ихъ выклянчивать себѣ гроши, но они, не смотря на грозные взмахи на нихъ кнутомъ ямщика, долго бѣжали за экипажемъ даже и послѣ того, какъ я имъ бросилъ нѣсколько монетъ. Но вообще ихъ слѣдуетъ остерегаться. Обыкновенно, когда нѣсколько такихъ попрошайекъ обступятъ экипажъ, одни бѣгутъ по сторонамъ и своимъ неотвязнымъ крикомъ развлекаютъ ваше вниманіе, другіе тѣмъ временемъ пользуются, вскарабкиваются на задокъ экипажа, обрѣзываютъ ремни и сбрасываютъ на дорогу привязанныя вещи. Такіе случаи бывають часто и они повторяются на всемъ протяженіи Военно-Грузинской дороги. А ночью отцы и старшіе собраты этихъ маленькихъ мошенниковъ тѣ же штуки продѣлываютъ съ запоздалыми обозами, или съ оружіемъ нападаютъ на проходящую денежную почту.

За шесть верстъ отъ Гудаурской станціи, гдѣ въ лѣвой сторонѣ отъ дороги стоитъ крестъ на верху перевала, начинается спускъ съ Крестовой горы. Здѣсь громоздкіе экипажи, обыкновенно втаскиваемые на гору шестерикомъ или даже восьмеркой лошадей, перепрягаются въ одну пару и свободно катятся по легкому склону дороги, которая скоро приводитъ къ самому краю горы, и тогда раскрывается великолѣпнѣйшая панорама! Прямо подъ дорогой, внизу, разверзается глубокое и прелестное ущелье, на днѣ котораго весело струится свѣтлая лента Арагвы. Скаты ущелья безподобны! Это — сплошное море самой яркой зелени. Бархатные луга, темно-синія рощи, разбросанные тамъ и сямъ аулы, воздѣланные поля — все это придаетъ мѣстности самый веселый характеръ. Но особенно вниманіе привлекаетъ къ себѣ одна громадная скала, висящая на воздухѣ. Какъ велика она, можно судить по тому, что на ней расположенъ цѣлый аулъ, а кругомъ простираются лѣса и пашни. Но издали эта грандіозная глыба, прислоненная къ противоположному скату ущелья, кажется небольшимъ балкономъ, свѣшивающимся надъ пропастью. Впечатлѣніе поразительное! Но поѣзжайте дальше, и дорога раскроетъ передъ вами другія чудеса. Она вьется безчисленными зигзагами по отвѣсной горной стѣнѣ и несетъ васъ туда, на самое дно ущелья, на глубину болѣе трехъ тысячъ футовъ. Наклонитесь немного и вы увидите внизу себя нѣсколько поворотовъ дороги. Вы не хотите вѣрить, вы готовы это принять даже совѣмъ за другую дорогу, вамъ кажется невѣроятнымъ, что вы очутитесь тамъ внизу, гдѣ ползутъ какія-то мошки — такіе же экипажи, какъ и вашъ. Но дѣйствитель-

ность васъ убѣждаетъ въ этомъ, и вы быстро спускаетесь все ниже и ниже по превосходному шоссе. На одномъ поворотѣ его устроенъ высокобьющій фонтанъ, а близь него вдѣлана въ скалу доска съ золотой надписью, гласящею, что шоссе это сооружено инженеромъ Статковскимъ въ намѣстничество князя Барятинскаго. Этотъ удивительный спускъ на станцію Млеты, красная кровля которой виднѣется въ глубинѣ ущелья, производитъ незабываемое впечатлѣніе. По необычной его красотѣ и живописности, я могу его сравнить только съ Воронцовскою дорогою, идущею по южному берегу Крыма отъ Байдарскихъ воротъ къ Ялтѣ.

Тамъ панорама моря, внезапно открывающаяся при выѣздѣ изъ Байдарскихъ воротъ, также дѣйствуетъ поражающимъ образомъ. Угрюмыя, сѣрыя скалы, громоздящіяся высокой стѣной надъ головою, богатая южная растительность, раскинутая у подножья ихъ, и безпредѣльная гладь морская, сплывающая на страшной глубинѣ — все это чаруетъ взоры.

Здѣсь же, на спускѣ съ Крестовой горы, надъ обрывомъ въ ущелье Арагвы, прежде всего поражаетъ контрастъ, котораго совѣмъ не ожидаешь. Позади васъ остались исполинскіе утесы, на которыхъ нѣтъ ни деревца, ни травки. Картины величественныя, но угрюмыя. Громадныя осыпи и глубокія пади свидѣлствуютъ о тѣхъ страшныхъ доисторическихъ переворотахъ, которые оторвали чудовищные обломки отъ каменныхъ гигантовъ и въ ужасномъ безпорядкѣ разбросали ихъ по дну и скатамъ ущелій. Все мрачно и сурово; всюду уныніе запустѣнія и ужасъ разрушенія. А здѣсь, впереди васъ, веселые пейзажи, вездѣ слѣды населенія и жизни; аулы,

мелькающіе въ зелени садовъ, виноградники и пашни, занимающіе большія пространства, лѣса, луга, фруктовые сады— все это такъ не похоже на только что пройденный путь! За собой вы оставили холодъ, зиму, снѣжныя поля, а тутъ на васъ пахнуло дыханьемъ юга, нѣжнымъ и пріятнымъ.

Глазъ не хочется оторвать отъ этого ущелья! Съ каждымъ изгибомъ дороги открываются все новыя и новыя картины, одна лучше другой. Вонъ, смотрите, на крутомъ склонѣ виситъ, какая-то ледяная полоса. Издали она неподвижна, точно замерзшій потокъ, или снѣжная лента, скрывающаяся отъ лучей солнца въ глубинѣ узкой лоцины. Подъѣзжайте ближе и глазамъ вашимъ представится дивный каскадъ, серебряныя пряди котораго волнуются въ воздухѣ, расходятся, опять соединяются, перекрещиваются много разъ и наконецъ съ звонкимъ шумомъ падаютъ въ Арагву.

А что это за чудовище выползаетъ изъ угла ущелья? Бѣлое, кудрявое, волнистое, оно огромнымъ клубомъ мягко ложится на горы, спускается въ долину, снова подымается вверхъ, скрывая за собой все, что прежде красовалось на скатахъ. Это — облако. Массивнымъ шаромъ оно медленно и торжественно плыветъ по воздуху, кладетъ тѣни на землю, окутываетъ своею легкой и бѣлою фатою встрѣчающіеся предметы и, какъ волшебный занавѣсъ, ложась на горы, закрываетъ ихъ своимъ влажнымъ тѣломъ. За нимъ потянулся рядъ другихъ мелкихъ облачковъ; они скользятъ мимо васъ, жмутся къ горной стѣнѣ, пересѣкаютъ дорогу, или покрываютъ васъ своею туманной и полупрозрачною сѣтью. Пять, десять секундъ — и они исчезли, или поползли внизъ, къ своимъ

братьямъ, гдѣ они столпились надъ волнами Арагвы, какъ-бы внимая ихъ говору и плеску, или вопрошая, куда, откуда и зачѣмъ онѣ бѣгутъ? «Лечу я къ матери своей Курѣ», словно отвѣчаетъ имъ Арагва, «а по пути я мою и питаю поля Грузіи, которыя безъ меня были бы пустыньны и безлюдны». Сурова колыбель ея, спрятанная глубоко въ нѣдрахъ еѣдовласаго Гуда, который много нагрѣшилъ на своемъ долгомъ вѣку. Слышали вы про него одно поэтическое сказаніе?

Однажды старецъ Гудъ, духъ-властитель Гудъ-горы, влюбился въ одну прелестную дѣвушку, Нину, красивѣе которой не было во всей Осетіи. Хотѣла ли Нина взобраться на гору — влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой; искала ли она цвѣтовъ и травъ — Гудъ собиралъ и пряталъ ихъ подъ сводомъ камней, рассыпавшихся при приближеніи красавицы. Но та не замѣчала пламенной любви старца; она засматривалась на одного красавца-сосѣда, который былъ молодъ, статенъ, силенъ и ловокъ, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и такъ танцевалъ лезгинку, что ему завидовали даже лучшіе танцоры. Не стерпѣлъ этого Гудъ; онъ сталъ ревновать Нину и началъ преслѣдовать предметъ ея страсти, заводить въ трущобы во время охоты или застилать туманомъ пропасти подъ его ногами. Однако все было напрасно. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу. За то Нина съ своимъ возлюбленнымъ видалась часто.

Однажды, когда они, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Нѣсколько дней они оставались засыпанными, безъ пищи и

воды. Ихъ начиналъ мучить страшный голодъ, и наконецъ смерть казалась неминуемой. Влюбленный юноша кидался изъ угла въ уголь, но вдругъ остановился. Впалые, безумные глаза его устремились на Нину, — онъ бросился на нее и впился въ ея плечо зубами. Дѣвушка вскрикнула, упала безъ чувствъ на полъ; но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, отворилась для заключенныхъ. Они бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу. Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь ихъ замѣнилась взаимной ненавистью. Не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ могучимъ хохотомъ, что цѣлая груда камней посыпалась съ горы въ долину. И донинѣ Гудъ-гора, на огромномъ пространствѣ, густо усеяна осколками гранита. Не вѣрите? Пріѣзжайте и посмотрите.

Вспоминая эту легенду, я невольно засматривался на этого сѣдаго великана, который грознымъ стражемъ стоялъ въ серебряномъ уборѣ надъ долиною Арагвы.

Густой сумракъ сталъ спускаться на землю, когда я огибалъ послѣдніе повороты дороги; послѣдніе солнечные лучи исчезли съ окружающихъ горныхъ вершинъ; туманы ложились на землю темными, влажными слоями и вереницы облаковъ, уставшихъ за день странствовать въ небесной выси, располагались для ночлега на пригоркахъ и скатахъ ущелья. Все указывало на близость наступающей ночи. Но не успѣла она еще наложить свои мрачныя тѣни, какъ я былъ уже на станціи Млеты.

Лично на меня этотъ замѣчательный спускъ съ Гудаура

не произвелъ ничего, кромѣ удивленія и восторга. Между тѣмъ въ людяхъ слабонервныхъ онъ возбуждаетъ непріятное чувство. Когда они видятъ свой экипажъ чуть не висящимъ на воздухѣ, они наполняются невольнымъ ужасомъ и вѣроятно имъ тогда не до красотъ природы, которыя открываются съ каждымъ поворотомъ дороги. Вотъ что, напримѣръ, мы читаемъ у одного путешественника:

«Спускъ по этому пути для непривычнаго пассажира далеко не привлекателенъ. Иногда колесо идетъ на нѣсколько вершковъ отъ края ничѣмъ неогороженной пропасти. Впрочемъ несчастные случаи здѣсь необыкновенная рѣдкость. Экипажъ, ямщики и лошади — великолѣпныя лошади — все это вполне соответствуетъ своей цѣли, но испугайся лошадь, сломись колесо или дышло, тогда вы можете спастись только чудомъ. Однимъ словомъ, равнодушно проѣхать предъидущую и эту станцію можетъ только тотъ, кто воспиталъ въ себѣ чувство равнодушія къ жизни, кому когда бы ни умереть и какъ бы ни умереть, рѣшительно все равно. Если же проѣзжій не принадлежитъ къ этому разряду людей, то еще въ Коби долженъ запастись увѣренностью, что съ нимъ никакого несчастія не можетъ случиться».

Однако-жъ такихъ людей, равнодушныхъ къ жизни, найдется, конечно, немного. Вотъ почему въ видахъ избѣжанія дѣйствительной опасности, а также и для того, чтобы не возбуждать въ обыкновенныхъ смертныхъ лишннихъ страховъ, слѣдовало бы непременно огородить неогороженные мѣста, а тамъ, гдѣ имѣется барьеръ, возвысить и укрѣпить его, какъ слѣдуетъ.

Станція Млеты чрезвычайно похожа на всѣ другія, имѣющіяся на Военно-Грузинской дорогѣ. Это — большой, двухъ-этажный, каменный домъ, съ обширною столовой залой, съ буфетомъ, съ комнатами для проѣзжающихъ, съ крытою галлереей и даже съ отдѣльными номерами. Конечно, взыскательный путешественникъ останется многимъ недоволенъ: и меблировкой комнатъ, и буфетомъ, и кое-чѣмъ другимъ. Кушанья подаются большею частью безвкусно приготовленныя, а сливокъ и французскаго хлѣба нельзя достать ни на одной станціи. Одно могу рекомендовать — здѣсь очень вкусныя форели. Вообще въ дорогѣ нельзя быть слишкомъ требовательнымъ. Тотъ, кому приходилось не мало странствовать по нашей обширной матушкѣ-Россіи, кто знакомъ съ ея почтовыми станціями и даже съ гостинницами небольшихъ городовъ, тотъ всегда отдастъ преимущество этимъ станціоннымъ замкамъ на Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ Млетахъ я расположился почевать, но мнѣ долго не удавалось заснуть. Только-что испытанныя впечатлѣнія стояли передо мной, какъ живыя. Масса этихъ впечатлѣній тѣснилась въ душу, и цѣлый рядъ картинъ, веселыхъ и грозныхъ, отрадныхъ и страшныхъ, проносился въ воспоминаніи, какъ въ какомъ-то чудномъ калейдоскопѣ. То мнѣ слышался неистовый грохотъ Терека, видѣлась его свирѣпая волна, бушевавшая въ дикомъ разгулѣ, то мнѣ казалось, что я лечу надъ бездною, изъ которой выплываютъ клубы тумана, или взбираюсь на горныя высоты въ виду кавказскихъ гигантовъ, нѣмыхъ свидѣтелей кровавой исторіи. А прямо передъ окномъ моимъ такъ ласково, такъ привѣтливо журчала Арагва, какъ бы предлагала вдуматься въ ея мелодичный говоръ.

Съ разсвѣтомъ я двинулся далѣе и — новыя впечатлѣнія, новыя картины. Опять замелькали станціи, такія же массивныя, каменные зданія одинаковой архитектуры, какъ и тѣ, которыя я оставилъ за собою. Вотъ Пасанауръ, Анауръ, Душетъ, Цилканы, Мцхетъ.

Но характеръ природы здѣсь болѣе однообразный, не поражающій, не грандіозный, но привѣтливый, веселый, ласкающій зрѣнье. Всюду вспаханные поля, фруктовые сады, густые лѣса. Растительность богатая, южная: орѣховыя и миндальныя деревья, персики и лавры, гранаты и каштаны — все это растетъ и цвѣтетъ на открытомъ воздухѣ. Вотъ цѣлыя плантаціи виноградника, а вотъ и густыя сѣти дикаго плюща, который переплетается вокругъ древесныхъ стволовъ. Дорога ужъ не вьется зигзагами; ей не нужно лѣпиться гдѣ-нибудь по утесамъ или по страшнымъ крутизнамъ; она вытянулась длинной лентой вдоль ущелья Арагвы и нѣсколько часовъ ведетъ васъ между отлогихъ, но все еще высокихъ, горныхъ скатовъ, сплошь поросшихъ лѣсами или покрытыхъ пашнями.

Это уже не дикая, пустынная Осетія съ ея бѣднымъ и грубымъ населеніемъ; это — великолѣпная Грузія, роскошная природа которой такъ поэтично изображена Лермонтовымъ.

Лакомый кусокъ составляла эта чудная страна для воинственныхъ сосѣдей. Въ былыя времена здѣсь разыгрывались кровавыя трагедіи, выжигались селенія и города, жилища, роскошныя мѣста обращались въ пустыни. Но щедрая природа вознаграждала все. Она сторицею возвращала то, что скосила чуждая, враждебная рука, и снова вызывала изъ лѣсовъ и тѣмъ ущелій население, попрятавшееся отъ варварскаго

меча Турокъ или Персовъ. Слѣды этихъ губительныхъ войнъ остались и доселѣ: тамъ и сямъ, на горныхъ выступахъ, или на поворотахъ дороги, сохранились полуразвалившіеся башни и крѣпостныя стѣны — быть можетъ, когда-то грозная защита, а теперь лишь жалкія руины.

Пасанауръ и Анануръ весьма похожи другъ на друга по окружающей природѣ — точно это копія одна другой мѣстности, буквально потонувшей въ зелени лѣсовъ. Шумливая Арагва, журчащіе потоки, тѣнистые лѣса, словомъ обиліе растительности и влаги дѣлаетъ здѣшній воздухъ чрезвычайно пріятнымъ и легкимъ. Здѣсь и жаркое лѣто кажется весной. Всюду проведены оросительные каналы, питающіе своею чистой водой благодатныя поля.

За Анануромъ горы уменьшаются въ своей высотѣ; поверхность болѣе волнообразна, чѣмъ гориста, а мѣстность принимаетъ болѣе земледѣльческій характеръ. Арагва тутъ исчезаетъ — холмы отбиваютъ ее влѣво.

Душетъ — маленькій городокъ, расположенный на пригоркѣ, въ виду почтовой станціи, отъ которой онъ отдѣленъ пространствомъ версты въ двѣ. Достопримѣчательностей онъ не имѣетъ, равно какъ и слѣдующая за нимъ станція — Цилканы.

Напротивъ Мцхетъ — мѣсто историческое, священное для каждаго грузина. Въ древности онъ былъ столицею Грузіи. Здѣсь жила св. Нина, просвѣтительница Грузіи. Отсюда она проповѣдывала христіанство по всей странѣ въ IV вѣкѣ. Во Мцхетѣ короновались грузинскіе цари. Здѣсь же, въ соборѣ 12 Апостоловъ, находятся и могилы послѣднихъ гру-

зинскихъ царей: Ираклія II и Георгія XIII, умершаго въ 1800 году.

Въ настоящее время Мцхетъ небольшой городокъ, лишенный жизни и движенія. Его не оживляетъ и желѣзная дорога, проходящая черезъ него отъ Тифлиса до Поти. Хотя онъ стоитъ при слияніи двухъ рѣкъ: Куры и Арагвы, но мѣстность, на которой онъ расположенъ, не имѣетъ живописнаго характера. Горы, поднимающіяся надъ нимъ съ двухъ сторонъ — съ востока и юга — лишены растительности и потому еще болѣе дѣлаютъ мѣстоположеніе печальнымъ.

IV.

Общая панорама Тифлиса. — Прогулка по его улицамъ и переулкамъ. — Кура. — Тифлисъ ночью и днемъ. — Тифлисскіе нравы. — Уличная жизнь. — Майданъ. — Церковь св. Давида и могила Грибоѣдова. — Бани. — Общественная и умственная жизнь Тифлиса.

Цхетъ — послѣдняя станція передъ Тифлисомъ. Отсюда до столицы Кавказа 20 верстъ. Дорога идетъ равниной скучной, однообразной, непривѣтливой. Не на чемъ отдохнуть глазу. Но вонъ вдали, съ половины дороги, бѣлѣтъ какая-то груда на сѣромъ фонѣ. Это — Тифлисъ. Взглядъ невольно устремляется туда и старается отыскать нѣчто красивое, изящное, привлекательное. Но напрасно. Тамъ что-то невесело выглядываетъ все. Какіе-то темные, сѣроватые холмы, а внизу ихъ однимъ краемъ высматриваетъ груда строеній, тѣсно прижавшихся другъ къ другу. А кругомъ — пустыня; ни души человѣческой, ни даже жалкаго жилья, напоминающаго о присутствіи людей. И это въ виду большого, центрального города..... Но я утѣшалъ себя мыслию, что самый городъ сгладитъ то печальное впечатлѣніе, которое получается отъ его окрестностей. У меня почему-то создалась въ воображеніи картина одного изъ тѣхъ дивныхъ восточныхъ городовъ, которые блещутъ чудесами искусства: дома, тонущіе въ зелени садовъ, плескъ фонтановъ, легкіе мина-

реты, стройныя красавицы въ плѣнительныхъ чадрахъ — таинственность, роскошь, особая восточная поэзія..... И, Боже, что же я увидалъ?

Представьте себѣ огромную котловину, обставленную со всѣхъ сторонъ невысокими, глинисто-сѣрыми горами, выжженными солнцемъ. Ни малѣйшей растительности; только земля, одна сухая, пепельнаго цвѣта, земля.

На днѣ этой овальной ямы раскинулся городъ, такой же сѣрый, темный, невзрачный на видъ. Точно какой-нибудь злой духъ взялъ да и посыпалъ все эти постройки густѣйшимъ слоемъ пыли подъ цвѣтъ окружающихъ высотъ. И красныя, и зеленыя, и желѣзныя, и черепичныя крыши — все это сливается въ одну грязно-сѣрую массу, совершенно непривлекательную на взглядъ. Жалкія акаціи, одиноко торчащія тамъ и сямъ, нисколько ни скрашиваютъ общаго вида. Точно сироты, стоятъ онѣ отдѣльно другъ отъ друга и какъ-бы жалуются, зачѣмъ злые люди посадили ихъ на каменную, неблагоприятную почву, въ раскаленной атмосферѣ, и въ грусти и тоскѣ по другимъ, болѣе щедро одареннымъ природою, мѣстамъ тоже закрылись пыльнымъ покрываломъ. Тамъ — гдѣ-то вдалекѣ, на самомъ концѣ города — зеленѣетъ Муштанди съ прилѣпившимися къ нему другими жалкими садишками, заявляющими о себѣ громкими названіями: Райская роза, Эльдорадо и проч. И это — почти единственное зеленое пятно на общемъ грязномъ фонѣ.

О минаретахъ не спрашивайте. Гдѣ-то одиноко торчатъ ихъ два, ничѣмъ не выдѣляясь изъ сѣровой окружающей обстановки.

Даже христіанскіе храмы, которые въ любомъ порядочномъ городѣ щеголяютъ своей постройкой, изящной и легкой, которые сверкаютъ и блещутъ на солнцѣ своими золотыми кровлями, здѣсь не имѣютъ никакого вида, или имѣютъ тотъ же неказистый пепельный отпечатокъ. Все въ нихъ сѣро и мрачно — и стѣны, и куполы. А вѣдь какія пышныя названія! Напримѣръ: Сіонскій соборъ! Даже въ бѣдномъ уѣздномъ русскомъ городкѣ навѣрно соборъ лучше Тифлискаго. Да онъ и не выдѣляется рѣзко — со всѣхъ сторонъ жмутъ его грязнѣйшія, отвратительныя постройки Армянскаго базара. И тутъ, гдѣ совершается моленіе, съ торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ, гдѣ слышится стройное, сладкозвучное хоровое пѣніе, вызывающее на молитву и благоговѣніе, тутъ, у самыхъ дверей Божьяго храма, идетъ торгашество, идетъ на улицѣ, отдѣляющей храмъ отъ колокольни, назойливое выкрикиваніе продаваемыхъ продуктовъ: арбузы, яблоки, дыни, персики.

Рѣка обыкновенно много украшаетъ всякій городъ. Снующія лодки, пароходы, суда съ натянутыми парусами, кипучая жизнь на плотяхъ, на баркахъ, на берегу — все это веселитъ взоры. Не даромъ публика собирается толпами на набережной погулять и поглазѣть, поласкать зрѣніе чуднымъ видомъ, который открывается на всякую живую рѣку. Не даромъ и народъ воспѣлъ красавицу Неву, кормилицу Волгу-матушку, Днѣпръ широкій, Донъ воинственный.... Не позабылъ онъ въ своихъ задушевныхъ пѣсняхъ и мелкихъ рѣченокъ, въ родѣ Казанки-рѣки.

Что же Кура, протекающая черезъ Тифлисъ? Такъ ли она

торжественно плыветъ, какъ наши русскія рѣки, также ли полна она жизни, дѣятельности и также ли лазурное небо любить смотрѣться въ ней, какъ красавица-кокетка въ ясномъ зеркалѣ? Нѣтъ! Она точно стыдится своихъ мутныхъ, грязныхъ волнъ и поскорѣе спѣшитъ отъ людскихъ глазъ, чтобы ея не осудили и не замѣтили ея сѣраго, невзрачнаго наряда. Не оживляютъ ее ни лодки, ни суда, и вѣрно она дивится, что люди (должно быть въ насмѣшку) воздвигли надъ ней у своихъ домовъ висячіе балконы — ужь не для того ли чтобы кидать въ нее съ нихъ помои и выметаемый соръ? Какъ же не роптать ей? Чѣмъ же она виновата, что обижена Богомъ и судьбой? И грустно шумя, она быстро проносится, мѣня по пути фундаменты возвышающихся надъ нею зданій.

Каковы же окрестности Тифлиса? И не играетъ ли опять воображеніе, когда вспомнишь, что это вѣдь столица Грузіи, воспѣтой такъ дивно въ прелестныхъ стихахъ нашимъ великимъ поэтомъ?

Припомните его «Демона»:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ;

Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

Какая дивная картина! Но не кругомъ Тифлиса она видна. Это — тамъ, «вдали», это въ той Грузіи, по которой струится прелестная Арагва. Около же Тифлиса — пустыня, печальная, сѣрая, сожженная солнцемъ.

Вотъ какая невеселая, безотрадная панорама открывается съ высотъ этого полуевропейскаго, полуазіятскаго города — отъ воротъ Ботаническаго сада, или отъ церкви св. Давида — на самый городъ и на ближайшія его окрестности.

Писатели, которыхъ приходилось мнѣ читать, восторгаются этой панорамой, называя ее красивой, даже больше — великолѣпной. Дѣйствительно, Тифлисъ весь передъ вами, точно на ладони; каждый уголокъ его виденъ. Но достаточно ли этого для того, чтобы приходить въ восторгъ? Можно ли наслаждаться зрѣлищемъ высохшихъ глинистыхъ горныхъ стѣнъ и однообразною, грязно-сѣрою грудой каменныхъ неизящныхъ строеній? Я не думаю этого. По крайней мѣрѣ я лично вынесъ совсѣмъ противоположное впечатлѣніе.

Спустимся теперь въ самый городъ и походимъ по его улицамъ. Оріентироваться въ немъ весьма легко. Онъ не за-

путаетъ васъ, какъ Москва, въ которой можно прожить годъ и всетаки не знать, какъ выйти къ извѣстному мѣсту. И это совсѣмъ не потому, что Тифлисъ городъ относительно небольшой, но потому, что онъ довольно правильно расположенъ. Онъ вытянулся вдоль теченія Куры, и если воспользуются своими окраинами по примыкающимъ къ нему горнымъ скатамъ, то это оттого, что ущелье, на днѣ котораго онъ раскинулся, вовсе не широко. Достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ расположенія города.

Вотъ, при самомъ въѣздѣ съ шоссе, съ того мѣста, гдѣ поставленъ на пьедесталѣ изъ порфира чугунный крестъ въ память избавленія отъ опасности покойнаго императора Николая I, расположилось предмѣстье Вера. Здѣсь цѣлый рядъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ и трактирныхъ заведеній встрѣчаютъ усталаго съ дороги путника и приглашаютъ къ себѣ подкрѣпиться и отдохнуть за чаркой кахетинскаго вина своими заманчивыми, чтобы не сказать курьезными, вывѣсками: «Кинь грусть», «Не уѣзжай, голубчикъ мой», и проч., и проч.

Далѣе, по правую сторону отъ Куры, вамъ назовутъ части города: Гаретубани, Сололаки, Харпухи, Орточалу, а по лѣвую: Куки, Чугереты, Авлабаръ, Навтлугъ — но не ужасайтесь множествомъ этихъ названій: въ общемъ вамъ Тифлисъ всетаки представится только въ видѣ двухъ улицъ: Михайловской и Головинскаго проспекта. Остальное — скучныя улицы и переулки, неудобныя для посѣщенія или по своему гористому положенію, или по своей грязи и вони. Такимъ

образомъ, куда бы вы въ Тифлисѣ не пошли, вы волей-неволей очутитесь или на Михайловской улицѣ, или на Головинскомъ проспектѣ. Это, такъ сказать, центръ тяготѣнія. Здѣсь сосредоточились лучшіе магазины и лавки, лучшіе въ городѣ дома; здѣсь рестораны, клубы, гостиницы; здѣсь сгруппировались, именно на Михайловской улицѣ, всѣ тѣ «злачныя и прохладныя» мѣста, гдѣ Тифлисская публика привыкла по вечерамъ въ лѣтнее время оставлять свои рубли — это тѣ жалкіе и миніатюрные садишки, куда охотно идутъ веселиться восточные человѣки, чтобы за кружкой бурдючнаго вина, при звукахъ назойливой зурны или плохаго оркестра, забыть о своихъ дневныхъ заботахъ и хлопотахъ. Каждый изъ этихъ садиковъ, по большей части притоновъ базшабашнаго разгула, а иногда и безобразія, щеголяетъ своими громкими и вмѣстѣ безграмотными названіями. Вотъ напримѣръ: «Райскія роза». А какъ вамъ понравится: «Гулянье новый свѣтъ нескучный садъ?» Затѣмъ: «Эльдорадо», «Ваза», «Садъ гулянія для золотыхъ гостей» и т. д. Здѣсь, въ этихъ подозрительныхъ закоулкахъ, публика, что называется, кишма кишить; а между тѣмъ Муштанлъ, единственный во всемъ городѣ садъ по своей густотѣ и обширности, расположенный тутъ же по близости отъ этихъ вертеповъ разгула, въ концѣ Михайловской улицы, стоитъ пустыннымъ и заброшеннымъ.

Безъ сомнѣнія, лучшая и самая красивая въ городѣ улица, это — Головинскій проспектъ. На ней хотя и нѣтъ пирамидальныхъ тополей, какъ на Михайловской улицѣ, весьма ее украшающихъ, за то она обсажена по обѣимъ сторонамъ каштанами, липами и акаціями. Большіе, двухъ и трехъ-этаж-

ные дома, выстроенные вплотную и отличающиеся прекрасной, даже затѣйливой архитектурой, составляютъ истинное украшеніе этой улицы, этого Невскаго проспекта Тифлиса. Нѣкоторыя зданія по своей красотѣ дѣйствительно съ достоинствомъ могли бы занять соотвѣтствующее имъ мѣсто въ Петербургѣ, напр. дворецъ Намѣстника, Публичная библіотека, Музей и нѣкоторыя другія казенныя и частныя постройки. За дворцомъ эта улица называется Дворцовой; на ней прекрасное зданіе Судебной Палаты, за которымъ начинается Эриванская площадь, раздѣляющаяся на двѣ воздвигнутымъ на ней грандіознымъ Караванъ-Сараемъ.

Не доходя дворца Намѣстника, на лѣвой сторонѣ Головинскаго проспекта стоитъ гауптвахта, а рядомъ съ ней Александровскій садъ, служащій постоянно, особенно по вечерамъ, мѣстомъ сборища разношерстной и разноязычной Тифлисской публики. Садъ разведенъ въ управленіе князя Барятинскаго; слѣдовательно онъ существуетъ немного болѣе двадцати лѣтъ, а между тѣмъ онъ уже густо разросся и представляетъ много тѣнистыхъ мѣстъ. Онъ состоитъ изъ верхняго и нижняго, отдѣляемыхъ другъ отъ друга Лорисъ-Меликовской улицей, на которой помѣщается зданіе Тифлисской Почтовой Конторы и женская гимназія имени В. К. Ольги Θεодоровны. Въ верхней части Александровскаго сада устроенъ большой фонтанъ, какъ разъ противъ воротъ сада, ведущихъ на Головинскій проспектъ, а нѣсколько дальше, въ лѣвой сторонѣ, противъ ресторана, почему-то неохотно посѣщаемого публикой, расположенъ другой фонтанъ, меньшій по размѣрамъ, но довольно изящный на видъ, обставленный цвѣтами и большими кустами пунцо-

выхъ розъ. Садъ орошается изъ Куры посредствомъ паровой водоподъемной машины. Черезъ него можно спуститься къ Курѣ, черезъ которую перекинуть каменный красивый мостъ, называемый Михайловскимъ или Воронцовскимъ. Противъ него, на другомъ берегу рѣки, воздвигнуть бронзовый монументъ Воронцову, этому великому администратору края, обладавшему замѣчательной способностью вызывать къ жизни все, къ чему только прикасалась его творческая рука.

Остановитесь на мосту и посмотрите на протекающую у вашихъ ногъ Куру. Если отсутствіе жизни на ней наведетъ на васъ уныніе, если мутныя и грязныя волны рѣки, берущей свое начало за предѣлами Кавказа, не порадуютъ васъ своимъ мрачнымъ цвѣтомъ, если вообще видъ, открывающійся съ моста, не покажется вамъ достаточно красивымъ, за то во всякомъ случаѣ онъ обратитъ на себя ваше вниманіе своей оригинальностью. Смотрите — трехъ, четырехъ, даже пятиэтажныя зданія выдвигаются прямо изъ воды, точно палаццо изъ водъ венеціанскихъ каналовъ; ихъ пестро-разукрашенные балконы висятъ надъ самой рѣкой; маленькія водяныя мельницы работаютъ тамъ и сямъ, прилѣпившись гдѣ-нибудь къ нижнему этажу зданія — гдѣ, на какой русской рѣкѣ, вы найдете такой своеобразный и не лишенный интереса видъ?

Ночью, проѣзжая по мосту, занимающему одно изъ самыхъ низкихъ мѣстъ въ городѣ, нельзя не залюбоваться чудной картиной, открывающейся вокругъ: всюду, по всѣмъ скатамъ котловины, впереди и позади васъ, влѣво и вправо, свѣтятъ тысячи огней, а надъ вами распростерся темный сводъ небесный съ миллионами такихъ же огненныхъ точекъ, среди

которыхъ, словно яркіе брильянты, ослѣпительно горятъ блестящій Сиріусъ и красавица Венера.

Ночью вообще Тифлисъ можетъ болѣе понравиться, чѣмъ днемъ. Первое, самое главное, васъ не мучитъ удушливый жаръ, который не даетъ вамъ свободно дохнуть въ продолженіе цѣлаго дня. Ночью воздухъ свѣжъ и пріятенъ, вызываетъ на прогулку. И дѣйствительно, едва наступилъ вечеръ, едва зажглись фонари на улицахъ, густыя толпы народа наполняютъ всѣ сады или снуютъ по троттуарамъ. Всюду оживленіе, говоръ, движеніе — точно отъ летаргическаго сна проснулся этотъ, запертый въ тѣсную котловину, городъ. Кое-гдѣ слышится незнакомая русскому уху пѣсня, или тоскливо визжитъ зурна, сопровождаемая мѣрными и глухими звуками бубна или барабана. Часто эта музыка и пѣнье продолжаются далеко за полночь.

Но настало утро, огненный шаръ солнца всплылъ надъ горизонтомъ, и палящіе лучи его не даютъ показаться никому на улицу. Только рабочій людъ, добывающій пропитанье подневной работой, не справляется ни съ какими метеорологическими условіями и въ потѣ лица своего исполняетъ свой тяжкій трудъ, иногда поражающій по своей громадности.

Вонъ, посмотрите, идетъ муши, носильщикъ. Вы не понимаете, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, не смотря на жгучій зной, да еще въ гору, можетъ нести на своей спинѣ удивительныхъ размѣровъ вещь, изъ-подъ которой его даже совсѣмъ не видно. Тащить на себѣ громадный шкафъ, увѣсистый сундукъ или коммодъ, наполненный всякой всячиной, или какой-нибудь громоздкій ящикъ — ему ничего не стоитъ.

Есть муши, которые поднимают на себя до двадцати пудовъ. Кто не видѣлъ этого, тотъ никогда этому не повѣритъ. Я каждый разъ останавливался въ полномъ изумленіи, когда они попадались мнѣ на улицѣ съ своей баснословно-тяжелой ношей.

Изъ особенностей уличной жизни Тифлиса обращаютъ на себя также вниманіе водовозы. Они перевозятъ воду не въ бочкахъ, какъ это принято всюду, а въ кожаныхъ мѣшкахъ, перекинутыхъ черезъ спину лошади или эшака. Мѣшки эти (ихъ навьючиваютъ по одному съ каждой стороны) имѣютъ длинный рукавъ, черезъ который выливаютъ воду. На взглядъ они не отличаются особенной опрятностью; однако-жъ вода въ нихъ не теряетъ свѣжести и не имѣетъ дурнаго вкуса. Этотъ оригинальный способъ перевозки воды объясняется тѣмъ, что бóльшая часть улицъ въ Тифлисѣ занимаетъ гористое положеніе и далеко не отличается шириной; поэтому развозить воду въ бочкахъ было бы чрезвычайно затруднительно.

Ослы употребляются здѣсь для перевозки не одной воды, но и вообще тяжестей. Иногда ихъ тянется по улицѣ цѣлый караванъ, нагруженный или вязанками дровъ, или корзинами съ углемъ, или сѣномъ, или разнаго рода вьюками. Забавно, но вмѣстѣ и жалко смотрѣть, какъ это терпѣливое и выносливое животное, поджавъ свои длинные уши и уныло понутивъ голову, еле плетется по мостовой, таща на себѣ два огромныхъ тюка, сзади которыхъ еще помѣстился, весело подбоченясь, какой-нибудь мальчѣнка-грузинъ.

Всѣ такого рода уличные встрѣчи и сцены краснорѣчиво говорятъ вамъ, что вы въ Азіи — въ городѣ, въ которомъ

еще сильно господствуют восточные нравы и порядки, и если съ обѣихъ сторонъ Головинскаго проспекта смотрятъ на васъ дома, носящіе европейскую фizioномію, то вы готовы это принять даже просто за ошибку или за диссонансъ со всѣмъ окружающимъ.

— Но оставимъ и проспектъ, и смежныя съ нимъ улицы и переулки, имѣющіе европейскій характеръ; углубимся отъ Эриванской площади нѣсколько влѣво, пересѣчемъ Пушкинскую улицу и заберемся въ тотъ лабиринтъ узкихъ и кривыхъ переулковъ, которые составляютъ исключительно торговую и промышленную часть Тифлиса. Это — Армянскій базаръ и Татарскій Майданъ. Здѣсь вы увидите все азіатское населеніе Тифлиса; здѣсь вы наглядно познакомитесь съ его нравами и обычаями и со всѣми продуктами мѣстнаго производства. Здѣсь съ ранняго утра до поздняго вечера кишать и люди, и животныя, происходитъ непрерывное движеніе и пѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ. Въ тѣсныхъ улицахъ, вплотную застроенныхъ грязными и маленькими лавчонками, едва возможно развѣхаться двумъ экипажамъ, и то при соблюденіи величайшей осторожности. Иногда загородитъ вамъ дорогу неповоротливая двуколесная арба, безобразнѣе и тяжелее которой трудно себѣ что-нибудь представить; ея чуть не саженныя, немилосердно скрипяція колеса вертятся вмѣстѣ съ осью. Пара или четверня буйволовъ, жалостно вытянувшихъ свои шеи, которыя третъ тяжелое ярмо, медленно тащитъ такую арбу, нагруженную или огромнымъ бурдюкомъ, или цѣлымъ семействомъ изъ женщинъ и дѣтей, отправляющихся куда-нибудь на богомолье. Тутъ же на улицѣ цѣлая толпа

оборванныхъ мальчишекъ затѣваетъ съ визгомъ и крикомъ кулачный бой; стая собакъ съ остервенѣніемъ накидывается другъ на друга, или, откуда ни возмись, осель затынетъ у вашего уха нескончаемую, душу раздражающую, пѣсню, которая все идетъ *crescendo* и *crescendo*. Продавцы пронзительно кричатъ, не жалѣя ни своего горла, ни чужаго слуха, стараясь чуть не насильно всучить что-нибудь прохожему изъ своихъ продуктовъ. Въ лавочкахъ идетъ дребезжащій стукъ вѣсами при отвѣшиваніи на одной и той же чашкѣ — мѣдной или желѣзной (при чемъ оберточной бумаги не полагается) и персиковъ, и сыра, и масла, и изюму. Иногда торговцы, для возбужденія вниманія прохожихъ, начинаютъ громко трезвонить въ колокольчики, которые привѣшены у нихъ тутъ же, гдѣ находятся фрукты или какіе-нибудь другіе товары.

Вся эта суматоха, возня, крикъ, шумъ, гамъ раздражительно дѣйствуютъ на ваши нервы. Вы стараетесь поскорѣе вырваться изъ этого омута грязи и вони; но на пути вамъ то и дѣло встрѣчаются препятствія, то въ видѣ нераскрытыхъ еще ящиковъ и тюковъ, только-что привезенныхъ и сваленныхъ передъ какой-нибудь лавкой, то въ видѣ оборваннаго холщеваго навѣса, безцеремонно спускающагося сверху чуть не до самой земли для защиты отъ солнечныхъ лучей, или вдругъ вы натываетесь на желѣзную печку или жаровню, изъ которой такъ и бьетъ вамъ въ глаза дымъ отъ жарящагося на ней шашлыка.

Армянскій базаръ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, образующихъ тѣсные, узкіе и кривые переулки. Большая часть

этихъ лавокъ ветха; онѣ осунулись впередъ или назадъ. Иногда между ними встрѣчаются и новыя постройки; но странное впечатлѣніе онѣ производятъ! Это точно яркая заплата на старомъ рубищѣ скряги, который можетъ, но не хочетъ разстаться съ нимъ, чтобы не тревожить своихъ стародавнихъ привычекъ и не тратить деньги на заведеніе приличной одежды.

Базаръ состоитъ не изъ однѣхъ лавокъ съ товарами и фруктами, но здѣсь есть и мастерскія, и булочныя, и питейныя, и кофейни, и цирюльни. Въ распредѣленіи этихъ заведеній сохраняется до извѣстной степени порядокъ, но очень часто рядъ ихъ прерывается какой-нибудь посторонней постройкой. Такъ напримѣръ: между заведеніями портныхъ или сапожниковъ проглядываетъ кузница или харчевня, или круто спускается внизъ винный подвалъ, на прилавкахъ котораго разложены огромные бурдюки изъ буйволовоѣ кожи съ оттопыренными ножками.

Загляните въ мастерскія. Здѣсь, передъ вашими глазами, нисколько не стѣсняясь вашимъ присутствіемъ, пекутъ, варятъ, жарятъ, шьютъ, кузнечатъ, слесарничаютъ. Вотъ, напримѣръ, цѣлое отдѣленіе портныхъ. Поджавъ подъ себя ноги, обливаясь потомъ, они усердно работаютъ своими иглами, не обращая на прохожихъ никакого вниманія. Рядомъ башмачный рядъ. Тамъ въ каждой лавкѣ по нѣсколько человѣкъ такъ же усердно заняты своимъ дѣломъ: мнутъ кожу, точають обувь, накладываютъ колодки. Пройдите еще немного, и васъ совершенно неожиданно обдастъ изъ какой-нибудь лавки жаромъ. Вы видите, какъ тамъ пылаетъ огонь, и раскраснѣв-

пійся, засаленый туземець то и дѣло шныряетъ въ разные концы своего открытаго жилища, и то суетится около блиновъ или лепешекъ, то снимаетъ пѣну съ супа, или переворачиваетъ жарящіеся кусочки мяса и т. под.

Но вотъ вы на Майданѣ. Здѣсь движеніе еще больше, шумъ еще оглушительнѣе, картины еще типичнѣе. Вотъ какъ описываетъ его одинъ наблюдатель:

«Майданъ — это тѣсная площадь, сжатая со всѣхъ сторонъ обветшалыми постройками въ одинъ или два этажа. На всѣхъ строеніяхъ лежитъ какой-то темный, грязный отпечатокъ. Злокачественныя испаренія поднимаются густою тучей; подъ ногами никогда непросыхающая грязь. Площадь постоянно кипитъ народомъ. Глядя на нее съ обрывистаго Сололакского хребта, только и видишь головы человѣческія и морды лошадей, буйволовъ, быковъ и ословъ. Иногда пройдетъ по ней своей тяжелой и мѣрной поступью знаменитый «корабль пустыни», загнанный въ этотъ людской водоворотъ всепожирающею индустріею. Вожакъ-татаринъ тянетъ его за ноздри, продѣтою сквозь нихъ веревкой, до извѣстнаго мѣста, гдѣ послушное животное, жалобно рыча и махая косматою головой, тихо опускается на колѣни и, загибая шею назадъ, принимается апатично жевать свою жвачку».

«На Майданѣ вы всегда встрѣтите представителей разнообразнаго населенія Тифлиса. Вотъ татаринъ въ рыжеватой шапкѣ и буркѣ съ черною, либо сѣдою, или красною бородой; дородный армянинъ въ туземной чахѣ и московскомъ картузѣ; бравый, ловко перетянутый грузинъ, съ заломленною на бекрень шапкой; лезгинъ, подозрительно выглядывающій

изъ подлюбья, продающій сукно собственнаго издѣлья; мулла въ бѣлой чалмѣ; длинно-бородый персіянинъ съ крашеными ногтями, въ аршинной шапкѣ и широкомъ кафтанѣ, поверхъ котораго накинута аба, а на ногахъ пестрые носки и маленькія туфли, прикрывающія только одни пальцы. Среди этого чисто азійскаго сброда порою промелькнетъ шляпа европейца, пробирающагося на извозикѣ, который реветъ во все горло: хабарда!»

Но дальше, дальше! Выйдемъ изъ этихъ зловонныхъ мѣстъ и поднимемся въ гору; отдохнемъ тамъ отъ этой суматохи и подышемъ свѣжимъ воздухомъ. Мы у воротъ Ботаническаго сада. Прямо передъ нами, внизу, весь Тифлисъ; справа — Кура; за нею, на возвышенности, большія, но некрасивыя зданія военныхъ госпиталей. Влѣво отъ насъ, на самомъ гребнѣ скалы, какія-то развалины. Это — остатки старинной крѣпости. Войдемъ въ ворота. Передъ нами моментально откроется пустынное ущелье, спускъ въ которое идетъ зигзагами. Самъ Ботаническій садъ, расположенный нѣсколько влѣво по откосу, находится въ жалкомъ состояніи и не представляетъ никакого интереса для своего обозрѣнія. Отсюда же, отъ воротъ сада, отчетливо рисуется на горѣ Мтацминда церковь св. Давида, составляющая религіозную святыню у грузинъ.

Преданье говоритъ, что на этой горѣ, въ отдаленныя времена, спасался одинъ отшельникъ, именемъ Давидъ. Однажды онъ былъ оклеветанъ одной знатной дѣвушкой, которая, сдѣлавшись беременной и не желая назвать истиннаго виновника своей беременности, указала на святаго. Его позвали въ судъ,

но когда онъ, прикоснувшись до чрева дѣвушки, спросилъ, кто былъ отецъ зачатого ребенка, тогда оттуда послышался голосъ, назвавшій имя настоящаго обольстителя. Внезапно клеветница почувствовала тяжкія боли и родила камень, послужившій основаніемъ для Квашетской церкви, и до сихъ существующей близъ Головинскаго проспекта (по грузински: ква—камень; шва—родила). Съ тѣхъ поръ это мѣсто, гдѣ спасался отшельникъ, стало священнымъ. Каждая грузинка шла сюда почтить мѣсто жительства святаго и въ благоговѣйной молитвѣ испросить себѣ у него облегченія при родовыхъ страданіяхъ; каждая, какъ-бы въ воспоминанье совершеннаго имъ чуда, приносила съ собой камень, и изъ этихъ приношеній, говорятъ, выстроена и самая церковь. Близъ нея изъ скалы еле сочится по каплѣ источникъ. Грузинки вѣрятъ, что онъ имѣетъ отъ Бога силу оплодотворять бесплодныхъ. Каждый четвергъ — день, посвящаемый св. Давиду — онѣ идутъ сюда помолиться въ храмъ и добыть себѣ нѣсколько капель воды. Особенно такія сборища бываютъ многолюдны весною, когда бываетъ престольный праздникъ святаго.

Церковь св. Давида стоитъ на высотѣ 1900 футовъ надъ уровнемъ моря — саженъ на сто выше, чѣмъ самый городъ. Поэтому съ нея открывается панорама всего Тифлиса. Къ сожалѣнію, скала, на которой она воздвигнута, и примыкающія къ ней другія высоты совершенно безлѣсны и вообще лишены всякой растительности. Черезъ это она много теряетъ въ своей красотѣ.

Дорога къ церкви идетъ по одному изъ узкихъ переулковъ, ведущихъ въ гору отъ Головинскаго проспекта, а по-

томъ, отъ Давидовской площади, поднимается крутыми зигзагами.

Подъ сводомъ церкви покоится прахъ знаменитаго нашего писателя Грибоѣдова. Надъ могилою его стоитъ четырехугольный пьедесталъ изъ чернаго мрамора, въ которомъ водруженъ бронзовый крестъ съ Распятіемъ. Къ подножію креста, символу скорби и утѣшенія, обнявъ его руками, припала, также изъ литой бронзы, фигура колѣнопреклоненной женщины. Тутъ же, на верху пьедестала, изображены двѣ книги, лежащія одна на другой. На верхней надпись: «Горе отъ ума». Надъ книгами лира, увитая лаврами. На передней сторонѣ пьедестала портретъ поэта и надпись золотыми буквами: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 1795 января 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829, января 30 дня». На другой сторонѣ написано: «Незабвенному — его Нина», а на третьей: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Рядомъ съ могилою поэта находится другой памятникъ — его супруги Нины Александровны, скончавшейся въ 1857 году.

Кромѣ церкви св. Давида другую замѣчательность Тифлиса составляетъ Сіонскій соборъ. Тамъ хранится крестъ изъ виноградныхъ лозъ, съ которымъ св. Нина въ IV вѣкѣ проповѣдывала христіанство въ Грузіи. По преданью, онъ врученъ былъ ей Божіей Матерью, Которая, явившись ей во снѣ, сказала: «Иди въ Иверскую землю и благовѣстуй тамъ Евангеліе Господа Іисуса; Я буду тебѣ покровительницей». Нина, проснувшись и увидавъ въ своихъ рукахъ чудный крестъ, со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Со

смертью Нины этотъ крестъ сохранился въ фамиліи грузинскихъ царей, а во время непріятельскихъ нашествій его клали на сбереженіе или во Мцхетскій соборъ, или въ Ананурскую церковь. Потомъ онъ былъ отправленъ въ Москву, но императоръ Александръ I возвратилъ эту драгоценную для каждаго грузина святыню въ Грузію. Въ настоящее время онъ хранится въ Сіонскомъ соборѣ, за образомъ, по лѣвую сторону отъ царскихъ дверей.

У южной стѣны собора находится чугунная гробница надъ могилою Циціанова, знаменитаго главнокомандующаго кавказскаго. Кромѣ того, здѣсь же въ соборѣ, подъ его поломъ, погребены многіе члены семейства князей Орбеліани.

Служба въ соборѣ совершается то на грузинскомъ, то на русскомъ языкѣ; духовенство преимущественно грузинское. Внутреннее убранство, равнымъ образомъ и наружная отдѣлка собора, не представляютъ ничего замѣчательнаго. Храмъ не поражаетъ ни своей обширностью, ни своей красотой, а по внѣшности имѣетъ общій характеръ грузинскихъ церквей, которыя всѣ строятся изъ желтовато-сѣраго, некрасиваго на видъ, камня; всѣ имѣютъ коническую крышу изъ такой же сѣровой черепицы и узкія, длинные окна.

Если направиться отъ собора къ Курѣ, то встрѣтимъ ту достопримѣчательность Тифлиса, о которой ни одинъ путешественникъ, посѣщавшій этотъ полуазіатскій городъ, не пропустилъ сказать нѣсколько словъ и не только сказать, но и дойти въ своемъ описаніи чуть не до восторга. Это — бани.

Слава о нихъ гремитъ чуть не на цѣлый свѣтъ. Пушкинъ про нихъ выразился, что онъ отъ роду не встрѣчалъ нигдѣ, ни въ Россіи, ни въ Турціи, ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Но я лично совсѣмъ не раздѣляю этого взгляда; онѣ далеко не удовлетворили моихъ ожиданій. Во первыхъ, никакой роскоши въ нихъ не встрѣтите; во вторыхъ, вы не найдете въ нихъ даже и удобствъ, а въ третьихъ, онѣ вовсе не похожи на то, что русскій человѣкъ разумѣетъ подѣ словомъ «баня». Это просто горячія ванны изъ сѣрной воды, послѣ принятія которыхъ если вы не простудились, то считайте это чудомъ. «Бани» эти каменные. Отдѣльные номера въ нихъ состоятъ изъ двухъ комнатъ; въ первой раздѣваются, во второй моются. Въ этой послѣдней находятся два водоема, въ которые съ шумомъ льются непрерывныя струи горячей воды отъ 30 градусовъ и выше. Потолокъ устроенъ въ видѣ купола съ круглымъ или квадратнымъ отверстіемъ, черезъ которое получается освѣщеніе. Полъ также каменный.

Едва вы вошли въ эту вторую комнату, какъ васъ охватываетъ густой паръ, сильно отзывающійся сѣрой; падающая въ бассейны вода оглушаетъ своимъ шумомъ, который, вслѣдствіе большого резонанса, чему способствуетъ устройство стѣнъ и потолка, скоро дѣлается невыносимымъ. Если вы вдвоемъ, то вамъ надо кричать — иначе разговора не слышно.

Способъ мыться въ этихъ «банныхъ» совсѣмъ иной, чѣмъ въ баняхъ русскихъ. Здѣсь нѣтъ того, что называютъ «полкомъ»; здѣсь нельзя «париться» — нѣтъ ни той высокой температуры, которая обыкновенно для этого требуется, ни вѣника, какъ необходимаго орудія для этой операціи. Вмеѣсто

всего вамъ предлагаютъ влѣзть въ тотъ или другой бассейнъ. Горячая вода ихъ скоро распариваетъ тѣло. Вы испытываете, правда, пріятное ощущеніе, но скоро у васъ появляется слабость, и вы въ изнеможеніи отдаетесь тогда въ руки «тёрщика», который укладываетъ васъ на лавку и съ наслажденіемъ принимается за свое искусство. Онъ начинаетъ вамъ расправлять члены, не позабудетъ ни одного сустава, начнетъ васъ давить, жать, мять, тискать и потомъ задастъ изрядную выпляску на вашей спинѣ. Когда онъ достаточно васъ наломаетъ и натретъ вамъ бока и спину, онъ начинаетъ водить шерстяной рукавицей по вашему тѣлу, оканчиваетъ горячей водой и въ заключеніе беретъ полотняный мѣшочекъ съ мыломъ, надуваетъ его и выпускаетъ изъ него пѣну, теплую и бѣлую, какъ молоко, легкую и текучую, какъ воздухъ, которая обдаетъ васъ съ головы до ногъ. Затѣмъ вы снова спускаетесь въ ванну и черезъ двѣ-три минуты выходите въ первую комнату — процессъ вашего обмыванія конченъ. Но соблюдайте большую осторожность послѣ принятія такихъ горячихъ ваннъ — малѣйшая простуда, и вы можете схватить жестокую болѣзнь.

Обстановка номеровъ по большей части грязная; диванъ и подушка, на которые васъ, усталаго, невольно тянетъ лечь послѣ испытанной вами операциі, весьма подозрительнаго качества. Если притомъ принять во вниманіе, что горячая вода этихъ «банъ» натуральная и не требуетъ для своего подогреванія дровъ, весьма дорогихъ въ Тифлисѣ, то рѣшительно станетъ непонятнымъ, почему такіе номера стоятъ рубль въ часъ? Въ каждомъ большомъ городѣ за такую цѣну всегда

можно имѣть номеръ съ обстановкой, гораздо лучшей, чѣмъ въ этихъ пресловутыхъ баняхъ, и съ удобствами, гораздо бѣльшими.

Вся слава этихъ «бань» основана на сѣрной водѣ, проведенной въ нихъ. Составилось даже убѣжденіе, что если бы не было этихъ горячихъ минеральныхъ источниковъ, то никогда бы безжизненная Тифлисская котловина не привлекла къ себѣ такого многолюдного населенія, какое сосредоточилось въ ней теперь, и никогда бы, вѣроятно, основатель Тифлиса, Вахтангъ Гургасланъ, царствовавшій въ Грузіи во второй половинѣ V вѣка, не избралъ для построенія этого города такую пустынную мѣстность. Такимъ образомъ, теплые ключи—вотъ источникъ жизни Тифлиса, причина его рожденія. Имъ онъ обязанъ не только происхожденіемъ, но даже и названіемъ своимъ: «Тифлисъ»—слово измѣненное отъ Тбилиси (какъ городъ назывался прежде), а Тбилиси происходитъ отъ грузинскаго слова «тбили», что значитъ — теплый. Въ другихъ странахъ города, извѣстные горячими источниками, носятъ подобное же названіе, напр. Теплицъ въ Богеміи, Tibilis въ древней Нумидіи и проч.

Конечно, строго говоря, Тифлисъ росъ и поддерживался не одними только минеральными ключами. Онъ важенъ, какъ административный центръ, чрезвычайно удобно расположенный, и также, какъ пунктъ торговый: здѣсь издавна Европа и Азія мѣнялись своими произведеніями. Такимъ образомъ мы должны на него смотрѣть, какъ на перепутье въ транзитной торговлѣ; въ этомъ и состояла всегда важность его положенія; въ этомъ и заключалась также главная причина того

обширнаго промышленнаго развитія вообще Кавказскаго перешейка, какъ соединительнаго моста между двумя частями свѣта, — развитія, слѣды котораго и понынѣ бросаются въ глаза среди заглушенныхъ лѣсовъ и сожженныхъ равнинъ.

Что касается внутренней жизни Тифлиса, то я позволяю себѣ въ этомъ случаѣ воспользоваться характеристикой, набросанной однимъ изъ его обитателей, болѣе меня имѣвшимъ возможность узнать свѣтлыя и темныя стороны столицы Кавказа. Вотъ что онъ сообщаетъ:

«Тифлисъ, подобно Янусу, имѣетъ два лица: одно старое, другое молодое. На первомъ вы видите слѣды Азіи, этой колыбели человѣчества, съ ея застоємъ, традиціею и остановившеюся въ извѣстныхъ предѣлахъ культурой; оно смотритъ назадъ, въ давно прошедшее, гдѣ кроется корень всѣхъ его идеаловъ и завѣтныхъ мечтаній. Второе лицо — прямой контрастъ съ первымъ и по энергіи, и по типическимъ особенностямъ; въ немъ отражается Европа съ ея прогрессомъ и всеобъемлющею цивилизаціей».

«И не смотря на столь близкое, не со вчерашняго дня, сосѣдство своей молодой соперницы, старая Азія пока еще крѣпко держится своихъ привычекъ, не желая отрѣшиться отъ выработаннаго ею когда-то міросозерцанія. Не будемъ однако же опрометчивы въ своихъ приговорахъ надъ нею: то, что вкоренялось вѣками, не можетъ быть изглажено въ какіе-нибудь десятки лѣтъ; притомъ, и въ старомъ образѣ жизни не все безусловно заслуживаетъ порицанія. Простота, дохо-

дящая до наивнаго, честность намѣреній, привязанность ко всему родному — не такія свойства, которыя могли бы вызвать чье-либо осужденіе».

«Если за что приходится серьезно посѣтовать на Тифлисъ въ лицѣ коренныхъ его обитателей, такъ это за то, что онѣ, уступая шагъ за шагомъ вліянію новаго строя жизни, безъ труда перенялъ только внѣшность, оставаясь при старыхъ убѣжденіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ новыми началами. Это отразилось въ особенности на большинствѣ женщинъ не только высшаго, но и средняго и низшаго слоя. Онѣ не хотятъ отстать отъ современной моды, наряжаются въ бархатъ, шелкъ и кружева, но и во французскихъ ботинкахъ и перчаткахъ туземка не задумается отправиться къ какой-нибудь гадалщицѣ, чтобъ узнать изъ ея вѣщихъ устъ, отчего захворалъ ея ребенокъ, здоровъ ли уѣхавшій далеко мужъ, пойдетъ ли на ладъ затѣянное имъ дѣло, что значитъ видѣнный ею сонъ и т. п. Она не прочь вѣрить тому, что земной шаръ стоитъ на хвостѣ какой-то чудовищной рыбы и что землетрясенія бывають оттого, что послѣдняя шевелитъ хвостомъ, что противъ дурнаго глаза и отъ испуга лучше всего помогаютъ заговоры и нашептыванія, или что въ такомъ-то мѣсяцѣ, такого-то числа непременно долженъ быть потопъ; сообщая послѣднюю новость, обыкновенно прибавляютъ: «Армяне на дняхъ, говорятъ, раскрыли *книгу* и вычитали это». Туземка задаетъ иногда и вечера, созывая на нихъ исключительно своихъ подругъ, но какъ проводятся эти вечера? Все время посвящено игрѣ въ лото, да безсодержательной болтовнѣ и пересудамъ. Въ воспитаніи дѣтей понятія туземки дальше

кормленія грудью не идутъ: она думаетъ, что, исполнивъ этотъ долгъ свой, она выполнила весь долгъ матери; она не столько заботится о хозяйствѣ, сколько о томъ, чтобы не отстать, во что бы то ни стало, отъ сверстницъ въ нарядахъ и разныхъ мелочахъ».

«Въ жизни тифлисской женщины не малую роль играютъ посѣщенія церквей по обѣту, иногда совершаемыя по ночамъ всей семьей. Чаше другихъ посѣщаются Сіонскій соборъ и церковь св. Давида».

«Не-прекрасная половина тифлисского населенія изъ туземцевъ, разумѣя подъ этимъ преимущественно торговое и ремесленное сословія, отличается такою же любовью къ праздникамъ и увеселеніямъ, какъ и прекрасный полъ. Съ наступленіемъ весны, недѣлю спустя послѣ Пасхи, начинается въ Тифлисѣ рядъ загородныхъ гуляній. Веселыя компаніи располагаются на какой-нибудь уединенной лужайкѣ въ саду, или подъ тѣнью распускающихся виноградныхъ лозъ. Тутъ-то начинается попойка, доходящая до гомерическихъ размѣровъ по количеству выпиваемого вина. Компанію воодушевляетъ, съ одной стороны, неумолимый толибашъ, предлагающій съ полною чашей въ рукахъ тосты, отъ которыхъ собесѣдники не могутъ отказаться; съ другой — пѣвецъ, подъ звуки туземнаго шумнаго оркестра, воспѣвающій утро, ночь, луну, черныя очи, вино и какую-нибудь красавицу. То здѣсь, то тамъ, то въ одномъ, то въ другомъ кружкѣ раздаются: «Ахъ, ты утро, мое утро!» — «Ахъ, луна, луна!» — «Ахъ, ты ночь, пошли отраду мнѣ!»

«И не одну ночь, не одно утро, даже не одинъ мѣсяцъ прогуливаетъ тифлисецъ въ этомъ бесполезномъ аханьѣ».

Что касается красоты женскаго типа, то она давно вошла въ славу. «Ничего нѣтъ прелестнѣе грузинскихъ женщинъ», говоритъ одинъ писатель; «на нихъ нельзя смотрѣть безъ удивленія. Трудно себѣ представить черты лица болѣе правильныя, станъ стройнѣе, больше граціи въ походкѣ, нежели у грузинки. Эту землю (Грузію) можно по справедливости назвать обиталищемъ красоты. Говорятъ, что дивная красота здѣшнихъ женщинъ помѣшала Магомету придти сюда. Эти прекрасныя грузинки какъ-будто созданы для того, чтобы влюбляться и заражать любовью другихъ».

Позднѣйшіе преемники Магомета — турецкіе султаны и персидскіе шахи, какъ-бы желая поправить упущеніе со стороны своего пророка, вполне оцѣнили красоту грузинокъ и стали пополнять ими свои гаремы. И русскіе, и иностранные поэты также восхищены этой красотой и воспѣли ее во многихъ своихъ произведеніяхъ. О Пушкинѣ и Лермонтовѣ нечего и говорить. Послѣдній въ своемъ «Демонѣ» идеализировалъ грузинку въ лицѣ Тамары и, между прочимъ, набросалъ чудную картину мѣстнаго танца:

То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится.... глядитъ...
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка.

Однако-жъ, по моему мнѣнію, красота грузинокъ слишкомъ идеализирована. Въ дѣйствительности онѣ не такъ хороши,

какъ про нихъ говорятъ. Дѣвушки, правда, по большей части хорошенькія. Онѣ граціозны, живы, веселы... Истинную красоту ихъ смуглаго и правильнаго лица составляютъ глаза — дивные глаза! Но не такова женщина-грузинка. Раннее замужество, жаркій климатъ, семейныя заботы старятъ ее чрезвычайно скоро. Лицо ея осунулось, покрылось желтизной, глаза потеряли блескъ, а въ движеніяхъ исчезла всякая грація. Въ довершеніе всего женщинъ много портитъ ихъ костюмъ — безобразный костюмъ. Длинная косынка и шапочка закрываютъ у нихъ всю голову; такимъ образомъ густые, черные волосы, составляющіе настоящее украшеніе каждой европейской женщины, которымъ она умѣетъ пользоваться, чтобы составить изъ нихъ изящную куафюру — у грузинокъ пропадаютъ напрасно: они или скрыты, или, что чаще всего, спускаются по обѣимъ сторонамъ лица крайне некрасивыми локонами, ниспадающими, точно еврейскіе пейсы. Платья ихъ — подражанье европейскимъ — сидятъ мѣшкомъ и не обнаруживаютъ ни таліи, ни бюста. Я не говорю ужъ о старухахъ; онѣ положительно уроды — «вѣдьмы», какъ выразился Пушкинъ.

Для образованія женщины Тифлисъ имѣетъ нѣсколько учебныхъ заведеній, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ: институтъ, гимназія, прогимназія и училище св. Нины. Основанныя сравнительно въ недавнее время, они не могли оказать существеннаго вліянія на массу, коснѣющую и донинѣ въ невѣжествѣ и опутанную тьмою предрасудковъ. Но въ будущемъ, безъ сомнѣнія, ихъ цивилизаторская миссія принесетъ должные плоды.

Изъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній Тифлисъ имѣетъ одну классическую гимназію, одну прогимназію и одно реальное училище.

По общимъ отзывамъ, грузинское племя чрезвычайно способно и воспріимчиво къ ученію. Можно надѣяться, что научное знаніе найдетъ въ его средѣ плодотворную почву. Между грузинами и теперь уже много есть студентовъ, получающихъ образованіе въ русскихъ университетахъ, и не только студентовъ, но и ученыхъ, съ любовью занимающихся изученіемъ своего края. На грузинскомъ языкѣ въ настоящее время выходитъ въ Тифлисъ три періодическихъ изданія: журналъ «Иверія», выходящій три раза въ годъ, подъ редакціей князя Чавчавадзе; журналъ «Обозрѣніе» (ежемѣсячный) и ежедневная газета «Дроэба» (Время).

Изъ общаго числа жителей Тифлиса (104000 человекъ обоого пола) на долю грузинъ приходится 22 тысячи.

Всего болѣе въ Тифлисъ армянъ — около 38 тысячъ. Между армянами образованность также сильно распространяется. Эта національность насчитываетъ въ настоящее время довольно изрядное количество ученыхъ именъ, изъ которыхъ особенно выдается имя Иоселіани, извѣстнаго знатока армянскихъ древностей.

На армянскомъ языкѣ выходитъ въ Тифлисъ четыре періодическихъ изданія — три газеты: «Мшакъ» (Работникъ), «Мегу Айастані» (Пчела Арменіи) и «Псакъ» (Вѣнокъ) и одинъ журналъ «Пордзъ» (Опытъ).

Какъ центръ умственной жизни Кавказа, Тифлисъ сильно нуждается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Жажда обра-

зованія заставляеть нѣкоторыхъ искать себѣ умственной пищи вдали отъ родины — въ Москвѣ или Петербургѣ. Но понятное дѣло, это далеко не всякому подѣ силу, и большинство, вслѣдствіе матерьяльнаго недостатка, поневолѣ должно отказываться отъ своихъ желаній продолжать то скудное образованіе, которое имъ даютъ мѣстные школы. Поэтому весьма желательно, чтобы какъ можно скорѣе осуществилась мысль, высказанная на послѣднемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ (въ сентябрѣ нынѣшняго года), объ основаніи въ этомъ городѣ университета.

Особенно чувствуется недостатокъ въ реальныхъ знаніяхъ. Это, разумѣется, весьма невыгодно отзывается на краѣ. Богатства этой чудной страны, щедро надѣленной всѣмъ отъ природы, остаются доселѣ не только необработанными, но даже, въ большинствѣ случаевъ, неизвѣданными. Что же удивительнаго, послѣ этого, если во многомъ намъ приходится обращаться къ помощи иностранцевъ, которые, являясь въ эту страну, еще ждущую своего изслѣдователя, только эксплуатируютъ ее на свою пользу. Жалости, напримѣръ, достойно смотрѣть, какъ могучіе и великолѣпные кавказскіе лѣса истребляются одной французской компаніей, которая, ради вывоза за границу драгоцѣннаго наплыва, валить лѣса цѣлыми участками.

Въ Тифлисѣ, правда, существуетъ нѣсколько Обществъ, каковы: Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Общество Сельскаго Хозяйства, Общество любителей Кавказской Археологіи, Отдѣленіе Техническаго Общества и нѣкоторыя другія, которыя поставили себѣ

задачей изслѣдованіе Кавказской природы, промышленности и населенія, но дѣятельность ихъ весьма скромна, чтобы не сказать больше. Очень можетъ быть, что болѣе широкой и болѣе плодотворной ихъ дѣятельности мѣшаетъ недостатокъ денежныхъ средствъ, какъ я слышалъ — судить не берусь.

Нарисовать полную картину общественной жизни Тифлиса я не могу, уже по той простой причинѣ, что мнѣ довелось посѣтить этотъ городъ въ самый жаркій въ году мѣсяцъ — въ іюлѣ, когда все, что можетъ, бѣжитъ изъ Тифлиса и спасается отъ жары въ разныхъ благословенныхъ уголкахъ Кавказа. Притомъ, по обстоятельствамъ, я не могъ прожить долго въ Тифлисѣ. Да я думаю, что читатель на меня за это и не особенно посѣтуетъ — цѣль моя совсѣмъ иная; я хочу только представить нѣсколько картинокъ Кавказской природы. А Тифлисъ для этого не особенно благопріятное мѣсто. Поэтому впередъ, впередъ! Я поведу васъ теперь въ другія мѣста, гдѣ благоуханье лѣсовъ, гдѣ роскошь растительнаго царства наполняютъ васъ восторгомъ и прельщаютъ своей необычайной силой, несвойственной русскому сѣверу — тамъ чудная природа, напоминающая тропики!

V.

Отъ Тифлиса до Поти. — Боржомъ и Боржомское ущелье. — Сурамскій переваль. — Долина р. Ріона. — Растительное царство. — Обитатели Мингреліи и Имеретіи. — Кутансъ. — Поти.

Измученный тифлисскими жарами и вдоволь наглотавшись тифлисской пыли, я спѣшилъ выѣхать изъ этого непривѣтливаго города и направился на западъ — въ страну, гдѣ, по преданью, аргонавты добывали золотое руно. Тамъ, на мѣстѣ древней Колхиды, простираются теперь благословенныя страны: Мингрелія и Имеретія, поражающія cadaго путешественника богатствомъ своей тропической растительности. Край этотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ соединенъ съ Тифлисомъ желѣзной дорогой, значительно облегчающей посѣщеніе этой мѣстности, которая составляетъ одинъ изъ самыхъ дальнихъ уголковъ нашей обширной матушки-Россіи.

Но прежде чѣмъ вступить въ него, я рѣшилъ сдѣлать маленькую экскурсію — посѣтить Боржомъ, гдѣ тифлисская аристократія обыкновенно проводитъ лѣтніе мѣсяцы.

Путь въ Боржомъ лежитъ сначала по желѣзной дорогѣ — до Михайловской станціи, отстоящей отъ Тифлиса на 112 верстѣ, а потомъ по шоссе, на протяженіи 27 верстѣ.

Сперва, верстъ семь или восемь, шоссейная дорога идетъ равниной, окаймленной вдали горами, а затѣмъ она вводитъ въ дивное Боржомское ущелье, изъ котораго съ шумомъ вырывается Кура.

Какъ описать это ущелье? Что сказать объ его волнообразныхъ склонахъ, сплошь закутанныхъ въ самую яркую и густую зелень лиственныхъ и хвойныхъ лѣсовъ и цвѣтистыхъ кустарниковъ, перевитыхъ плющемъ и виноградомъ? Гдѣ найти выраженія, чтобы передать благоуханье растеній, пріятный ропотъ звонкой Куры, весело шевелящейся у самой дороги въ своемъ каменномъ ложѣ, и все очарованіе, которымъ невольно проникаешься при видѣ волшебной панорамы? Ёдешь и не вѣришь глазамъ — сонъ это или наяву? Слова не выжуются, сердце трепещетъ восторгомъ и невольно вырываются одни только восклицанія и удивленія. Зеленъ — роскошь, виды — богатство, воздухъ — бальзамъ; его надо пить, глотать; онъ льется, какъ живительная струя, въ жаждущую грудь, укрѣпляя и освѣжая ее.

Ущелье постоянно дѣлаетъ зигзаги и каждый разъ открываетъ богатѣйшія картины. Здѣсь мѣста нѣтъ ужасу, здѣсь не подавляютъ своимъ величіемъ горные великаны, увѣнчанные тамъ и сямъ развалинами старинныхъ замковъ и укрѣпленій, свидѣтелей глубокой старины и человѣческой вражды и переселеній. Здѣсь все ласково, все тѣшитъ взоры; здѣсь не бросишь укора Курѣ, зачѣмъ она такая мутная и грязная; она весела тутъ и рѣзва и, струясь у самыхъ ногъ, какъ-бы смѣется и лепечетъ: «Здравствуйте, здравствуйте! а мнѣ некогда, мнѣ спѣшить надо!» И вы очарованные всѣмъ

окружающимъ, невольно провожаете ея рѣзвыя волны восторженной улыбкой.

Такъ любясь и наслаждаясь роскошною природой, я не замѣтилъ вначалѣ, какъ стало темнѣть. Еще 15—20 минутъ, и наступилъ почти полный мракъ. Горы постепенно въ немъ скрывались, очертанія склоновъ ступеньвались, панорама исчезала и только слышался говоръ Куры, да небо миллионами огней сверкало въ вышинѣ.

Но что за дивное зрѣлище представилось вдругъ кругомъ меня! Какъ ребенокъ, я забавлялся имъ, очарованный и изумленный. Вокругъ меня десятки яркихъ огоньковъ забѣгали изъ куста въ кустъ, перелетали дорогу, вились около меня, мелькая, какъ маленькія звѣздочки. Это свѣтящіяся жучки — ночные воздушные обитатели здѣшнихъ поэтическихъ мѣстъ. Картина была прелестная! Развлекаемый ими, я незамѣтно добрался до Боржома, гдѣ, остановившись въ первой попавшейся гостинницѣ, скоро заснулъ благодатнымъ сномъ, убаюканный громкимъ шопотомъ Куры, протекавшей у самаго балкона.

На другое утро, когда я раскрылъ двери балкона, я былъ восхищенъ величественнымъ видомъ: прямо передо мною журчала Кура въ голубомъ нарядѣ, отражавшемъ лазурь небесъ, а за нею, на противоположномъ гористомъ берегу, раскинулся игрушечный городокъ. Свѣженькіе, новенькіе, точно «съ иголочки» домики разбросались отдѣльно или небольшими группами тамъ и сямъ, спрятались на дно ущелья, взобрались на верхушки горныхъ куполовъ, или пріютились на ихъ склонахъ, и все это потонуло въ зелени лѣсовъ и садовъ. Огромный

тѣнистый паркѣ, болѣе версты длиною, тянется въ глубину одного изъ боковыхъ ущелій, къ самому подножью горныхъ высотъ, которыя стѣняются до того, что едва даютъ мѣсто маленькой рѣчкѣ Боржомкѣ, бѣшено и шумно скачущей по обточеннымъ ею камнямъ. Тутъ же въ паркѣ находятся разные минеральные источники, собирающіе около себя въ опредѣленные часы немногочисленную группу больныхъ, пріѣзжающихъ сюда искать исцѣленія отъ страданій печени, желудка и проч.

Странное дѣло! Рѣдко гдѣ-нибудь можно найти такой чудный уголокъ, столь здоровый по климату, столь пріятный для прогулокъ, и по красотамъ природы, съ богатѣйшими горными видами, съ вѣчною живительной прохладой, такъ цѣнимою при тягостныхъ кавказскихъ жарахъ, съ прекраснѣйшими минеральными ключами, цѣлебность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію — уголокъ, въ которомъ природа сочела всѣ свои богатства, ласкающія зрѣніе: и воду, въ видѣ большой рѣки, ключей и шумныхъ водопадовъ, и разнообразную растительность, манящую подъ свою тѣнь въ полдневный зной, и самыхъ прихотливыхъ формъ горныя возвышенія, которыя, то острыми утесами, или мохнатыми шапками, то глубокими падами и темными ущельями спускаются къ рѣкѣ — а между тѣмъ этотъ дивный уголокъ остается почти безвѣстнымъ и пустыннымъ. Постоянное населеніе его ничтожно; онъ оживляется только лѣтомъ, когда найдетъ изъ Тифлиса нѣсколько баръ, не столько для лѣченія водами, сколько для спасенія отъ мучительныхъ жаровъ. Да и пить не нужно этихъ водъ; достаточно глотать одинъ воздухъ — этотъ чи-

стый бальзамъ, самъ по себѣ уже цѣлебный. Пройдитесь по парку, посидите на его уединенныхъ скамейкахъ и вы наперечетъ въ нѣсколько часовъ будете знать всѣхъ, пріѣхавшихъ въ Боржомъ — такъ немногочисленна здѣсь публика. Чѣмъ же объясняется такая мертвенность этого рая земли? Я думаю, единственно только его отдаленностью отъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, не угодно ли вамъ употребить цѣлую недѣлю безостановочнаго странствованія, напр. хоть изъ сердца нашей родины, чтобы только добраться до этого очаровательнаго мѣстечка — махнешь рукой и на его красоты, и на цѣлебность его водъ и воздуха. Вотъ эта-то отдаленность, также неисправность нашихъ путей сообщенія и отсутствіе настоящаго комфорта сильно вредятъ оживленію многихъ прекрасныхъ мѣстностей Кавказа, съ которыми рѣдкое мѣсто въ Западной Европѣ можетъ соперничать по красотѣ природы. А между тѣмъ туда, въ эту пресловутую заграницу, предметъ нашей мечты и зависти чуть не съ пеленокъ, каждый годъ стремятся тысячи русскихъ людей и опоражниваютъ тамъ свои карманы.

Въ Боржомѣ есть дворецъ Великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго Намѣстника Кавказскаго. Дворецъ этотъ, выстроенный изъ дерева въ мавританскомъ стилѣ, расположенъ на одной изъ возвышенностей лѣваго берега Куры. Онъ выкрашенъ въ шоколадный цвѣтъ и производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своими балконами и галлереями, фронтонами и колоннами, способными удовлетворить по красотѣ работы самый изысканный вкусъ. Передъ дворцомъ, обращеннымъ къ югу, разбитъ изящный цвѣтникъ, съ фонтаномъ по срединѣ.

Масса великолѣпныхъ цвѣтовъ и тропическихъ растеній, растущихъ на вольномъ воздухѣ, поражаютъ обиліемъ видовъ и красотой рисунковъ, въ которые они соединены. Дворецъ стоитъ въ глубинѣ парка, который занимаетъ огромное пространство и стелется по горному склону, испещренному извилистыми дорожками и легкими мостиками черезъ несущіеся внизъ къ Курѣ каскады. За дворцомъ влѣво на возвышенности стоитъ крестъ надъ могилою воиновъ имени Его Высочества стрѣлковаго батальона, убитыхъ въ минувшую Турецкую войну. Видъ отсюда на Боржомъ восхитительный, не поддающійся описанію.

Впервые Боржомъ обратилъ на себя вниманіе еще при генералѣ Головинѣ, въ сороковыхъ годахъ; много поднялся при знаменитомъ князѣ Воронцовѣ, но постоянную лѣтней резиденціей Намѣстника Кавказскаго сдѣлался только съ 1865 года.

Красота Боржомскаго ущелья сманила меня проѣхать дальше, къ Абасъ-Туману, съ тѣмъ, чтобы оттуда черезъ высокій Декарскій перевалъ пробраться на Кутаисъ. Но, къ сожалѣнію, я не достигъ предполагаемой цѣли этимъ путемъ, чрезвычайно, говорятъ, интереснымъ и поэтичнымъ. Въ Ахалцихѣ меня положительно запугали опасностью дороги, на которой, будто бы, часто бывають грабежи и даже убійства; такъ что я принужденъ былъ возвращаться обратно.

За Боржомомъ ущелье вначалѣ такъ же красиво, какъ и передъ этимъ мѣстечкомъ. Дорога идетъ лѣвымъ берегомъ Куры, въ тѣсномъ ущельѣ, къ которому съ обѣихъ сторонъ

круто спускаются горные склоны, сплошь закутанные хвойными лѣсами. Тамъ и сямъ, на обрывистыхъ скалахъ, дикихъ и обнаженныхъ, то у самой дороги, то нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, высятся полуразвалившіяся стѣны когда-то, быть можетъ, грозныхъ укрѣпленій или просто разбойничьихъ замковъ. Изрѣдка, за станціей «Страшный окопъ», построенной на мѣстѣ прежней русско-турецкой границы, попадаются турецкія деревушки. По дорогѣ иногда встрѣчаются турчанки, старательно прячущія свои лица отъ взгляда проѣзжающаго путника. Но вообще жизни мало — точно она исчезла куда-то, испугалась русскаго пришельца.

За Ацхуромъ Боржомское ущелье кончается. Горы отодвигаются и образовавшаяся оттого между ними широкая долина во многихъ мѣстахъ воздѣлана и зеленѣетъ плантаціями кукурузы. Мѣстность дѣлается менѣе красивой, а по мѣрѣ приближенія къ Ахалциху принимаетъ пустынный, обнаженный характеръ. Южное солнце здѣсь спалило землю, лишило ее зеленаго убранства и самый воздухъ такъ накалило своими жгучими лучами, что онъ не освѣжаетъ, не облегчаетъ жара, неподвижно висящаго надъ котловиной, но какъ-то томить своимъ горячимъ дыханьемъ.

Ахалцихъ расположенъ на правомъ берегу Куры. Напротивъ него, черезъ рѣку, на крутой возвышенности, воздвигнуто сильное укрѣпленіе. Городъ носитъ военный характеръ; туземное населеніе преимущественно армянское и турецкое.

Когда мое намѣреніе пробраться Декарскимъ переваломъ черезъ Аджарскій хребетъ въ Кутаисъ не удалось, тогда я

поѣхалъ обратно въ Боржомъ и, насладившись снова его живописными видами, ущельемъ его добрался до Михайловской станціи, гдѣ сѣлъ въ вагонъ Поті-Тифлисской желѣзной дороги, домчавшей меня скоро до знаменитаго Сурамскаго перевала.

Сурамъ — мѣстечко у подножія Вахтангскихъ горъ. За нимъ, по ту сторону хребта, совсѣмъ другая природа, другіе люди, другая жизнь. Здѣсь — еще Грузія; мѣстность почти безлѣсная, слегка холмистая и вовсе неинтересная для туриста, ищущаго красивыхъ пейзажей. Тамъ особый край, съ громадными горными цѣпами, съ тропической растительностью, съ могучею рѣкой, несущей свои желтыя волны среди обширнѣйшей долины; тамъ иное населеніе съ иными нравами и типическими особенностями. И не удивительно! Тотъ край, составляющій бассейнъ рѣки Ріона, со всѣхъ сторонъ отдѣленъ отъ остальнаго міра или бурнымъ моремъ, или высокими горными стѣнами. Къ югу отъ него простирается Аджарская цѣпь; на сѣверѣ — главный хребетъ Кавказскій съ своимъ могучимъ Эльбурсомъ, а на востокъ — Вахтангскія горы, имѣющія меридіональное направленіе и соединяющія такимъ образомъ Кавказскую главную цѣпь съ высотами Малаго Кавказа. Въ одну сторону только открыть этотъ край, заключающій въ себѣ Мингрелію и Имеретію, это — къ западу. Тамъ, низко опускаясь къ поверхности Чернаго моря, онъ обильно принимаетъ его испаренія, осаждастъ ихъ на своихъ предѣлахъ — на окружающихъ горахъ — и, не имѣя достаточнаго уклона къ морю, не даетъ выпавшимъ водамъ стекать, черезъ что образуются огромныя боло-

та, заражающія воздухъ губительной маляріей. Воздушные токи, направляющіеся съ запада, разбиваются о горныя преграды и разражаются надъ долиной такими обильными дождями, что количество влаги, выпадающей здѣсь за годъ, измѣряется въ 62 дюйма, какъ нигдѣ въ Россіи и какъ рѣдко гдѣ въ Европѣ.

Но если съ одной стороны это обиліе испареній дѣлаетъ здѣшній климатъ не совсѣмъ здоровымъ, особенно дурно вліяющимъ на пріѣзжихъ, за то съ другой стороны оно, при жаркомъ климатѣ, развиваетъ такую могучую растительность, какую нельзя встрѣтить ни въ одной русской мѣстности. Вся долина Ріона представляетъ какъ-бы одинъ сплошной садъ или густѣйшій лѣсъ, черезъ который нельзя проникнуть безъ помощи топора. Громадныя древесныя породы, достигающія здѣсь невѣроятныхъ размѣровъ, сверху до низу обвиты и спутаны разнообразными ползучими растеніями, которыя своими зелеными прядями перекидываются съ одного дерева на другое. Сила этихъ вьющихся растеній такова, что каждая заброшенная, даже каменная, постройка въ нѣсколько лѣтъ наглухо окутывается ими, словно зеленой броней.

Чтобы имѣть понятіе, какъ могуча и разнообразна здѣшняя растительность, стоитъ только заглянуть въ садъ въ Зугдидахъ, гдѣ ярко-лиственныя магноліи и маслины растутъ рядомъ съ хвойными деревьями или огромными каштанами, буками и лаврами, убранными снизу чужезадной, темнозеленой одеждой дикаго плюща. Пестрыя бигноніи и вѣчнозеленные кустарники, роскошныя павлоніи и цѣлыя семьи тропическихъ цвѣтовъ и растительныхъ видовъ чередуются въ изящномъ

безпорядкѣ. Вся эта полнота растеній со всею роскошью ихъ красокъ и тѣней раскрываетъ передъ нашими взорами такое разнообразіе формъ, такое богатство жизни, которыя наполняютъ душу наблюдателя удивленіемъ и восторгомъ. Вообще въ этой благословенной странѣ, гдѣ плодородная почва чуть не подъ отвѣсными лучами солнца напитывается обильными дождевыми ливнями, растительная жизнь развивается до удивительной красоты.

Между тѣмъ какъ въ нашихъ русскихъ лѣсахъ одинаковый ростъ деревьевъ производитъ иногда нѣкоторое однообразіе, здѣсь въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ великое множество различныхъ растительныхъ семействъ, даже на небольшомъ пространствѣ, стремится наперерывъ своими вершинами привѣтствовать ослѣпительный свѣтъ солнца.

Здѣсь пирамидальные тополи высокими, стройными стволами вздымаются къ небу надъ низкими массами листвы, тамъ древесныя кроны чинара и орѣха или другихъ исполиновъ растительнаго царства образуютъ возвышенные куполы, лиственные своды которыхъ походятъ на рядъ зеленыхъ холмовъ.

Большія лѣсныя пространства соединены различными вьющимися растеніями въ одну огромную сѣть. Колоссальныя нити хмѣля, гигантскія лозы винограда, щеголяющія великолѣпными янтарными или лиловыми гроздьями, прелестныя темныя пасмы плюща и даже тропическія ліаны — все это представляетъ роскошныя висячіе сады и своимъ удивительнымъ изумруднымъ нарядомъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе изумленныхъ глазъ. Всѣ эти вьющіяся породы обвиваются вокругъ деревьевъ отъ самаго корня до вершины, гдѣ онѣ

на волѣ купаются въ солнечномъ сіяніи, или, спиралью обматывая вѣтви, свѣшиваются съ нихъ внизъ красивыми гирляндами. Въ иныхъ мѣстахъ беспорядочная масса этихъ паразитовъ крѣпко опутываетъ древесные стволы и своими ужасными объятіями нерѣдко задушаетъ лѣсныхъ исполиновъ. Мертвые остовы ихъ, украшенные спиралевидными фантастическими формами, стоятъ тогда, словно печальныя тѣни минувшаго величія. Цѣлыя сѣти такихъ паразитовъ стелются иногда по землѣ, заволакивая огромныя пространства. Такъ въ одномъ мѣстѣ близъ Кутаиса мнѣ пришлось видѣть, какъ вырубленныя мѣста среди лѣсныхъ чащъ были сплошь покрыты непроницаемымъ покровомъ изъ плюща.

Разнообразіе, свойственное здѣшнимъ растительнымъ видамъ, переходитъ также и на листовныя формы. Тутъ красуются яркозеленыя, нѣжноперистыя листья; тамъ они темнаго цвѣта и округлены, или заострены въ формѣ меча и свѣшиваются въ видѣ богатаго убора. Иныя листовныя формы блещутъ полнотою сока и избыткомъ молодыхъ силъ, другія съѣжились и покрыты волосами, точно дряхлѣющіе старцы.

Когда воздушная струя повѣетъ на листву и задвижетъ нѣжнымъ волосянымъ покровомъ нижнихъ поверхностей листьевъ, то произойдетъ прелестная игра свѣта, и листъ то отольетъ серебромъ, то вспыхнетъ яркою зеленью, то покажетъ темный, мрачный цвѣтъ. Тамъ и сямъ волнующаяся зелень богатыхъ цвѣтовъ блеститъ, точно праздничный нарядъ.

Покровъ лѣсной почвы состоитъ изъ безчисленныхъ поколѣній отжившихъ растений. Нерѣдко на землѣ валяются полуразрушенныя исполинскіе стволы, и на развалинахъ ихъ за-

рождается новая разнообразная жизнь. Грибы и мхи покрывают эти растительные трупы и готовят мѣсто грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ, гдѣ огромныя деревья тѣсно сближаютъ свои кроны и препятствуютъ свободному доступу солнечныхъ лучей, тамъ влажная земля покрыта гнилью и поваленные бурей или старостью лѣсные гиганты быстро разрушаются въ своихъ тканяхъ; доставляя отличную пищу для новыхъ растительныхъ формъ, онѣ заражаютъ воздухъ своимъ гніеніемъ.

Въ дождливое время эти лѣса погружены въ тяжелый и грустный мракъ. Густой туманъ одѣваетъ исполиновъ юга; деревья дѣлаются влажными, и температура понижается до 12, даже до 10 град. по Реом. Густой и влажный лиственный сводъ производитъ непріятную полутѣнь, которая всѣ дивныя формы окутываетъ таинственнымъ покрываломъ. Свѣшанныя ліаны и виноградныя кисти движутся какъ-бы невидимыми руками, а сѣрые бородастые лишай, покрывающіе деревья, вмѣстѣ съ темными папортниками и мрачными подушками мха, еще болѣе увеличиваютъ мертвенный видъ исчезнувшихъ во мракъ формъ и переносятъ воображеніе наблюдателя въ міръ сказочныхъ привидѣній. Не видно ни одной птицы и ни одной бабочки; животныя безъ звука скрываются въ чащу, и только хрюканье кабана или жалобные стоны какого-нибудь лѣснаго четвероногого обитателя изрѣдка прерываютъ меланхолическую и таинственную тишину.

Особенно дѣлается страшно въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, когда темною ночью начинается бушевать буря. Вѣтви огромныхъ стволовъ ударяются тогда съ трескомъ одна о другую, древесныя кроны силою бури ломаются, какъ легкій трост-

никъ, и большіе плоды, срываясь сверху, стремглавъ летять на землю. Дождь льетъ потоками съ неба, сверкающая молніе на мгновенье прерываетъ тьму и страшные удары грома раздаются въ чащѣ лѣса. Завывающая буря вырываетъ съ корнемъ вѣковыя деревья и опрокидываетъ ихъ кучами на землю, вмѣстѣ съ чужеядными растеніями, крѣпко охватившими ихъ.

Но вотъ на дальнемъ востокѣ проглянула заря; мракъ ночи рѣдѣетъ все болѣе и болѣе; буря давно смолкла, и мертвая тишина царить среди великановъ лѣса. Взошедшее солнце освѣтило влажную зелень и яркіе лучи его разбилися алмазами въ дождевыхъ капляхъ, висящихъ на листьяхъ и стебляхъ. И снова все зацвѣло и зардѣлось, и снова воздухъ наполнился благоуханьемъ.

Вотъ каковы лѣса этого благословеннаго края! Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть ихъ въ полномъ разцвѣтѣ и въ полной красотѣ. Я посѣтилъ Ріонскую долину въ іюлѣ, когда лѣса ея, лишеныя цвѣточнаго наряда, стояли въ величавомъ безмолвіи, когда ни одинъ звукъ птицы не оглашалъ ихъ таинственной глубины. Но весной, въ апрѣлѣ и маѣ, говорятъ, они залиты цвѣтами и полны жизни. Милліоны соловьевъ перекликаются тогда въ этомъ роскошномъ и безконечномъ саду, стоящемъ въ праздничномъ уборѣ, и заглушаютъ своими чистыми и звонкими трелями пѣнье другихъ своихъ пернатыхъ товарищей. Особенно, говорятъ, поразителенъ бываетъ видъ весною на Ріонскую долину съ окружающихъ ея высотъ, напр. съ Декарскаго перевала. Снѣга, бѣлѣющіе подъ ногами, льды замерзшихъ горныхъ потоковъ,

всюду бѣлая одежда — и на вершинахъ, и на склонахъ горъ, а внизу — море красокъ: цвѣты самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ горятъ и блещутъ подъ солнечными лучами; жасминъ, роза, ирисъ, макъ, шиповникъ, барбарисъ, рододендръ, азалия, каприфолія соперничаютъ между собою въ красотѣ и яркости красокъ.

Но среди этой роскошной природы, щедрой до того, что земля не требуетъ ни малѣйшаго удобренія, а растенія — никакого ухода (стоитъ ихъ только воткнуть въ землю и они скоро изъ маленькаго стебля превращаются въ могучее дерево), среди всего этого богатства каковъ же обитатель этого края? Вѣрно полною рукою собираетъ онъ разсыпанные вокругъ себя дары природы и живетъ въ избыткѣ и довольствѣ? Но взгляните на него: на тѣлѣ единственная одежда — длинная рубаха, да и та полуизодрана, изодрана до того, что во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ античныя формы тѣла. Грудь открыта чуть не до пояса. Впрочемъ этотъ обычай — обнажать грудь — свойственъ всѣмъ, даже женщинамъ, и обусловливается здѣшнимъ жаркимъ вѣздухомъ. За то животъ туземнаго обитателя непремѣнно обмотанъ толстымъ платкомъ. Страшный жаръ развиваетъ здѣсь, конечно, сильную испарину, а между тѣмъ рѣзкіе вѣтры, дующіе по временамъ, быстро охлаждають тѣло и ведутъ почти неизбѣжно къ простудѣ. Теплый платокъ, охватывающій вмѣсто пояса тѣло, является въ этомъ случаѣ прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ.

Сверхъ этой нищенской рубахи, только въ ненастье, да въ холодъ надѣваетъ туземецъ какую-нибудь чуху или истасканную бурку. На головѣ его — лоскутокъ сукна или

тафты съ подкладкой, подвязанный подъ подбородкомъ. Изъ подъ этой легкой шапочки, имѣющей назначеніе прикрывать голову отъ палящихъ солнечныхъ лучей и называющейся «пананаки», густыми кудрявыми прядями разсыпаются черные, длинные волосы. Ноги всегда босы, и если зимою туземцу долго приходится иной разъ простоять почему-либо на холодѣ, онъ ни мало этимъ не стѣсняется; онъ, какъ гусь, поджмаетъ тогда одну ногу подъ себя, а другую ставитъ на землю, подкладывая клочекъ сѣна, который онъ для такихъ случаевъ всегда носить съ собою.

Какъ убога одежда здѣшнихъ обитателей — мингрельцевъ и имеретинъ — такъ же убого и ихъ жилище: маленькая сакля, кое-какъ сколоченная изъ досокъ — вотъ все ихъ хозяйство, которое они прячутъ въ тѣнь какого-нибудь гигантскаго чинара или орѣшника. Посреди сакли очагъ на полу; обрубокъ дерева для сидѣнья и доска вмѣсто стола служатъ мебелью. Посуда состоитъ изъ котла, двухъ-трехъ деревянныхъ чинаровыхъ чашекъ и глиняныхъ кувшиновъ. Такимъ образомъ мингрельцы живутъ отдѣльными хижинами. Большими деревнями имъ селиться въ Мингреліи было бы и невозможно безъ вырубки лѣсовъ, а они этого сдѣлать не въ состояніи, потому что едва владѣютъ топоромъ. Вотъ эта-то уединенная жизнь въ лѣсу и мѣшаетъ туземцу развиваться, держать его постоянно въ состояніи дикости. У мингрельца нѣтъ самыхъ элементарныхъ понятій о ремеслахъ; онъ едва умѣетъ вскопать клочекъ земли для гоми или кукурузы и едва въ состояніи сшить себѣ одежду. Но все же нужно отдать ему справедливость: онъ борется, насколько можетъ,

съ окружающей его природой — проникаетъ въ лѣсныя чащи, гдѣ стоитъ вѣчное болото, валить тутъ деревья и на разчищенномъ участкѣ сѣетъ себѣ рисъ.

Не смотря, однако-жь, на всю свою бѣдность, происходящую главнымъ образомъ отъ лѣни, мингрелецъ не унываетъ никогда. Не страданіе, не безотвѣтную покорность передъ тяготѣющей нуждой отражаетъ его лицо. Оно весело и безпечно, да и въ чемъ особенно нуждается это дитя природы? Вотъ прочтите слѣдующую сценку, описанную однимъ изслѣдователемъ Кавказа:

«Въ длинной, разнообразно роскошной лощинѣ, разрѣзанной вѣчно журчащими ручьями, вы видите мингрельца, идущаго на работу, или стрѣляющаго рыбу, видите группу мужчинъ и женщинъ, столпившихся вокругъ какой-нибудь танцорки, которая, держа въ одной рукѣ бубень, другою бьетъ въ него въ тактъ и съ чувствомъ; она рѣзвится, поетъ, пляшетъ, пляшетъ быстро, такъ что ея локоны и личакъ развѣваются отъ вѣтра. Какъ изумительно-быстра танцорка-дѣвушка въ своей лезгинкѣ, этого нельзя повѣрить своимъ глазамъ. Поднявъ руки съ платкомъ кверху, она, почти не касаясь земли, летаетъ предъ вами, какъ волшебная фея. Тутъ же съ боку стоитъ осанистый мингрелецъ съ чохою (родъ топора на длинномъ двухъ-аршинномъ заступѣ). Онъ только что вычистилъ поле кукурузы или гоми отъ нечистой травы. Онъ стираетъ трудовой потъ и, расправляя рукою свои кудри, обмываетъ голову холодною водою, а потомъ, надѣвъ на голову необыкновенную покрывку, затягиваетъ пѣсню свою «о-го», и она съ дикими, трогательными тонами

выказываетъ въ немъ душу твердую. Но вотъ звукъ бубна, родной музыки, доходитъ до сердца мингрельца. Не покидая чохи, онъ стремглавъ бросается къ пляшущей группѣ. Не смотрите на его изношенную въ доскутьяхъ одежду, на его испачканныя глиною ноги; но смотрите на его движенія, на тотъ взглядъ, который онъ бросаетъ кругомъ. Вотъ онъ вскинулъ на голову башлыкъ, и подъ звукъ бубна и шелканье ладоней другихъ бросился въ плясъ; онъ несется, какъ степной конь, вырвавшійся изъ табуна; въ немъ играютъ всѣ жилки; онъ облетаетъ толпу зрителей легко, правильно и своей мимикой, осанкой онъ не мужикъ, не плебей, но герой».

Вотъ какъ проходитъ жизнь мингрельца. Не лучше его живетъ и имеретинъ, родственникъ ему по типу и языку. Однако-жъ Имеретія представляетъ болѣе открытыхъ пространствъ; въ ней нѣтъ, какъ въ Мингреліи, непроходимыхъ лѣсныхъ чащъ съ вѣчно стоящимъ въ нихъ болотомъ. Мѣстность нѣсколько возвышеннѣе, суше и болѣе даетъ удобствъ для воздѣлыванія земли. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя плантаціи хлопчатника и табаку. Но и имеретинъ, подобно мингрельцу, любитъ больше жить особнякомъ, хотя домъ его не такъ жалокъ, какъ мингрельца — онъ окруженъ садомъ и полемъ. Сады эти, почти непрерывно тянущіеся по всей Имеретіи, заключаютъ въ себѣ всѣ лучшія или крупныя растительныя породы: миндаль, персики, абрикосы, чинаръ, лавры, гранаты, орѣхъ, букъ, фиговое дерево, каштанъ, магноліи, груши, маслины, разные сорта винограда и т. д.

Путь въ эту страну роскошныхъ садовъ лежитъ со стороны Тифлиса прелестными ущельями, разсѣкающими Сурамскій пе-

ревалъ. Высшая точка перевала — станція Пони — лежитъ на высотѣ 3400 футовъ. Если, такимъ образомъ, она не поражаетъ своей высотой и потому не можетъ сравниться съ переваломъ черезъ главный Кавказскій хребетъ на Военно-Грузинской дорогѣ, за то съ другой стороны она и не имѣетъ такихъ угрюмыхъ, непривѣтливыхъ картинъ, какъ тамъ. Здѣсь глазъ не можетъ оторваться отъ красоты пейзажа; здѣсь горные склоны, чрезвычайно разнообразные въ своихъ очертаніяхъ, залиты моремъ роскошной и яркой зелени. Огромными куполами поднимаются по обѣимъ сторонамъ дороги возвышенія Вахтангскаго хребта; вершину ихъ вѣнчаютъ густѣйшіе лѣса, а покатости, спускающіяся отлогю внизъ, представляютъ пестрые узоры садовъ и жилищъ, разсѣянныхъ по бархатнымъ дугамъ. Шумные каскады, то плавно и торжественно, то рьяно и бѣшено свергающіеся внизъ, нарушаютъ безмолвіе глубокихъ ущелій, на днѣ которыхъ живописно катятъ свои воды горные потоки.

Особенно красивы окрестности Бежатубани и Бѣлогоръ, гдѣ быстрая и полноводная Чхеримела, извиваясь, какъ змѣя, у подножія горъ, спускающихся къ ней фантастическими декораціями, составляетъ истинную красоту ландшафта. Непроницаемая стѣна кустарника обступила кое-гдѣ ея берега; пространныя изгороди жимолости, обвитыя благоуханнымъ плющемъ, висятъ на какой-нибудь крутизнѣ; цѣлыя семьи рододендра, напоминающія купы сирени, раскинулись въ полномъ блескѣ, въ пышномъ убранствѣ природы. Порою проглянетъ гдѣ-нибудь обнаженная скала изъ темнаго гранита или сѣраго дикаго камня, но и она служитъ дополненіемъ

ландшафту; ползучія растенія смѣло взобрались на ея отвѣсные откосы и испестрили ихъ зелеными кантами и нитями. Здѣсь человѣкъ, въ глубинѣ задумчивыхъ ущелій, межъ горныхъ тѣсинъ, окутанныхъ въ зеленый бархатъ, проложилъ себѣ путь, то висящій надъ самыми волнами рѣзвой Чхеримелы, то разсѣкающій мрачными туннелями прибрежныя скалы. Желѣзная дорога извивается постоянно зигзагами и то искривляется въ видѣ дуги, слѣдя теченіе игривыхъ волнъ, то крутымъ загибомъ исчезаетъ за свѣшивающимся надъ рѣкою выступомъ.

По мѣрѣ поднятія на перевалъ Сурамская долина открывается во всей своей обширности, но скоро этотъ пространнѣй горизонтъ исчезаетъ, поле зрѣнія значительно съ узилось — горы обступили васъ со всѣхъ сторонъ и за переваломъ вы вполне погрузились въ ихъ лабиринтъ.

Подъемъ на перевалъ труденъ и вслѣдствіе одного маленькаго приключенія сталъ мнѣ непріятенъ. Поѣздъ, состоявшій изъ небольшого числа вагоновъ, почти пустыхъ, былъ поднимаемъ въ гору двумя двойными локомотивами, однимъ — спереди, другимъ сзади. Не успѣли мы взобраться надъ разстилавшейся вправо отъ насъ Сурамской долиной, какъ передній локомотивъ далъ тревожные свистки и затѣмъ поѣздъ, послѣ нѣсколькихъ толчковъ впередъ, остановился въ наклонномъ положеніи. Оказалось, что у перваго локомотива нѣтъ паровъ, и мы вынуждены были стоять цѣлыхъ полчаса, постоянно тревожимые много разъ возобновлявшимся движеніемъ поѣзда назадъ. А ну какъ задній локомотивъ не сдержитъ собою всей тяжести напирающаго на него съ высоты поѣзда и, истощивъ послѣднюю силу, помчится съ быстротою молніи по сильно на-

клонной плоскости назадъ? Вопросъ этотъ мучилъ меня неотвязно. Но, слава Богу, пары наконецъ развели, локомотивы обмѣнялись сигнальными свистками, и мы двинулись впередъ.

Горными ущельями желѣзная дорога идетъ на протяженіи болѣе чѣмъ 50 верстъ, которыя она проходитъ въ четыре часа времени. Изъ этого видно, какъ медленно здѣсь двигается поѣздъ. У станціи Квирилы горы оканчиваются и отсюда начинается обширная равнина, которая чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ дѣлается все шире и шире. Но вотъ и Ріонъ, быстрый, мутный и величавый. Ни одна рѣка на Кавказѣ не можетъ съ нимъ сравниться по ширинѣ. Отъ станціи, носящей названіе рѣки, проложена на протяженіи семи верстъ вѣтка, соединяющая Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу съ городомъ Кутаисомъ.

Кутаисъ — небольшой, но довольно красивый городокъ, стоящій на лѣвомъ берегу Ріона. Онъ весь въ зелени, словно неvěста въ цвѣточномъ уборѣ. Нѣтъ ни одного дома, при которомъ не было бы сада. Многіе дома его сверху до низу увиты плющемъ. Видъ со стороны на Кутаисъ, наприм. съ развалинъ старой крѣпости, очаровательный. Даже полуразвалившіеся остатки бывшаго цѣпнаго моста придаютъ красоту общей панорамѣ.

Но флора, великолѣпная тропическая флора — вотъ чѣмъ особенно можетъ похвастаться Кутаисъ. Зайдите на городскую ферму, расположенную на берегу Ріона, близъ крѣпостныхъ развалинъ, или въ какой-нибудь частный садъ, напримѣръ Абашидзе, и вы будете поражены обиліемъ и рѣдкостью растительныхъ формъ.

Вотъ цѣлая роща мрачныхъ, но красивыхъ гигантовъ. Это — вѣчно-зеленые кипарисы, растущіе въ сосѣдствѣ съ жи-

тельницею тропиковъ — магноліей грандифлерой; вотъ громадныя кусты розъ, блестящіе пурпуромъ; цѣлая сѣть ярко-цвѣтныхъ бріоней, опутавшихъ наглухо изгородь; купы темныхъ туй, величественныя лавры, роскошныя мирты, ярко-пунцовыя олеандры, стройныя буки — все это тѣснится другъ возлѣ друга. Здѣсь манять къ себѣ взоры пышныя вѣтви китайской сирени или раскидистый шатеръ платана, тамъ прельщаетъ массивностью ливантскій кедръ или пробковый дубъ. Зонтичная пальма говоритъ о дальнемъ югѣ — знойной Африкѣ; граціозная веллингтонія переноситъ воображеніе на Американскій западъ. А взгляните внизъ, на яркій и чудный коверъ всевозможныхъ цвѣтовъ — тутъ глаза ваши растеряются и вы не будете знать, чему отдать предпочтеніе.

Не поскупилась природа для Бутанса; многія растенія въ немъ, которыя у насъ считались бы рѣдкими, тамъ остаются въ полномъ пренебреженіи. Фиговое дерево растетъ въ забросѣ, какъ у насъ крапива; оно даже истребляется, какъ вредное, потому что растетъ всюду — на крышахъ старыхъ строеній, въ разсѣлинахъ домовъ и фундаментовъ и, глубоко пуская корни, распираетъ ими давшія ему пріютъ постройки.

Перенесемтесь теперь отъ этого богатства растительныхъ видовъ къ морскому побережью. Здѣсь Ріонская долина едва поднимается надъ уровнемъ моря; наклона тутъ она не имѣетъ почти никакого. Частые дождевыя ливни образовали вдоль всего берега обширнѣйшія болота, заражающія воздухъ гнилыми испареніями. Здѣсь царство лихорадокъ, не оставляющихъ мѣстность почти никогда. Но не смотря на гибельныя

гигіеническія условія, индустрія привела человѣка и сюда и приковала его къ мѣсту, соблазняя различными выгодами. Здѣсь при устьѣ Ріона основался городокъ, пріобрѣвшій громкую извѣстность своимъ нездоровымъ климатомъ; это — Поті.

Только нужда или ожиданіе большой наживы могли приковать здѣсь человѣка. Но вы — пріѣзжіе; вамъ дѣла нѣтъ до внѣшнихъ условій, и вы, странствуя по немногочисленнымъ и всегда пустыннымъ улицамъ этого городка, невольно относитесь съ сожалѣніемъ ко всѣмъ, попадающимъ вамъ на встрѣчу.

Взгляните на дома — большинство изъ нихъ не имѣетъ фундамента; они построены на сваяхъ; иначе болотная почва въ короткое время обратитъ всѣ постройки въ гнилье.

Погуляйте по Поті вечеромъ; вы будете оглушены тѣмъ шумнымъ и отвратительнымъ концертомъ, который наполняетъ однообразными звуками весь городокъ. Милліоны лягушекъ заполнили всѣ улицы, сады, дворы; онѣ скачутъ у вашихъ ногъ, онѣ верещатъ чуть не у самыхъ вашихъ ушей, и ихъ безобразное квяканье раздается отсюду, изъ всѣхъ уголковъ засыпающаго подъ эту неумолчную, своеобразную музыку городка. Канавки, вырытыя по обѣимъ сторонамъ улицъ, доверху наполнены стоячей водой, затакнутой густою сѣтью ряски, скрывающей подъ собою скачущихъ музыкантовъ. Загляните въ любой колодезь, въ любую яму — тамъ кишатъ, словно въ муравьиной кучѣ, эти четверногія гады, заражая воду присущимъ имъ запахомъ.

Поті обѣщаютъ блестящую будущность; указываютъ на его приморское положеніе, на то, что онъ служитъ исходнымъ пунктомъ для закавказской транзитной торговли. Съ этою цѣлью — чтобы споспѣшествовать успѣхамъ торговли — от-

сюда повели желѣзную дорогу вглубь Кавказскаго края; съ тою же цѣлью не пожалѣли милліоновъ для улучшенія Потійскаго порта, мелкаго и неудобнаго.

Но я сомнѣваюсь, что всѣ эти затраты и старанія были бы когда-нибудь вознаграждены успѣхомъ дѣла. Потіи могъ процвѣтать до послѣдней Турецкой войны, когда всѣ шансы, какъ исходнаго пункта, были на его сторонѣ. И однако-жъ онъ не процвѣталъ. Теперь же, съ пріобрѣтеніемъ Батума, Потіи будетъ окончательно убитъ. Батумская гавань считается лучшей на всемъ восточномъ побережьи Чернаго моря; она укрыта отъ вѣтровъ, она глубока и можетъ принимать въ себя большіе морскіе корабли, не находящіе себѣ пріюта въ Потіи. Къ ней уже дѣлаются изысканія для проведенія желѣзнодорожнаго пути, который долженъ соединить Батумъ съ Потіи-Тифлисской дорогой (съ станціей Самтреди). Тогда Потіи останется совершенно въ сторонѣ, и тѣ немногія суда, которыя теперь его посѣщаютъ, за неимѣніемъ другаго лучшаго мѣста, въ будущемъ не станутъ останавливаться у Потіи. Не блестящую, но мертвую будущность можно ему пророчить.

Потіи, какъ морской пунктъ, не представляетъ никакихъ удобствъ. Онъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ; ни одно судно не можетъ въ немъ укрыться. Параходные рейсы, связывающіе его съ другими пунктами Чернаго моря, совершаются неправильно. Подулъ сильный вѣтеръ (а дуетъ онъ здѣсь очень часто) и ни одно судно не смѣетъ ни подойти къ нему, ни выйти изъ него.

Ріонъ, впадающій въ море у самаго Потіи, несетъ съ собою массы земляныхъ частицъ и отлагаетъ ихъ обильно вдоль всего примыкающаго къ устью берега, дѣлая и безъ того мелкое мѣсто

неудобнымъ для подхода большихъ кораблей. Далеко вытянувшіеся въ море эти ріонскіе наносы представляютъ значительный упоръ для морскихъ волнъ, которыя всегда почти бушуютъ здѣсь.

Теперь же, когда Россія владѣетъ другимъ пунктомъ, превосходящимъ Поті во всѣхъ отношеніяхъ, невольно рождается вопросъ: къ чему же продолжаются тѣ гигантскія сооруженія, которыя имѣютъ цѣлью улучшить Потійскую гавань? Все равно, они останутся бесполезными — Поті не воскреснуть: Батумъ перебьетъ у него всю торговлю. Да и улучшить ли они еще эту гавань?

Какъ неспеціалистъ, я не смѣю предрѣшать этого важнаго вопроса. Но вотъ что я видѣлъ своими глазами:

Отъ берега идутъ два дугообразныхъ молла значительной вышины, имѣющіе цѣль предохранить огороженное пространство отъ прибоа морскихъ волнъ. Но странное дѣло! Въ открытое мѣсто, остающееся между моллами и предназначенное, конечно, для входа морскихъ судовъ, широкою полосой врывается мутная Ріонская вода, которая такъ рѣзко отличается отъ зеленыхъ морскихъ волнъ. Вода эта несетъ съ собою массу ила, который, входя въ огороженное моллами пространство, отлагается какъ при самомъ входѣ въ него, такъ и далѣе на значительное протяженіе. Спрашивается: какая же цѣль устройства этихъ молловъ, стоящихъ немалыхъ денегъ? Впрочемъ, можетъ быть, оно такъ и нужно, чтобы все пространство, лежащее между берегомъ и моллами, засорить Ріонскимъ иломъ! Непосвященный въ тайны морскихъ сооружений, я безмолвно преклоняюсь передъ этой непостижимой для меня мудростью.

Поти украшаетъ себя, на сколько можетъ: улицы его посированы; черезъ Ріонъ, отъ вокзала къ городу, построены прекрасный мостъ; вдоль главной улицы разведенъ бульваръ, за которымъ тутъ же зеленѣетъ обширный лугъ. Въ городѣ есть нѣсколько извозниковъ, которые, какъ и вездѣ на югѣ Россіи, ѣздятъ въ парныхъ фаэтонахъ, гораздо болѣе удобныхъ и покойныхъ, чѣмъ экипажи петербургскихъ и московскихъ извозниковъ. Есть три-четыре гостиницы; лучшая — Жаке.

Населеніе Поти болѣе туземное, чѣмъ русское. Пройдитесь по базару или по улицѣ, ведущей къ вокзалу. Изъ русскихъ вамъ встрѣтятся только солдаты, да развѣ заѣзжій туристъ. Остальные — либо имеретины, мингрельцы, гурійцы, либо армяне, турки. Вонъ смотрите на террасѣ незатѣйливаго ресторана четыре восточныхъ человѣка сидятъ вокругъ столика и играютъ въ карты или кости; пятый примостился возлѣ нихъ и съ восточнымъ спокойствіемъ тянетъ кальянъ. Разношники, торговцы, прислуга, извозники и весь чернорабочій людъ — все туземцы.

Я прожилъ въ Поти двое сутокъ — болѣе, чѣмъ сколько нужно для знакомства съ этимъ городкомъ, и успѣлъ за это время вполне насладиться его прелестями — и мажорными звуками лягушекъ, и минорными мелодіями комаровъ. Отъ скуки ходилъ на морской берегъ и занимался наблюденіями надъ краббами, сидѣвшими на камняхъ.

Затѣмъ я расстался съ Поти, а вскорѣ покинулъ и самый Кавказъ.

Рязань, 1881 г.

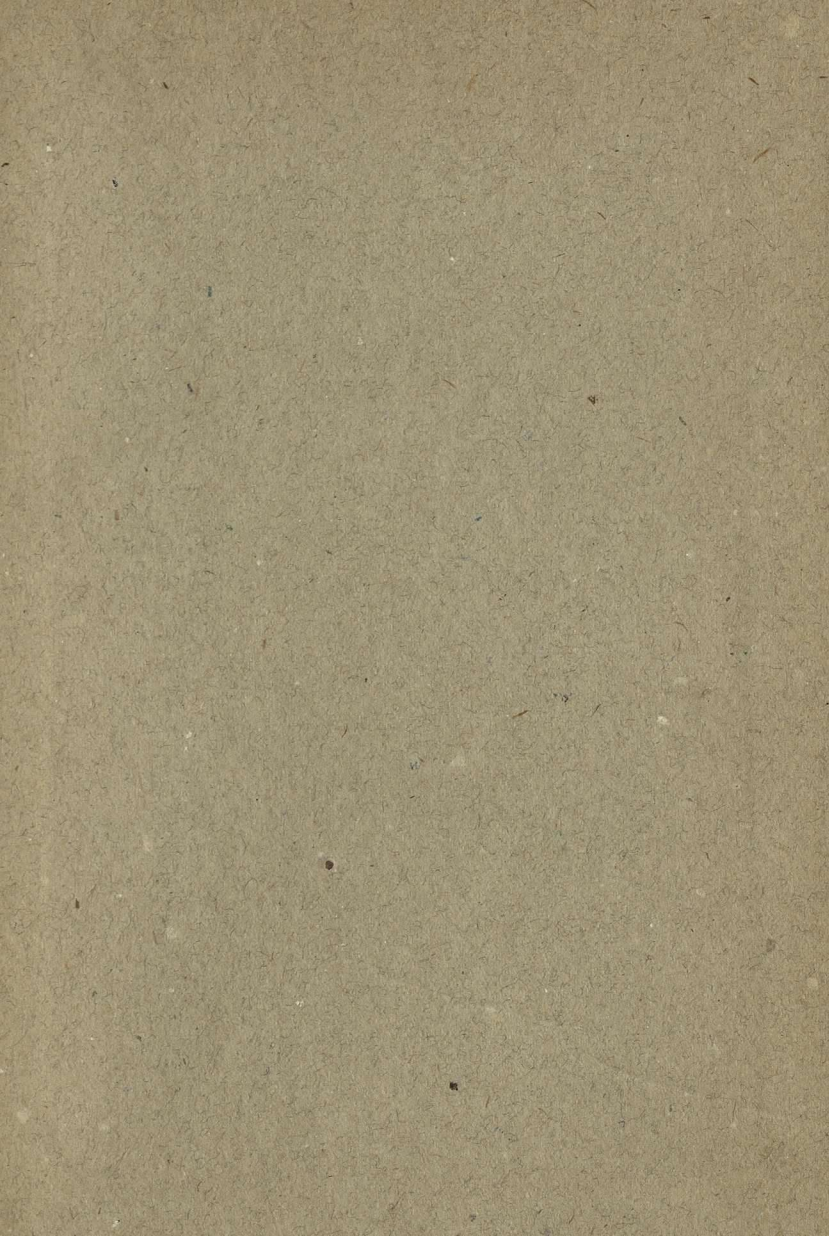

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Харьковская губернія. — Столица Украйны. — Южныя степи. — Таганрогъ. — Плаванье по Азовскому морю и Дону. — Ростовъ. — Ростово-Владикавказская желѣзная дорога	3
II. Желѣзноводскъ. — Его паркъ и минеральныя воды. — Восхожденіе на Бештау. — Пятигорскъ и его достопримѣчательности. — Проваль. — Легенда о Бештау. — Лермонтовскій праздникъ. — Памятники древности. — Кисловодскъ.	17
III. Владикавказъ. — Панорама Кавказскихъ горъ. — Дарьяльское ущелье и Терекъ. — Девдорацкій ледникъ. — Казбекъ. — Военно-Грузинская дорога. — Въ заоблачномъ царствѣ. — Знаменитый спускъ къ Млетамъ. — Арагва и Гудъ-гора. — Контрастъ сѣвернаго и южнаго склоновъ Кавказскаго гребня. — Грузія	45
IV. Общая панорама Тифлиса. — Прогулка по его улицамъ и переулкамъ. — Кура. — Тифлисъ ночью и днемъ. — Тифлисскіе нравы. — Уличная жизнь. — Майданъ. — Церковь св. Давида и могила Грибоѣдова. — Бани. — Общественная и умственная жизнь Тифлиса	82
IV. Отъ Тифлиса до Поти. — Боржомъ и Боржомское ущелье. — Сурамскій переваль. — Долина рѣки Ріона. — Растительное царство. — Обитатели Мингреліи и Имеретіи. — Кутаисъ. — Поти	112

PKM
MB

2020027058